ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИИ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ КОМИ НЦ УРО РАН

ПЕРВОБЫТНЫЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА

Материалы по археологии европейского Северо-Востока Выпуск 19 УДК 902.2(470.1) : 903.4 (470.5) (063) ББК 63.442(231):63.444(231) П26 Пер

ПЕРВОБЫТНЫЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015. – 132 с. (Материалы по археологии европейского Северо-Востока; Вып. 19). ISBN 978-5-906394-30-9

Статьи, включенные в очередной выпуск «Материалов по археологии европейского Северо-Востока», посвящены публикации результатов исследований археологических памятников широкого хронологического диапазона – от мезолита до эпохи средневековья. В основном это памятники, исследование которых проведено достаточно давно или закончено. Представлен также очерк древнейших этапов заселения Урала.

PREHISTORIC AND MEDIEVAL ANTIQUITIES OF THE EUROPEAN NORTHEAST: Materials on archeology of the European Northeast; Issue 19. – Syktyvkar, 2015. – p. (Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS).

Papers included in the 19th issue of «Materials on archeology of the European Northeast» deal with the results of researches of archaeological sites of a wide chronological range – from the Mesolithic to the Middle Ages. Basically these are the sites, which have been researched long ago or the research is finished. The essay on the most ancient stages of settling of the Urals is also presented.

УДК 902.2(470.1) : 903.4 (470.5) (063) ББК 63.442(231):63.444(231)

Редколлегия

А.В. Волокитин (отв. редактор), И.М. Тимушева (отв. секретарь), И.О. Васкул, П.Ю. Павлов, В.Н. Карманов

Editorial Board

A.V. Volokitin (editor-in-chief), I.M. Tumusheva (executive secretary), I.O. Vaskul, P.Yu. Pavlov, V.N. Karmanov

ISBN 978-5-906394-30-9

На обложке – бронзовая шумящая подвеска, Кичилькосьский ІІ могильник

[©] Институт языка, литература и истории Коми НЦ УрО РАН, 2015

[©] Коллектив авторов, 2015

ВЫПУСК ХІХ 2015

Предисловие

В очередном выпуске Материалов по археологии европейского Северо-Востока традиционно представлены публикации по всем эпохам: от раннего палеолита до средневековья. Впечатляет и география – от берегов Вычегды до Малоземельской тундры. Отрадно, что целая серия статей посвящена археологическим памятникам Печоры, так как долина и бассейн этой реки в археологическом отношении изучены гораздо слабее, чем, скажем, Вымь или Вычегда. Отличает данный выпуск и то, что исследователи, представившие статьи, выполняя свой долг перед наукой, «вернулись» к забытым темам и давно полученным материалам. Если продолжить тему печорской археологии, то следует отметить, что основной массив памятников был открыт и исследован В.И. Канивцом в эпоху первоначального «территориального» этапа развития археологии Коми, этапа, когда один исследователь изучал весь доступный на его территории хронологический спектр памятников. Потребовалось какое-то время, и в наши дни произошел переход к исследованиям по «эпохам». Однако основу все же составляют памятники, начало изучению которых было положено В.И. Канивцом.

Вэтой связи нужно отметить работу И.О. Васкула «Керамический комплекс гляденовского времени поселения Китостав ...», представившего анализ материалов из сборов В.И. Канивца и собственных раскопок далекого 1988 г. Начинающий исследователь Т.Ю. Туркина, напротив, публикует результаты исследований 2013 г. – «Поселение Бичевник I на средней Печоре ... ». Этот памятник был также выявлен В.И. Канивцом в 1963 г.

Две работы из нашего сборника – это первичное описание памятников бассейна нижней Печоры. В.С. Зеленский в статье «Памятник эпохи бронзы Синегорье I на Цильме» представил результаты работ 1982–1986, 1990 гг., а В.Е. Лузгин, А.М. Мурыгин, В.Н. Карманов – материалы разведки 1975 г. – «Археологические памятники бассейна р. Сула (Малоземельская тундра)». Думается, что обе эти работы будут по достоинству оценены современными «арктическими» археологами.

Несомненным украшением сборника является очерк о первоначальном заселении Урала. Автор, П.Ю. Павлов, представил весьма стройную картину волн освоения/заселения региона, начиная с нижнего и заканчивая финальным палеолитом. Урал, Приуралье – это не только самые северные древнейшие памятники Европы, но еще и естественная граница между «палеолитическим миром» Сибири и Европейской России. Кстати, можно отметить и разницу исследовательских традиций палеолитоведения в этих частях страны. Отсюда понятен интерес, который вызывают работы П.Ю. Павлова. Хотя отдельные положения данной его статьи могут быть оспорены.

В изучении мезолита региона сложилась парадоксальная ситуация. Выделенная Г.М. Буровым средневычегодская (ульяновская) археологическая культура уже более 30 лет является инструментом исследования раннеголоценовых индустрий Европейского Севера России. Однако ее описание и характеристика, данные Г.М. Буровым, не совсем удачны. Есть проблемы с тем, чтобы на современном методическом уровне провести изучение коллекций памятников из его раскопок. Они сортированы и частично утрачены. А.В. Волокитин, Н.А. Волокитина, В.Н. Карманов в статье «Мезолитический памятник Пезмогты 6 в среднем течении р. Вычегда», предприняли попытку сравнить полученные ими материалы с теми, что, по мнению Г.М. Бурова, характеризуют средневычегодскую археологическую культуру. Нужно отметить, что в начале исследований, в 2008 г., данная стоянка рассматривалась авторами статьи как типичная стоянка вышеназванной культуры, и была надежда, что обозначенные проблемы будут благополучно разрешены. Но более вдумчивый анализ и полученные уже в 2009 г. данные показали отличие памятника Пезмогты 6 по ряду технико-типологических показателей. Так что источниковедческая база по мезолиту средней Вычегды пополнилась добротными новейшими данными, но проблемы остались.

Чрезвычайно интересны и актуальны археологические исследования позднейших эпох. М.В. Кленов, представив результаты раскопок Жигановского поселения 2001, 2009 гг., полагает, что он тем самым завершает процесс публикации вещевого инвентаря и основных

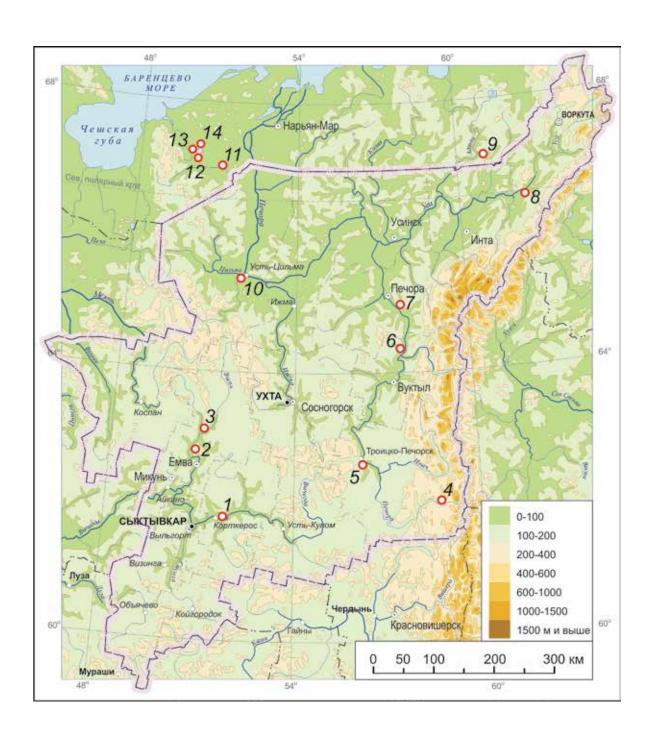
МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА

ВЫПУСК ХІХ 2015

сооружений данного наиболее крупного из поселений эпохи средневековья на европейском Северо-Востоке. Монографическое описание Кичилькосьского 2 могильника, исследованного Э.А. Савельевой в 1979 г. – существенный вклад в изучение позднего средневековья Севера Европы. Анализ материалов позволил автору уверенно высказаться в пользу того, что могильник XIII в. принадлежал «небольшой группе пришлого населения, культура которого близка прибалтийско-финской».

Думается, что 19 выпуск Материалов по археологии европейского Северо-Востока будет востребован, полезен и популярен.

А. Волокитин

Карта памятников европейского Северо-Востока, материалам которых посвящены статьи сборника: 1 – Пезмогты 6; 2 – Жигановское поселение; 3 – Кичилькосьский II могильник; 4 – Медвежья пещера; 5 – Китостав; 6 – Бичевник I; 7 – Бызовая; 8 – Мамонтова Курья; 9 – Пымва-Шор; 10 – Синегорье I; 11 – Коткино I, II; 12 – Малый Гусинец, Средний Гусинец, Большой Гусинец; 13 – Минина Виска I, II; 14 – Сударма I, II, III

ВЫПУСК ХІХ 2015

П.Ю. Павлов

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЗАСЕЛЕНИИ УРАЛА

В статье рассмотрены основные этапы заселения Уральского региона в эпоху палеолита. В среднем (около 80 тыс. лет назад) и раннем верхнем палеолите (36–28 тыс. лет назад) исходной областью заселения Урала служили южные и центральные районы Восточно-Европейской равнины. В позднем палеолите (19–12,5 тыс. лет назад) в Уральском регионе формируется локальная уральская позднепалеолитическая культура, генетически связанная с поздним палеолитом юга Западной Сибири, в это время в регионе появляется постоянное население. В финальном палеолите (12,5–9,5 тыс. лет назад) формируется уральская историко-культурная область.

Ключевые слова: палеолит, первоначальное заселение, Урал.

P.Yu. Pavlov

ON INITIAL SETTLING OF THE URAL REGION

The basic stages of settling of the Ural region during the Paleolithic are considered.

In the middle (about 80 thousand years ago) and early Upper Paleolithic (36–28 thousand years ago) southern and central areas of the East European plain served as initial areas of settling of the Ural region. In the Late Paleolithic (19–12,5 thousand years ago) local Ural Late Paleolithic culture genetically connected with the Late Paleolithic of the south of Western Siberia was formed in the Ural region, at that time the resident population appeared in the region. In the final Paleolithic (12,5–9,5 thousand years ago) the Ural historical and cultural area was formed.

Keywords: the Paleolithic, initial settling, the Ural region.

По современным данным, заселение Урала человеком в плейстоцене началось не менее чем 250 тыс. лет назад и носило волнообразный характер. Периоды заселения региона, хронологически совпадающие с интерстадиалами среднего и позднего плейстоцена, в стадиалах сменялись длительными интервалами, в течение которых север Уральского региона не был заселен человеком (Павлов, 2008).

Пути заселения севера Уральского региона в раннем и среднем палеолите

Говорить о каких-либо этнокультурных связях и взаимодействиях для эпохи раннего и среднего палеолита (для севера Урала это 250–80 тыс. лет назад), очевидно, не стоит. Для этого, весьма отдаленного от нас периода, можно только попытаться определить исходные районы миграций гоминид на север Европейского континента.

По современным данным, человек впервые проник в бассейн верхней Камы в раннем палеолите, во второй половине среднего плейстоцена – не позднее, чем 250 тыс. лет назад. К этому времени достоверно относится единственный надежно датированный памятник – Ельники II. Немногочисленный каменный инвентарь местонахождения демонстрирует черты галечной индустрии (Павлов, 2008).

Второй этап колонизации региона связан с мустьерской эпохой. Памятники этого периода на севере Уральского региона известны в настоящее время только в бассейне верхней Камы. Это стоянка Гарчи I (нижний слой) и местонахождение Пещерный Лог (Павлов, Робрукс, Свендсен, 2006; Павлов, 2008). Стратифицированные находки среднего палеолита на стоянке Гарчи I датируются одним из ранневалдайских интерстадиалов (оддераде?), и имеют возраст около 80 тыс. лет назад. Для каменной индустрии этого памятника характерно преобладание угловатых, конвергентных и диагональных скребел с ретушью Кина, остроконечников, двусторонних плосковыпуклых ножей с площадкой (Kielmesser), листовидных бифасов. Аналогичные характеристики имеет небольшой, но выразительный комплекс известного местонахождения Пещерный Лог. Техникотипологические особенности каменного инвентаря среднепалеолитических памятников верхней Камы указывают на их принадлежность к кругу восточноевропейских индустрий Kielmessergruppen (Павлов, 2012).

На территории Восточной Европы памятники Kielmessergruppen распространены в Крыму, на юге, западе и в центре Восточно-Европейской равнины, Северном Кавказе и нижнем Поволжье (Колесник, 2003; Степанчук,

выпуск хіх 2015

2006). К востоку от Урала стоянки, относящиеся к индустриям Kielmessergruppen, не найдены (Деревянко, Шуньков, 2005).

Таким образом, более вероятно, что в среднем палеолите человек проникал в бассейн верхней Камы из южных или центральных областей Восточноевропейской равнины.

Этнокультурные связи населения Уральского региона в раннем верхнем палеолите

Среди памятников начала верхнего палеолита на севере Уральского региона выделяются две хронологические группы. К первой относятся стоянки, существовавшие в регионе в конце ленинградского интерстадиала и начале шенского похолодания среднего валдая (38–33 тыс. лет назад). Это стоянки Мамонтова Курья (бассейн Печоры) и Заозерье (бассейн верхней Камы). К стоянкам второй хронологической группы, датирующихся концом брянского интерстадиала среднего валдая (29-28 тыс. лет назад), достоверно относятся три памятника: Гарчи I (верхний слой), грот Близнецова (бассейн верхней Камы) и Бызовая (бассейн Печоры). Два памятника, расположенные на верхней и средней Каме -Сорокино и Сосновское II, не датированы, но по технико-типологическим характеристикам каменного инвентаря достаточно уверенно относятся к костенковско-стрелецкой культуре ранней поры верхнего палеолита (Павлов, 2012).

Природные условия середины – второй половины среднего валдая на севере Урала могут быть охарактеризованы как умеренно холодные. В бассейне верхней Камы были развиты лесостепные ландшафты. В растительном покрове существенную роль играла древесная растительность, приуроченная в основном к речным долинам. На водоразделах были распространены открытые степные ландшафты. Более холодные природные условия существовали в это время в бассейне Печоры. Здесь доминирующим видом ландшафтов были тундростепи.

Немногочисленная коллекция заполярной стоянки Мамонтова Курья (38–34 тыс лет назад) предположительно относится к числу индустрий начала верхнего палеолита Восточной Европы (Павлов, 2008).

(35-33 тыс. лет назад) насчитывает более 2 тыс. экз. и может быть охарактеризован достаточно полно. Техника первичного расщепления характеризуется торцовыми нуклеусами. Орудийный инвентарь стоянки состоит из двух различных технико-морфологических групп изделий - пластинчатой и бифасиальной. Пластинчатая группа представлена пластинами с краевой ретушью, остриями и резцами. Выразительную группу составляют массивные пластины с крутой «ориньякской» чешуйчатой ретушью. Резцы представлены боковыми с ретушированной площадкой и угловыми. Выделяются двойные острия на крупных массивных пластинах и острия с дугообразно ретушированным или затупленным краем, близкие к остриям Шательперрон. Все скребки преимущественно высокой формы, изготовлены на отщепах, большая их часть имеет вентральную подтеску. К бифасиальной группе относятся скребла и ножи. Основной особенностью техники их изготовления является применение плоско-выпуклой ретуши, характерной для европейских среднепалеолитических индустрий Kielmessergruppen. Важнейшей чертой инвентаря стоянки является присутствие в нем костяных орудий (наконечников из рога северного оленя и бивня мамонта, острий и проколок) и украшений (подвесок и бусин), изготовленных из раковин речных моллюсков и ископаемых криноидей (Павлов, 2009).

В каменном инвентаре стоянки Заозерье сочетаются признаки, характерные как для «развитых», так и для архаичных (симбиотических) культур начальной поры верхнего палеолита Евразии. На этом основании она может быть отнесена к так называемым «переходным» индустриям и выделена в отдельную культуру (культурный тип) начала верхнего палеолита Восточной и Центральной Европы (Павлов, 2009).

Среди памятников второй хронологической группы выделяются стоянки костенковско-стрелецкой культуры – Гарчи I, Сорокино и Сосновское II. Наиболее представительная коллекция происходит со стоянки Гарчи І (29 тыс. лет назад) (Павлов, 2010).

Техника первичного расщепления характеризуется плоскими нуклеусами параллельного скалывания, единично представле-Каменный инвентарь стоянки Заозерье ны вторичные торцовые ядрища на отщепах. выпуск хіх 2015

Ведущая форма заготовки - отщеп, пластины в коллекции практически отсутствуют. Основная категория орудий - скребки. Преобладают подтреугольные изделия с вентральной подтеской и округлые с ретушью по периметру заготовки, единично представлены скребки высокой формы, среди них выделяются кареноидные. Многочисленны двустороннеобработанные треугольные наконечники с вогнутым и прямым основанием (стрелецкого и сунгирского типов). Скребла изготовлены, как правило, на массивных пластинчатых сколах, среди них есть изделия с плоско-выпуклой ретушью. Найдены также острия, плитки кремня с двусторонней ретушью по одному из краев, поперечные и боковые резцы, ножи с обушком, близкие к Kielmesser.

Орудийный набор памятника содержит все основные типы, характерные для стоянок костенковско-стрелецкой культуры. Наиболее близкие аналогии прослеживаются в материалах V слоя стоянки Костенки I (Павлов, 2010).

В технико-типологических характеристиках каменного инвентаря стоянки Бызовая (28 тыс. лет назад) присутствуют верхнепалеолитические элементы (призматические нуклеусы, концевые скребки (в том числе карене), pieces esquilles, тонкие листовидные бифасы) при преобладании мустьерских черт (ножи Kielmesser, разнообразные скребла, в том числе типа Кина). Найдены немногочисленные изделия из рога северного оленя (Павлов, 2008).

В конце среднего валдая (27–24 тыс. лет назад) происходит существенное изменение всей археологической картины на территории Восточной Европы: исчезают культуры ранней поры верхнего палеолита и распространяются развитые ориньякоидные и граветтоидные индустрии средней поры верхнего палеолита (Аникович, Попов, Платонова, 2008). Эти изменения нашли свое специфическое отражение на Урале. В конце среднего валдая в регионе также исчезают индустрии ранней поры верхнего палеолита. Однако это не сопровождалось, как в центре Восточно-Европейской равнины, появлением в регионе стоянок средней поры верхнего палеолита, что, по крайней мере, частично следует связывать с крайне неблагоприятными для жизни человека природно-климатическими условиями, существовавшими в первой половине порции использовались отщепы и пластины.

позднего валдая на севере Урала (Астахов, Свендсен, 2008). Не исключено, что в конце среднего - первой половине позднего валдая произошла депопуляция территории региона, о чем свидетельствует отсутствие палеолитических стоянок на Урале в хронологическом интервале от 27 до 19 тыс. лет назад (Павлов, 2008).

Существенное изменение направления культурных связей и усложнение форм этнокультурных взаимодействий произошлио на Урале в позднем и финальном палеолите 19-9,5 тыс. лет назад.

Особенности заселения Уральского региона в позднем и финальном палеолите

Опорными памятниками позднего палеолита на севере Уральского региона являются стоянки им. Талицкого, Шированово II, Медвежья пещера. К памятникам финала палеолита относятся стоянки Пымва-Шор I, Горная Талица, Усть-Пожва, III культурный слой грота Большой Глухой, грот Столбовой и местонахождение Горка (Павлов, 2012; Павлов, 2007).

Данные по природному окружению позднепалеолитических стоянок северо-востока Европы показывают, что климатические условия времени их существования были значительно холоднее средневалдайских.

Практически все позднепалеолитические и финальнопалеолитические стоянки, расположенные в Уральском регионе отнесены автором к уральской позднепалеолитической культуре (Павлов, 2008).

Основные характеристики инвентаря памятников культуры заключаются в следующем. Первичная обработка основана на использовании параллельных способов расщепления – объемного и плоскостного. Нуклеусы представлены призматическими, уплощенно-призматическими с продольно-поперечным скалыванием, коническими и торцовыми формами, использовались вторичные ядрища, применявшиеся для отделения пластин и микропластин. В больших комплексах обязательно имеются плоские ядрища.

Ведущим типом скола являются пластины с неправильной огранкой, присутствуют крупные пластины и микропластинки. В качестве заготовок приблизительно в равной проВЫПУСК ХІХ 2015

В составе орудийного набора представлены: небольшие округлые скребки на отщепах и концевые скребки на удлиненных отщепах и фрагментах пластин, в том числе и высокой формы; боковые, поперечные и угловые резцы, преимущественно на отщепах; долотовидные орудия; усеченные пластины, пластины с выемками и пластины с притупленной спинкой; шиповидные и зубчатые формы; проколки с плечиками. В инвентаре обязательно присутствуют микропластины с ретушью (вкладыши) и группа галечных орудий. Характерны также унифасы и скребла с прямым, выпуклым и вогнутым лезвием. Яркой отличительной чертой комплексов является присутствие в них двусторонних вкладышевых орудий.

Практически все ранние стоянки культуры в настоящее время известны в бассейне Камы: это стоянка Талицкого, Шированово II и, вероятно, местонахождения Драчево и Ганичата III. В Южном Зауралье к ранней группе может относиться стоянка Троицкая I. Возраст этой группы памятников составляет 19–16 тыс. лет назад (Павлов, 2012).

Стоянки второго этапа развития культуры (15–12,5 тыс. лет назад) распространены уже по всему Уралу от Северного до Южного (рис. 1). Это такие стоянки, как Медвежья пещера, Усть-Койвинская пещера, пещера Котел, Кумышанская, Гари, грот Бобылек, пещера Кульюрттамак, пещера Байсланташ, Сергеевка 1, Капова пещера и ранний комплекс Игнатиевской пещеры (Павлов, 2012; Гимранов и др., 2012).

Стоянки позднего или финальнопалеолитического этапа (12,5–9,5 тыс. лет назад) найдены в бассейне верхней Камы, на Южном Урале и в Большеземельской тундре (гряда Чернышова). Это стоянки Горная Талица, грот Столбовой, Усть-Пожва II–VI, Горка, Рязановский Лог, третий культурный слой грота Большой Глухой, поздний комплекс Игнатиевской пещеры и стоянка Пымва-Шор I (Павлов, 2012).

В течение второй половины позднего общие черты в каменном инвентаре, которые валдая, позднеледниковья и, вероятно, в раннем голоцене, памятники уральской культуры распространяются вдоль всего Урала: от Ного набора. В коллекциях представлены плоскостные, призматические и торцовые нуклечах количество увеличиваются к среднему и кой являются пластины длиной 2–5 см. Среди

позднему этапам ее существования, что очевидно отражает возрастающую плотность населения.

На всех трех этапах существования уральской культуры сохраняются основные элементы структуры каменного инвентаря, которыми являются: уплощенно-призматические, ортогональные, торцовые и плоские нуклеусы; двусторонние и односторонние вкладышевые орудия; округлые скребки на отщепах и концевые скребки на удлиненных отщепах и фрагментах пластин; изделия с выемками и шипами; усеченные пластины; боковые резцы; микропластины и микропластины с ретушью (вкладыши); галечные орудия и скребла.

Стоянки уральской культуры представлены в регионе различными типами памятников: охотничьими лагерями, пещерными святилищами и стоянками на природных кладбищах мамонтов (Павлов, 2008). Пространственное и хронологическое распределение стоянок культуры, возникновение внутрирегиональных культурных взаимодействий свидетельствует о существовании в Уральском регионе во второй половине позднего валдая и позднеледниковье постоянного населения. На это прямо указывает появление около 15 тыс. лет назад в регионе пещерных святилищ (Капова и Игнатиевская пещеры) (Сериков, 2009).

По основным характеристикам комплексов каменного инвентаря, позднепалеолитические стоянки северо-востока Европы близки к памятникам средней поры верхнего палеолита южной Сибири. Эти сибирские стоянки характеризуется появлением мелкой пластинчатой индустрии (Vasil'ev, 2000; Зенин, 2002). Территориально наиболее близки к памятникам позднего палеолита северо-востока Европы раннесартанские стоянки этой культурно-хронологической группы, расположенные на юге Западной Сибири. К ним относятся такие памятники, как Шестаково (уровни 24-17), Ачинская, Томская, Евалга. Все они имеют общие черты в каменном инвентаре, которые отчетливо фиксируются в технике расщепления и сочетании основных категорий орудийного набора. В коллекциях представлены плоскостные, призматические и торцовые нуклеусы небольших размеров. Основной заготов-

изделий с вторичной обработкой представлены пластины с краевой ретушью, в том числе образующих выемки; усеченные пластины; скребки концевые на пластинах и пластинчатых отщепах, в том числе высокой формы и округлые на отщепах; долотовидные изделия; галечные орудия (Зенин, 2002).

В последние годы в Средней Азии К.А. Колобовой выделена кульбулакская верхнепалеолитическая культура западного Памиро-Тянь-Шаня (Колобова, 2014). Характеристики комплексов каменного инвентаря развитого этапа существования культуры (по К.А. Колобовой от 30 до 25 тыс. лет назад) имеют значительное сходство со структурой комплексов каменного инвентаря мелкопластинчатых индустрий Сибири и ранних памятников уральской культуры.

Особенно сближает эти памятники характерная особенность техники первичного раскалывания – присутствие кареноидных нуклеусов. Подобные изделия имеются в памятниках уральской культуры на раннем (им. Талицкого, Шированово II) и среднем этапах (Байсланташ, Сергеевка 1) ее существования.

Существенное сходство прослеживается и в структуре орудийных комплексов кульбулакских и уральских памятников.

Таким образом, важнейшей особенностью второй половины позднего палеолита является возникновение региональной уральской позднепалеолитической культуры, вероятно, генетически связанной с североазиатским палеолитом. В конце палеолита в Евразии формируется уральская историко-культурная область. Ее население сыграло определенную роль в освоении обширных пространств севера Восточной Европы освободившихся от покрова материковых льдов в финальном плейстоцене и раннем голоцене.

Заключение

В заключение можно обозначить как общие черты, так и особенности заселения Уральского региона в различные периоды эпохи палеолита. Данные о характере ранних этапов заселения региона (ранний и средний палеолит) практически отсутствуют. Для эпохи среднего палеолита имеются достаточные основания считать, что гоминиды проникали на север Уральского региона с юга Восточно-Европейской равнины.

Важной особенностью колонизации севера Уральского региона в начале верхнего палеолита (38–33 тыс. лет назад) является практически одновременное заселение как юга (Кама), так и севера (Печора) региона. Исходной областью расселения служили центральные районы Восточно-Европейской равнины, миграции распространялись с юго-запада. Для этого периода можно предположить начало освоения региона человеком.

На заключительном этапе ранней поры верхнего палеолита (29–28 тыс. лет назад) происходит, вероятно, смена характера колонизации региона и переход его от периода освоения в период заселения. Однако этот процесс не получил логического завершения в виде формирования региональной культуры. В первой половине позднего валдая, в силу различных причин, одной из которых явилось, по-видимому, резкое ухудшение региональных природно-климатических условий, происходит депопуляция, по крайней мере, севера Уральского региона.

Следующий цикл колонизации начался во второй половине позднего валдая, после максимума поздневалдайского оледенения.

В это время на Урале происходит формирование локальной позднепалеолитической культуры - уральской. Развитие культуры происходило в большей степени автохтонно. На первом этапе ее существования ее характеристики имеют наибольшее сходство с «материнскими» сибирскими мелкопластинчатыми индустриями. На втором этапе сходство с сибирскими индустриями становится менее выраженным, но не исчезает полностью, возникают культурные связи между различными группами населения внутри Уральского региона, происходит консолидация культуры, появляются культовые памятники. На третьем, финальнопалеолитическом этапе впервые отчетливо прослеживаются постоянные межрегиональные культурные взаимодействия, в первую очередь, с населением Восточно-Европейской равнины, которые на западной границе ареала культуры доминируют. В это же время проявляются признаки процесса региональной культурной дифференциации. Формы культурных взаимодействий указывают на существование в регионе в позднем и финальном палеолите постоянного населения (Павлов, 2012).

По видовому составу промысловой фауны, особенно по абсолютному преобладанию остатков лошади, стоянки начальной и ранней поры верхнего палеолита северо-востока Европы аналогичны памятникам этих периодов центра Восточно-Европейской равнины. Видовой состав основных промысловых животных стоянок позднего палеолита северо-востока Европы (лошадь, северный олень) и таковой одновозрастных ей стоянок Восточно-Европейской равнины, где доминирует мамонт, резко отличен.

По характеру распределения культурных остатков в слое памятники открытого типа ранней поры верхнего палеолита и позднего палеолита обнаруживают несомненное сходство.

На всех этих памятниках культурные остатки залегают локализованными скоплениями и являются, вероятно, остатками наземных жилых сооружений. Вне пределов скоплений культурный слой беден или отсутствует.

На стоянке Гарчи I выявлено два скопления культурных остатков овальной формы. Площадь одного из них, с линией очагов в центральной части, составляет не менее 20 кв.м. Особенности планировки и характер залегания культурного слоя в скоплениях позволяют сделать вывод о том, что они представляют собой остатки сравнительно больших наземных жилых сооружений. Состав находок в скоплениях, представленных в подавляющем большинстве отходами изготовления треугольных наконечников стрел или копий, позволяет отнести этот памятник к числу базовых охотничьих лагерей.

На стоянке Заозерье скопления культурных остатков меньше по площади (около 10 кв. м) и отличаются по структуре. Жилые площадки на стоянке Заозерье, видимо, оставлены небольшим охотничьим коллективом в ходе многократных посещений места добычи животных. Различия в размерах жилых площадок на стоянках Гарчи I и Заозерье, очевидно, указывают на различную численность групп населения, оставивших эти памятники. Можно предположить, что численность таких групп на стоянке Заозерье была меньшей, чем на стоянке Гарчи I.

На стоянке Талицкого находки локализовались преимущественно вокруг очагов,

образуя несколько крупных скоплений овальной формы. Внутри этих скоплений найдены заполненные пережженными и обугленными костями очажные ямы округлой или неправильно-округлой формы. Стоянка относится к типу временных охотничьих лагерей.

Стоянка Шированово II имеет общие черты со стоянкой Талицкого в группировке культурных остатков на площади памятника и, вероятно, также являлась кратковременным охотничьим лагерем.

Находки на стоянке Медвежья пещера залегали скоплениями, между которыми культурный слой отсутствовал. Однако в культурном слое Медвежьей пещеры не найдены очаги и кострища, не встречены даже единичные угли. Эта особенность может быть связана с существованием на стоянке ритуального объекта (Павлов, 1996).

На стоянке финального палеолита Горная Талица культурные остатки залегали четко локализованными скоплениями, что может свидетельствовать о существовании на памятнике жилых площадок. На севере региона, в Заполярье, в финальном палеолите известны кратковременные стоянки небольших коллективов, весьма характерные для предшествующего позднепалеолитического периода.

Интересно отметить, что остатки основного вида промысловых животных на стоянке начальной поры верхнего палеолита Заозерье и на позднепалеолитических стоянках Талицкого и Шированово II представлены почти исключительно фрагментированными костями конечностей и черепами. Учитывая, что стоянку Талицкого и Шированово II отделяет от памятников раннего верхнего палеолита огромный хронологический интервал – не менее 15 000 лет, сходство в этом просто поразительное.

Таким образом, большая часть стоянок верхнего палеолита, выявленных в регионе, относятся к числу временных охотничьих лагерей. Долговременных поселений с мощным, насыщенным культурным слоем на северовостоке Европы, как, впрочем, и на всей территории севера Евразии, до настоящего времени не найдено.

Уральский регион заселялся первобытными коллективами, система жизнеобеспечения которых была основана на неспециализированной охоте на крупных стадных

копытных. Этот адаптивный тип характеризовался высокой мобильностью населения (локальные культуры, основанные на экоадаптации, по А.В. Головневу, 2009). Направления и формы этнокультурных взаимодействий населения Уральского региона в эпохи верхнего и позднего палеолита были обусловлены конкретно-исторической ситуацией, складывавшейся в сопредельных с Уралом регионах в среднем и позднем валдае.

Отсутствие значительных естественных препятствий между Уралом, Восточно-Европейской равниной и Сибирью, развитая речная сеть, служившая естественным путем расселения и способствовавшая миграциям населения, явились важнейшими природногеографическими факторами, обусловившими раннее заселение Уральского региона и направления культурных связей его древнейшего населения.

Литература

Аникович М.В., Попов В.В., Платонова Н.И. Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. Нестор-История. СПб., 2008. 302 с.

Астахов В.И., Свендсен Й-И. Природная обстановка времени первоначального заселения приуральского Севера // Путь на Север. Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и субарктики: матер. Междунар. конф./ Институт географии РАН. М., 2008. С. 98–106.

Гимранов Д.О., Котов В.Г., Курманов Р.Г., Румянцев М.М. Стоянка верхнего палеолита Сергеевка 1 на реке Нугуш (Южный Урал) // Вестник Пермского университета. Серия История. 2012. Вып. 1 (18). С. 24–37.

Головнев А.В. Антропология движения. Этнографическое бюро. Екатеринбург, 2009. 495 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии. Гипотезы и факты. Новосибирск: Наука, 2005. С. 19–34.

Зенин В.Н. Основные этапы освоения Западной Сибири палеолитическим человеком // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 4 (12). С. 22–44.

Колесник А.В. Средний палеолит Донбасса // Археологический альманах. Донецк: Лебедь, 2003. № 12. 292с.

Колобова К.А. Верхний палеолит Западного Памиро-Тянь-Шаня: автореф. дис. ... д-ра ист.н. Новосибирск, 2014. 38с.

Павлов П.Ю. Культурные связи населения Уральского региона в эпоху палеолита // Вестник Пермского университета. Серия История. 2012. Вып.1 (18). С. 6–23.

Павлов П.Ю. Стоянка Гарчи І — памятник костенковско-стрелецкой культуры на Верхней Каме (Северный Урал) // Археологические вести. 2010. № 16 (2009). Дмитрий Буланин. СПб., С. 16–28.

Павлов П.Ю. Стоянка Заозерье – памятник начальной поры верхнего палеолита на северо-востоке Европы // РА. 2009. № 1. С. 5–17.

Павлов П.Ю. Палеолит северо-востока Европы: новые данные // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 1 (33). С. 33–45.

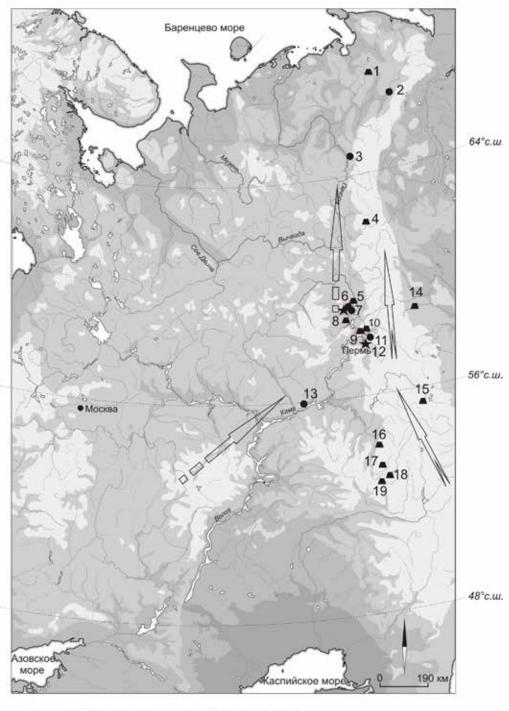
Павлов П.Ю. Поздний и финальный палеолит северо-востока Европы // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. М., 2007. С. 73–85.

Павлов П.Ю., Робрукс В., Свендсен Й-И. Средний палеолит и ранняя пора верхнего палеолита на северо-востоке Европы // II Северный археологический конгресс. Ханты-Мансийск 24–30 сент. 2006 г.: доклады. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. С. 280–305.

Сериков Ю.Б. О времени и характере освоения пещер палеолитическим населением Урала // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг.: Матер. Всерос. сем., посвящ. 125-летию Б.Э. Петри. Иркутск, 2009. С. 315.

Степанчук В.Н. Нижний и средний палеолит Украины. Зелена Буковина, Черновцы, 2006. 463 с.

Vasil'ev S. The Siberian Mosaic: Upper Palaeolithic adaptations and change before the Last Glacial Maximum // Roebroeks W., Mussi M. (eds.). Hunters of the Golden Age. The Mid Upper Palaeolithic of Eurasia 30.000–20.000 BP. Leiden, 2000. P. 173–196.

- ★ стоянки раннего и среднего палеолита
- стоянки ранней поры верхнего палеолита
- стоянки позднего и финального палеолита
- возможные направления миграций 80-28 тыс. лет назад
- возможные направления миграций 19-16 тыс. лет назад

Рис. 1. Карта опорных палеолитических памятников Уральского региона.

- 1 Пымва Шор I; 2 Мамонтова Курья; 3 Бызовая; 4 Медвежья пещера; 5 Усть-Пожва; 6 Гарчи I;
- 7 Сорокино; 8 Шированово II; 9 Горная Талица; 10 стоянка Талицкого; 11 Заозерье; 12 Ельники II;
- 13 Сосновское II; 14 Гари; 15 грот Бобылек; 16 Игнатиевская пещера; 17 Кульюрттамак; 18 Капова пещера; 19 Байсланташ; 20 Сергеевка 1

ВЫПУСК ХІХ 2015

А.В. Волокитин, Н.А. Волокитина, В.Н. Карманов

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК ПЕЗМОГТЫ 6 В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ РЕКИ ВЫЧЕГДЫ

Монографически представлены результаты исследования мезолитического памятника Пезмогты 6 на средней Вычегде. Он расположен на дюне на краю останца песчаной 1-й надпойменной террасы у старичного оз. Пезмогты. Состав кремневого инвентаря позволяет считать данный памятник кратковременной стоянкой-мастерской. Предпринята также попытка сравнения материалов Пезмогты 6 с ранее исследованными мезолитическими стоянками Вычегды.

Ключевые слова: мезолит, стоянка-мастерская, Вычегда, кремневый инвентарь, метрические показатели пластин.

A.V. Volokitin, N.A. Volokitina, V.N. Karmanov

MESOLITHIC SITE PEZMOGTY 6 IN THE MIDDLE COURSE OF THE VYCHEGDA RIVER

The results of research of the Mesolithic site Pezmogty 6 on the middle Vychegda are presented monographically. It is located on a dune at the edge of sandy 1st fluvial terrace near the oxbow lake Pezmogty. The structure of flint assemblage allows to consider this site as a short-term camp-workshop. An attempt of comparison of materials of Pezmogty 6 with earlier investigated Mesolithic sites of Vychegda is also undertaken.

Keywords: the Mesolithic, camp-workshop, the Vychegda river, flint implements, metric indicators of blades.

Мезолитические стоянки на р. Вычегде впервые открыты Г.М. Буровым в 1957 г. и исследовались им 1958-1959 гг. Раскопочные работы на значительных площадях были проведены на стоянке Кузьвомын в верховьях реки и на стоянке Ульяново в ее среднем течении (Буров, 1959; 1961; 1965; 1967). В последующем, в период с 1975 по 1982 гг., Э.С. Логиновой на средней Вычегде был открыт и в разной мере исследован ряд памятников мезолита (Логинова, 1985; 2014). Из них раскопкам подверглись стоянки Чертас 1 и Чертас 2, Курьядор 2. В то же самое время мезолит в нижнем течении Вычегды и в долине р. Вымь исследовала Л.Л. Косинская (2007). В 1986 и 2000 гг. А.В. Волокитиным продолжены раскопки одноактной мезолитической мастерской Курьядор 2, а в верхнем течении Вычегды им же в 2003-2008 гг. изучались стоянки Чердыб 1 и Чердыб 2. Вместе с тем А.В. Волокитин в течение полутора десятков лет, начиная с 1985 г., основное внимание уделил исследованию мезолитических пойменных памятников Парч 1 и Парч 2 на верхней Вычегде. Они отличаются от перечисленных выше стоянок не только своей приуроченностью к отложениям поймы, но имеют совершенно иной, несопоставимый с изученным

ранее мезолитическим материалом, инвентарь. На основании исследования этих стоянок была выделена парчевская культура, имеющая множество общих черт с бутовской культурой Волго-Окского междуречья (Волокитин, 2006). Ранее Г.М. Буров обосновал выделение средневычегодской культуры, входящей в выделенный им же кама-печорский культурный тип мезолита (Буров, 1986). Однако, при явном различии индустрий парчевских стоянок и других мезолитических материалов Вычегды, осталось очень много вопросов, касающихся, в том числе, и характеристики каменной индустрии средневычегодской культуры.

В 2005 г. В.Н. Кармановым был открыт новый мезолитический памятник на средней Вычегде – стоянка Пезмогты 6. Его дальнейшее изучение проводилось в 2007–2009 гг. Отметим, что это первая стоянка эпохи мезолита в долине средней Вычегды, исследованная после значительного перерыва. В ее раскопках был задействован весь доступный арсенал современных методик. Сравнение коллекций, полученных Г.М. Буровым, а также другими исследователями, и материалов нового памятника позволит подойти к решению ряда проблем, связанных мезолитом Вычегды.

выпуск хіх 2015

Памятник Пезмогты 6 расположен в окрестностях с. Пезмог Корткеросского района Республики Коми, в пезмогском геоархеологическом микрорайоне, в урочище Шойнаяг, примыкающем к старичному оз. Пезмогты бывшему руслу р. Вычегда (рис. 1) и разновозрастным генерациям поймы реки. Стоянка находится в 0,75 км к югу от современного русла р. Вычегда на небольшой эоловой дюне высотой около 2 м над поверхностью 1-й надпойменной террасы, на которой она расположена. Это отличает ее от других вычегодских памятников мезолита, которые приурочены к отложениям II надпойменной террасы. Сама терраса примыкает здесь к одному из древнейших в этом микрорайоне сегментов поймы реки. Радиоуглеродным методом датирован оторфованный суглинок, заполняющий низы ложбины (1,67–1,82 м от современной поверхности), соответствующей палеоруслу реки. Полученная дата - 8860±70 (ГИН-14189a) свидетельствует об отмирании основного русла и начале формирования старицы в нач. IX тыс. до н.э. К сожалению, мы не можем достоверно сопоставить время существования мезолитической стоянки и изменения вблизи нее локальной природной обстановки, поскольку валидные С14 даты для археологического контекста отсутствуют. Но можно допустить, что на большем протяжении раннего голоцена терраса здесь примыкала к старичному озеру.

Высота дюны, на которой расположена стоянка, над уровнем поймы Вычегды достигает 6 м. Если с западной, северо-западной стороны она круто обрывается в пойму, то в направлении к югу, юго-востоку склон пологий (рис. 2). Поверхность дюны хорошо задернована. Из видимых разрушений наблюдались вывороты от упавших деревьев. Именно в корнях упавшего дерева на южном склоне в 2005 г. был найден проксимальный сегмент призматической пластинки. Заложенный тогда же шурф (1 х 1 м) показал наличие культурных остатков в непотревоженных отложениях. В дальнейшем шурф был вписан в общую сетку раскопов. Исследование стоянки проводилось параллельно с раскопками памятников эпохи неолита данного микрорайона.

Общая вскрытая в 2007-2009 гг. площадь на стоянке Пезмогты 6 составила 94 кв. м (рис. 3). Перепад высот дневной поверхности

наблюдается обычный для «боровых» террас разрез отложений: растительная подстилка, белесый подзол и желтый иллювиальный горизонт (рис. 4). Он осложнен многочисленными нарушениями, связанными с ветровалом, когда корни падающей сосны перемещают горизонты почвы.

Культурные остатки зафиксированы как в подзоле, так и в смешанном, и в иллювиальном горизонте. Иногда они залегали в непосредственной близости от дневной поверхности. Все находки заносились на план под номерами и фиксировались по высоте залегания. Грунт культуросодержащих отложений на большей части площади раскопа был просеян, в результате чего было получено значительное количество чешуек, мелких отщепов и обломков пластинок.

Выявлены три основных пятна находок. Одно - в центре южной части раскопа. Оно овальное, его размеры - 3 х 4 м. На расстоянии 3-х метров на север наблюдались еще два скопления. Однако четкие границы скоплений отсутствуют. Мощность линзы находок в их пределах не отличается от фонового показателя (рис. 5). Была предпринята попытка сравнения находок из скоплений по использованному кремневому сырью. Анализ распределения по раскопанной площади изделий, изготовленных из однородного сырья (возможно, от нескольких «кусков» кремня), показал, что он располагается в соответствии с общим распространением находок (Будзанивский, Пахомова, 2009). То же самое показало сравнение метрических показателей заготовок, то есть распределение по ширине пластин (рис. 11).

Проекции находок на профили показывают, что они залегали одной линзой, максимальная мощность которой достигает 95 см. Наибольшее сгущение находок наблюдается в зонах скоплений. Разброс находок значителен, что обусловлено приуроченностью памятника к верхам дюны, где вероятно перемещение артефактов по склонам. Значительную роль сыграли и ветровалы. Основная масса предметов найдена на глубине 10-50 см.

Коллекция стоянки Пезмогты 6 состоит из 5742 предметов: 5669 изделий из кремня, 64 - из некремневых пород и 19 мелв пределах раскопа достигал 1 м. На памятнике ких фрагментов кальцинированных костей. ВЫПУСК ХІХ 2015

Кремневый инвентарь включает в себя пластины, в том числе и орудия из них (2878 экз.), отщепы и орудия из отщепов (1233 экз.), отщепки резцовые (8 экз.), чешуйки (1298 экз.), куски (5 экз.), осколки (189 экз.), плитки (4 экз.), осколки и отщепы термические (33 экз.)*. Предметы из некремневых пород (кварцитопесчаник и сланец) представлены отщепами (34 экз.), валунами и их обломками (5 экз.), осколками (11 экз.), чешуйкой, гальками и их фрагментами (4 экз.), щебёнкой (2 экз.). Галька и валун кварцитопесчаника использовались в качестве отбойников, у них забиты оба конца и имеются негативы отщепов, отделившихся от сильных ударов. Два таких отщепа подобраны к одному из отбойников (рис. 7, 6-7).

Диагностируемые как технологически значимые сколы и продукты расщепления включают 393 изделия: нуклеусы и их фрагменты (24 экз.), заготовки нуклеусов (3 экз.), ребристые пластины (179 экз.), сколы подживления и подработки площадки нуклеуса (122 экз.), первичные снятия (49 экз.), сколы удаления проблемных участков (5 экз.), оформления фронта нуклеуса (2 экз.), переоформления и подправки фронта (2 экз.), сколы обработки ребра нуклеуса; угловой скол, снятия с ребра желвака (2 экз.), сколы с ребра куска кремня (2 экз.). Имеющиеся ребристые пластины, как правило, с односторонней обработкой гребня (рис. 7, 1-3). Полные сколы подживления площадок (рис. 7, 4–5), как и отмеченные выше ребристые пластины, имеют размеры, значительно превышающие таковые у представленных в коллекции ядрищ. Среди нуклеусов необходимо отметить наличие двух карандашевидных (рис. 6, 2-3). Присутствует также удлиненный призматический экземпляр (рис. 6, 1). Эта форма весьма узнаваема и присутствует на других стоянках, где есть карандашевидные нуклеусы (Буров, 1965, рис. 18, 30; Верещагина, 1996, С. 30, табл. І, 6; Епов, 2008, рис. 6), возможно являясь исходной формой для последних. Остальные нуклеусы конусовидные (рис. 6, 4-8).

Можно предположить, что памятник являлся кратковременной неспециализированной стоянкой-мастерской. Почти все нуклеусы – в неактивной стадии расщепления, имеют последние короткие, неудачные снятия. Есть расколотый экземпляр (рис. 6, 7). Отмечены всего лишь три формы, которые можно считать заготовками нуклеусов. Начальная подготовка ядрищ не зафиксирована, а первичных сколов минимальное количество. Кремнеобработка на памятнике заключалась в получении сколов-заготовок. Вместе с тем, выявлено достаточное количество готовых орудий и их обломков.

Графики распределения пластин по ширине (рис. 11–13) относятся к так называемому «камскому типу» (Волокитин, Косинская, 1995. С. 24–44), имея резко выраженный пик узких пластин (6–10 мм). Подавляющее большинство составляют пластинки шириной 6–7 мм (см. графики распределения с шагом в 1 мм, рис. 11–12)**.

Орудийный набор включает 364 изделия (рис. 8–10). Он представлен резцами (68 экз.), пластинами с резцовым сколом (12), пластинами с ретушированными и усеченными концами (40), долотцами (43), скребками (5) и микроскребками (11), остриями (11), вкладышами составных орудий (63), пластинами и их обломками с ретушью и ретушью утилизации (73), пластинками с притупленным краем (3), отщепами с ретушью (16), выемчатыми орудиями (6), орудием с выступом, отжимником. Подавляющее число орудий (336) изготовлено на пластинах и лишь 21 – на отщепах.

Ниже приводится описание коллекции в сравнении с материалами стоянок Вычегды, исследованных Г.М. Буровым. Детальная характеристика стоянок дана им в работе «Археологические памятники вычегодской долины» (Буров, 1967). Материалы Составлены графики распределения пластин по ширине, отдельно как для целых правильных пластин и проксимальных сегментов, так и для сечений правильных пластин, также для общего числа правильных пластин (рис. 12). Все они сопоставимы с графиками общего массива пластин (рис. 11). Это сделано для проведения убедительных, доказательных сравнений с другими мезолитическими памятниками, у которых измерения выполнены для всего массива имеющихся в нашем распоряжении пластин. Особо следует упомянуть графики, где интервал микропластин определен со значением до 7 мм, а не 5 мм, как обычно. Это обусловлено тем, что в некоторых исследованиях (рис. 13), проведенных на соседних территориях (Гусенцова, 1993, с.78), был принят именно такой интервал.

^{*} В коллекции представлен наконечник стрелы иволистной формы. Такие наконечники характерны для памятников эпохи бронзы региона. В урочище Шойнаяг к эпохе бронзы относится кремнеобрабатывающая мастерская Пезмогты 2, расположенная на расстоянии 0,30 км к югу от описываемой мезолитической стоянки. В остальном коллекция представляется лишенной примесей более поздних эпох.

ВЫПУСК ХІХ 2015

анализировались в другой монографии – «Вычегодский край» (Буров, 1965). Имеется отдельная публикация стоянки Кузьвомын (Буров, 1959). Другие стоянки также предварительно описывались в отдельной статье (Буров, 1961).

Следует отметить, что Курьядор и Пезмог 1* – стоянки, на которых весь материал получен с разрушенной поверхности. Таким образом, более корректными сравнения будут с коллекцией стоянки Ульяново, раскопанной «почти полностью», и стоянки Кузьвомын, где «мезолитический слой в основном исследован». На каждом из этих памятников раскопано около 250 кв. м. В коллекции Ульяново насчитывается 910 кремневых и 193 кварцитовых изделий, Кузьвомына – 2207 кремневых предмета, кварцитовые отсутствуют (Буров, 1967. С. 20). На стоянке-мастерской Пезмогты 6 вскрыто 94 кв. м, коллекция насчитывает 5742 экз.

По Г.М. Бурову (1986) стоянка Ульяново, как и Курьядор, Пезмог 1 входят в средневычегодскую культуру**. Находящаяся в верховьях Вычегды стоянка Кузьвомын не вошла в этот список, скорее, по соображениям территориальной удаленности, чем по отсутствию кварцитовых орудий и отщепов из кварцита. Не аргумент и отсутствие свидероидных наконечников. Таковых вообще насчитывается всего один, найденный на стоянке Пезмог 1. Это обломок, вызывающий к тому же сомнения в принадлежности к наконечникам.

Вообще, описание средневычегодской культуры Г.М. Буровым (1986; 1999) не выглядит достаточно конкретным - «... свойственны: распространение топоров и тесел с перехватом из кварцита (только стоянка Ульяново. – А.В.); использование (очень редкое) свидероидных наконечников (один очень сомнительный. - А.В.) стрел и высоких трапеций (одна. - А.В.) с боковыми выемками (Пезмог I); присутствие массивных узколезвийных микроскребков (в предыдущих работах автор называл их долотцами. – А.В.) и вкладышей с усеченным подретушированным концом (в основном на стоянке Пезмог 1.-A.B), а также большой (5,0–27,3) резцовоскребковый показатель (РСП)» (Буров, 1986. С. 5). Из этого описания неясны критерии выделения культуры. Нами было предложено другое определение-описание (Волокитин, 1997). Вообще, привлечение для характеристики культуры памятников с небольшими коллекциями, происходящими из поверхностных сборов, может быть оправдано в начале исследований, в дальнейшем необходимо проведение дополнительного источниковедческого анализа (критики). К сожалению, старые коллекции сортированы и частично утрачены.

Для средневычегодской культуры характерно присутствие карандашевидных нуклеусов; «камский тип» распределения пластин по ширине (Волокитин, Косинская, 1995) со значительной долей микропластин; высокий процент длинных сечений пластин; ограниченный набор орудийных форм при отсутствии наконечников стрел; обилие специфических орудий, так называемых долотец. Впервые эти орудия описаны Г.М. Буровым (Буров, 1965. С. 53–54). Причем была отмечена их серийность, что достаточно большая редкость для средневычегодских индустрий. Они изготовлены из массивных пластин дугообразного профиля, нижние, суженные (конвергентные) концы которых имеют мелкую крутую ретушь; ширина рабочего конца колеблется в пределах от 0,25 до 0,9 см; он или прямой, или скошенный. Часто в качестве заготовок использовались ребристые пластины. На вычегодских памятниках, исследованных Г.М. Буровым, они составляют 0,7-2% от всего количества кремневых изделий (Буров, 1965; 1967). Эти же орудия в одной

^{*} Пезмог 1, ближайшая из стоянок исследованных Г.М. Буровым, находится в пределах с. Пезмог. Сейчас это место обнаружить невозможно. Стоянка интересна еще и тем, что Г.М. Буров (1967. С. 25) считал, что собранные здесь материалы, в отличие «от инвентаря других крупных мезолитических стоянок, составляют единый комплекс». Но он же сам указал на ряд особенностей данной коллекции. Это, помимо трапеции и обломка предполагаемого наконечника, еще ретушированные пластинки с усечением конца. Однако коллекция Пезмога 1 — наиболее пострадавшая, так как ее часть передавалась в СыктГУ в качестве учебной. Поэтому множество вопросов, связанных с этой стоянкой, так и останутся без ответа.

кой, так и останутся без ответа.

** Наименование культура получила по географическому принципу — ее памятники расположены в среднем течении р. Вычегда. Позднее Г.М. Буров ввел уточняющее название — ульяновская — по раскопанному полностью памятнику — стоянке Ульяново (Burov, 1999). Выглядит это наименование следующим образом — the Middle Vychegda (Ul'yanovo) culture. Это уточнение связано с тем, что исследователь попытался расширить географические рамки описываемой им культуры и включил в нее памятники, находящиеся вне среднего течения реки.

выпуск хіх 2015

из работ Г.М. Буров назвал резчиками. Как распределения пластин по ширине для стояявствует из контекста - затупившимися резчиками. В качестве примера исходной формы он указал на рисунок приостренной пластины (Буров, 1978. С. 108, рис. 1, 10). Несоответствие предполагаемой исходной формы и использованного орудия здесь очевидны. Как уже указывалось, в дальнейшем долотца Г.М. Буров стал называть микроскребками*.

Измерения пластин стоянкам Г.М. Бурова проведены в конце 1980-х гг. А.В. Волокитиным совместно с Л.Л. Косинской, ранее применявшей такую методику для изучения других памятников мезолита**. Несмотря на неудовлетворительную сохранность коллекций и их сортировку, выборки пластин и сечений пластин остаются, на наш взгляд, так называемыми случайными выборками и подходят для корректных сравнений с новым памятником (рис. 15–17).

Некоторые отличия коллекции стоянки Пезмогты 6 (рис. 16-17) объясняются тем, что при ее раскопках применялось просеивание грунта культуросодержащих отложений. Свою роль сыграло и обязательное нанесение на план всех находок. Очевидно, по этой причине в коллекции Пезмогты 6 показатель микропластин значительно выше, чем у памятников, исследованных Г.М. Буровым. Возможно, с этим же связана более высокая доля необработанных пластин. Впрочем, если рассматривать Пезмогты 6 как стоянкумастерскую, это также естественно. Менее объяснимо значительно меньшее присутствие средних пластин. Однако главное - тип

нок един - «камский».

То же самое можно сказать и о соотношении сечений разных пропорций (рис. 14). Этот показатель коллекции стоянки Пезмогты 6 занимает срединное положение (рис. 15). Доля длинных сечений очень значительна и не уступает доле средних. В сравнении использована выборка из 378 сечений как правильных, так и неправильных пластин.

Доля орудий в инвентаре Пезмогты 6 (без учета чешуек) – 8%. Резцово-скребковый показатель 4,25 или 8,5, если исключить микроскребки. В коллекциях стоянок, исследованных Г.М. Буровым, он колеблется, как уже отмечалось, от 5,0 до 27,3.

В орудийном наборе 11 острий, причем два из них на отщепах. Это, пожалуй, самое заметное отличие Пезмогты 6 от стоянок, изученных ранее, где острия единичны. Вместе с тем, следует отметить, что и на Пезмогты 6 они также не составляют серий. Имеются острие (сверло)-резец (рис. 10, 5); микроострие с вентральной обработкой (рис. 10, 2); мелкое острие с отвесной дорсальной обработкой (рис. 10, 1); скошенное острие с минимальной обработкой (рис. 10, 3); а также крупное острие на пластине с дополнительной подработкой плоской ретушью (рис. 10, 4).

В орудийном наборе Пезмогты 6 большее разнообразие наблюдается в составе резцов. Однако за редким исключением это все резцы на углу сломанной пластины (рис. 8). Все же стоит отметить наличие резцов с ретушированной площадкой (рис. 8, 8), и, что особенно важно, двойного альтернативного на сечении крупной пластины (рис. 8, 2), одинарного на углу короткого проксимального сегмента (рис. 8, 9), а также нуклевидного на крупном отщепе (рис. 8, 15). Интересно обломанное, крупное орудие с ретушью по краям и резцовым сколом (рис. 8, 16). Есть резцовые ощепки. Причем, один из них несет негатив предыдущего резцового скола и краевую ретушь пластины (рис. 8, 3), а на конце другого уже после отделения оформлено лезвие микроскребка (рис. 8, 4).

Помимо так называемых долотец (рис. 9, 1-11) в коллекции примерно тем же числом (40 экз.) представлены пластинки с усеченным и ретушированным концом. Имеются как прямо (рис. 9, 12–16), так и косоусеченные

^{*} Называть эти орудия особым типом микроскребков, описывая их особенности, нецелесообразно. Лучше вернуться к первоначальному наименованию – долотца (Буров 1965; 1967). Это не усеченные пластинки, и, собственно говоря, их нельзя назвать микроскребками. Это специфические орудия, лезвия которых оформлены на дистальном конце массивных и изогнутых в профиле пластинок. Дистал этих пластинок сильно сужен. Ширина лезвия не превышает половины ширины самой пластины, отношение ширина – высота лезвия не менее 2:1.

^{**} Аналогичная работа была проведена И.В. Верещагиной при подготовке диссертационного сочинения «Мезолит и неолит Крайнего европейского Северо-Востока», защищенного ею в январе 1990 г. Посмертное издание данной работы, подготовленное коллегами, вышло через 20 лет. Представлены в том числе графики распределения пластин по ширине памятников Пезмог 1, Курьядор 1, Кузьвомын, Ульяново (Верещагина, 2010, рис. 46). В целом они согласуются с теми, что получены нами при участии и под руководством Л.Л. Косинской.

(рис. 9, 19–24) пластинки. У одного прямоусеченного экземпляра (рис. 9, 14) дополнительно подтесан вентральный фас. Присутствуют микроскребки, которые, как и усеченные пластины, отличаются от долотец тем, что они не имеют утолщения в направлении лезвия, которое слегка выпуклое (рис. 9, 17–18). Есть отщепы с широким ретушированным прямым дистальным концом (рис. 9, 25–26). Два скребка оформлены на отщепах, причем у одного из них рабочий край имеет шип и выемки (рис. 9, 27). Остальные изготовлены на пластинах (рис. 9, 28). В общее число скребков вошли два обломка – фрагменты лезвий.

Среди ретушированных пластин представлены обломки с ударными бугорками (рис. 10, 20-22) - проксимальные сегменты. Большинство же – это сечения (рис. 10, 6-19), среди которых преобладают длинные. Ретушь равнофасеточная регулярная не характерна, хотя есть экземпляры с отвесной (притупливающей) ретушью, как дорсальной (рис. 10, 10), так и вентральной. Экземпляров, которые можно отнести к пластинкам с притупленным краем, всего три (рис. 10, 8). Присутствуют сечения (средние) пластинок (средних) с ретушированными углами (рис. 10, 23–25), которые, как и длинные сечения, отнесены к вкладышам. Такие же сечения, но крупных пластин, вероятнее всего, являются фрагментами орудий (рис. 10, 26).

Суммируя вышесказанное, следует признать, что орудийный набор памятника Пезмогты 6 более разнообразен по формам, в нем присутствуют орудия, не характерные для стоянок Ульяново, Кузьвомын, исследованных Г.М. Буровым. Таким образом, нет достаточно твердых оснований считать, что стоянка Пезмогты 6 входит в ряд памятников, которые объединяются понятием средневычегодская археологическая культура*. Нет оснований полагать, что отмеченные особенности можно объяснить разной хронологией памятников, поскольку независимые

датировки отсутствуют. Следует проявить осторожность и по поводу принадлежности индустрии Пезмогты 6 кругу памятников, которые было предложено именовать приуральской традицией (Волокитин, 1997) лишь на основании сходства технологии расщепления**.

Литература

Будзанивский И.А., Пахомова И.А. Исследования мезолитического памятника Пезмогты 6 на Вычегде // Геологоархеологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Доклады 12-й научной конференции. Сыктывкар: Геопринт, 2009. Т. XII. С. 131–134.

Буров Г.М. Двуслойная стоянка в урочище Кузьвомын на верхней Вычегде // Известия Коми филиала Всероссийского географического общества. Сыктывкар, 1959. Вып. 5. – С. 161–168.

Буров Г.М. Стоянки с микролитическим инвентарем на р. Вычегде // СА. М., 1961. № 1. С. 247–255.

Буров Г.М. Вычегодский край. Очерки древней истории. М.: Наука, 1965. 200 с.

Буров Г.М. Археологические памятники вычегодской долины. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1967. 96 с.

Буров Г.М. Категории и типы каменных изделий у племен Крайнего Европейского Северо-Востока // Орудия каменного века. Киев, 1978. С. 107–121.

Буров Г.М. Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла: Автореф. дис... д. и. н. Новосибирск, 1986. 37 с.

Верещагина И.В. Новая стоянка в группе мезолитических памятников на Песчанском полое Северной Двины // Древности Русского Севера. Вологда: Изд. Ардвисура, 1996. Вып. 1. С. 27–34.

Верещагина И.В. Мезолит и неолит крайнего европейского Северо-Востока. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. 232 с. (Archaeologia Petropolitana).

Волокитин А.В. Мезолит // Археология Республики Коми. М., 1997. С. 91–146.

Волокитин А.В. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде. Сыктывкар,

^{*} Средневычегодская культура, несомненно, связана с камским мезолитом. Хронология и периодизация ее, как и камского мезолита, также далеки от своего решения. В конце концов, Г.М. Буров, которому принадлежит честь выделения и представления в научном сообществе средневычегодской археологической культуры, остановился на ее раннем возрасте, как и всего кама-печорского культурного типа, основываясь на датах, расположенных в соседних регионах и включенных им в данный тип стоянок Баринка 2 и Холодный ключ (Буров, 1986).

^{**} Статья подготовлена в рамках проекта № 15-15-6-47 «Стратегии и практики освоения и заселения Европейской Арктики: Комплексная программа Уральского отделения РАН, локальные и кросскультурные процессы в исторической динамике».

ВЫПУСК ХІХ 2015

2006. 126 c.

Волокитин А.В., Карманов В.Н., Тимушева И.М. Мезолитическая мастерская Куръядор 2 на Вычегде // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 2005. С. 3–15. (МАЕСВ; Вып. 17).

Волокитин А.В., Косинская Л.Л. К проблеме культурогенеза мезолита Европейского Северо-Востока // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железного века и средневековья в северном Приуралье. Сыктывкар, 1995. С. 25–44. (МАЕСВ; Вып. 13).

Гусенцова Т.М. Мезолит и неолит камско-Вятского междуречья. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. 240 с.

Карманов В.Н., Чернов А.В., Зарецкая Н.Е., Панин А.В., Волокитин А.В. Опыт применения данных палеорусловедения в археологии на примере изучения Средней Вычегды

(европейский северо-восток России) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. №2 (54). С. 109–119.

Косинская Л.Л. Мезолитические памятники в бассейне нижней Вычегды // Каменный век европейского Севера (сборник статей). Сыктывкар, 2007. С. 125–147.

Логинова Э.С. Мезолитические стоянки на средней Вычегде // Археологические памятники Северного Приуралья. Сыктывкар, 1985. С. 16–30. (МАЕСВ; Вып. 9).

Погинова Э.С. Мезолитический комплекс поселения Эньты III на Вычегде // От Балтики до Урала: изыскания по археологии каменного века. Сыктывкар, 2014 (ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН). С. 174–181.

Burov G. M. «Postswiderian» of the European North-East. In: S.K. Kozlowski et all (ed.) Tanged Point Cultures in Europe. Lublin: M. Curie-Sklodowska Univ. Press. 1999. P. 281–291.

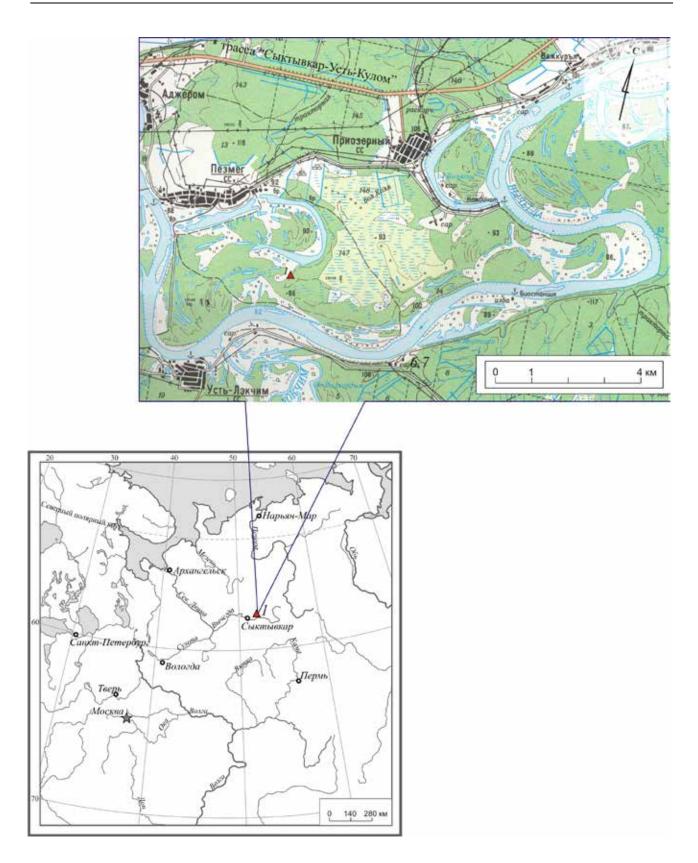

Рис. 1. Местоположение стоянки Пезмогты 6

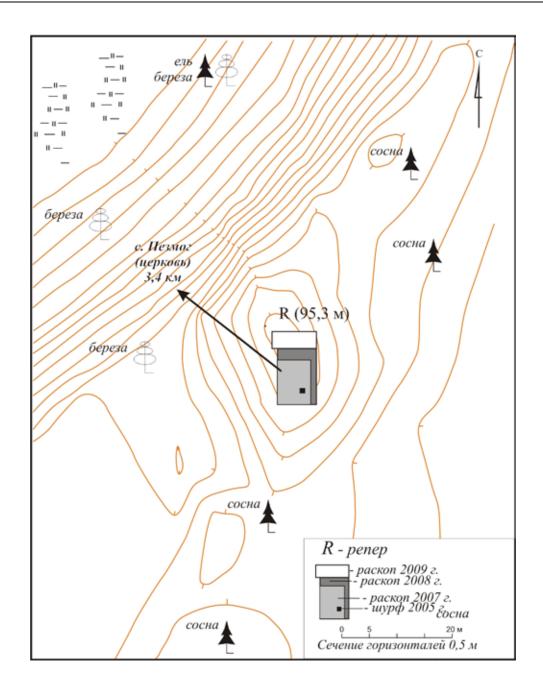

Рис. 2. Пезмогты 6. Ситуационный план

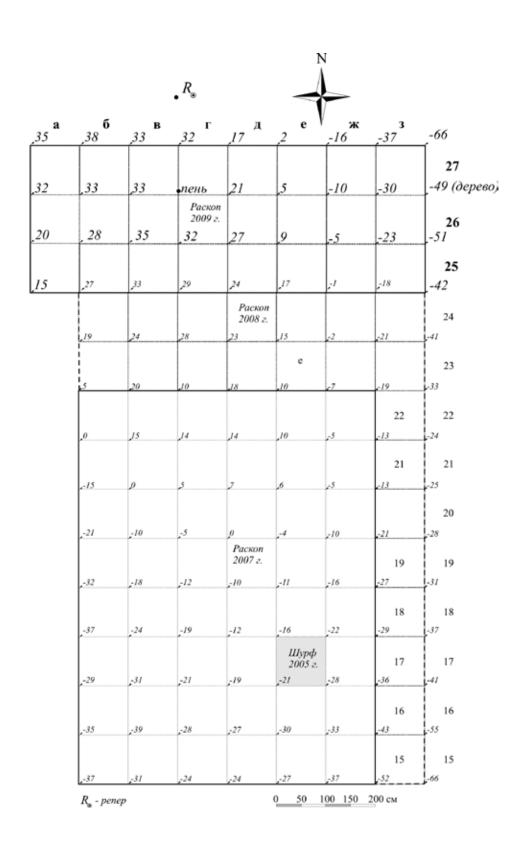
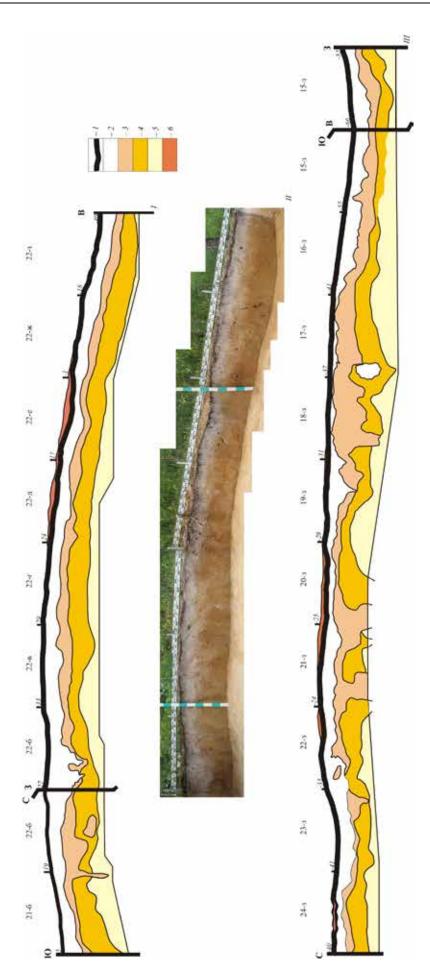

Рис. 3. Пезмогты 6. Нивелировочный план раскопов

1 – лесная подстилка; 2 – элювиальный подзолистый горизонт (белесый песок); 3 – смешанный серо-желтый песок (следствие Разрезы отложений: I – северный, западный; II – северный (снимок с юга); III – восточный, южный. Рис. 4. Пезмогты 6.

био-педотурбации); 4 - желтый иллювиальный псчанный горизонт; 5 - светло-желтый песок; 6 - отвал 2007 г.

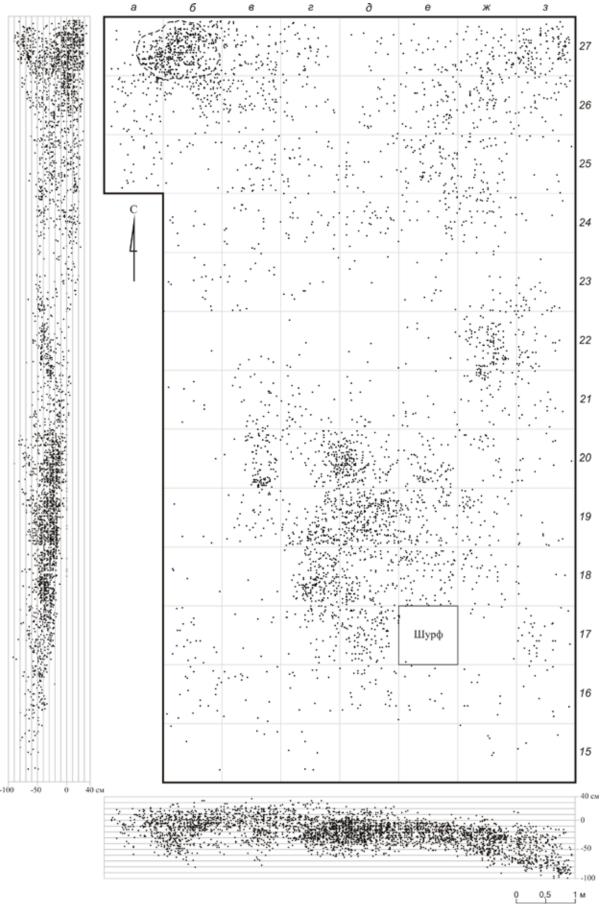

Рис. 5. Пезмогты 6. Распределение находок в плане и по вертикали в проекции на стенки раскопа

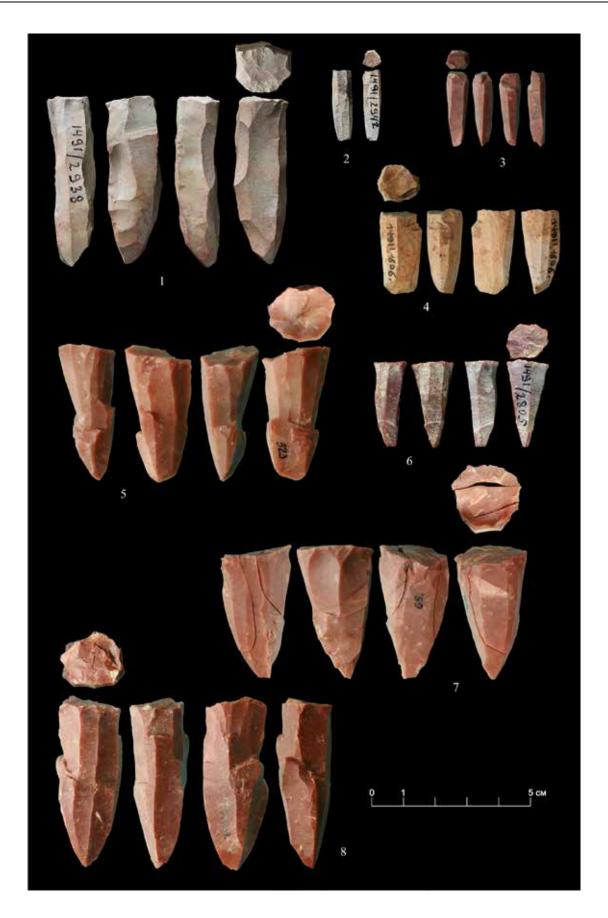

Рис. 6. Пезмогты 6. Нуклеусы

<u>выпуск хіх</u> 2015

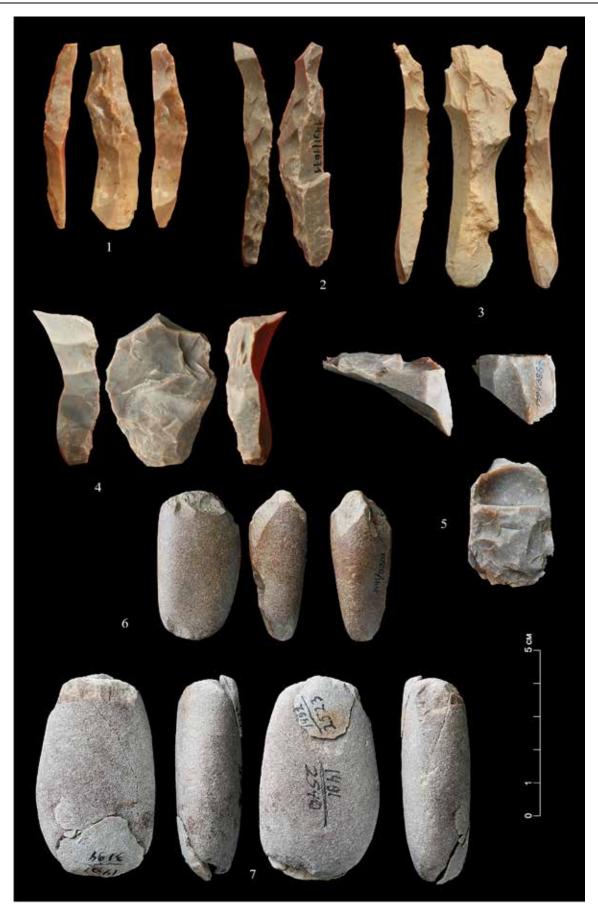

Рис. 7. Пезмогты 6. Технические сколы: ребристые пластины (1-3); сколы подживления площадок нуклеусов (4-5); отбойники (6-7)

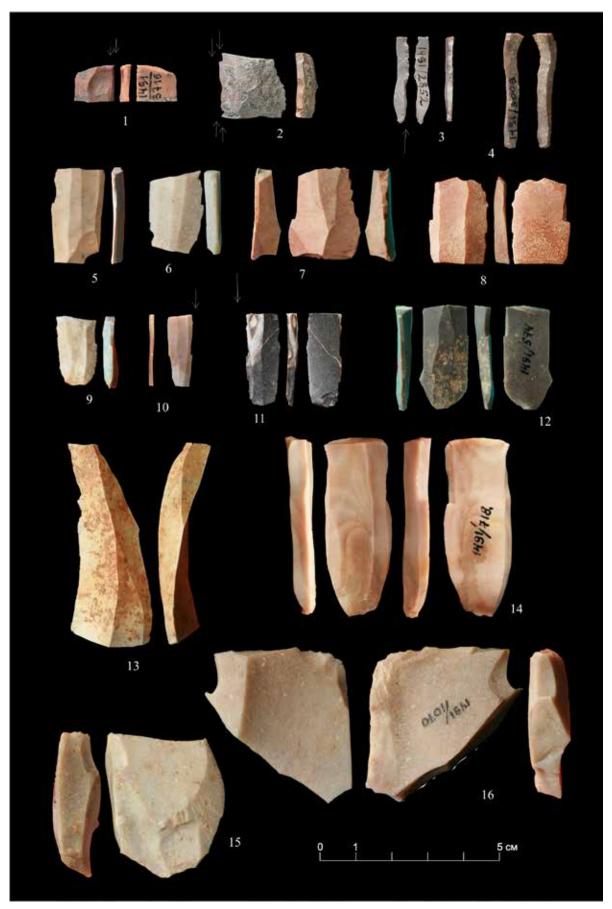

Рис. 8. Пезмогты 6. Резцы

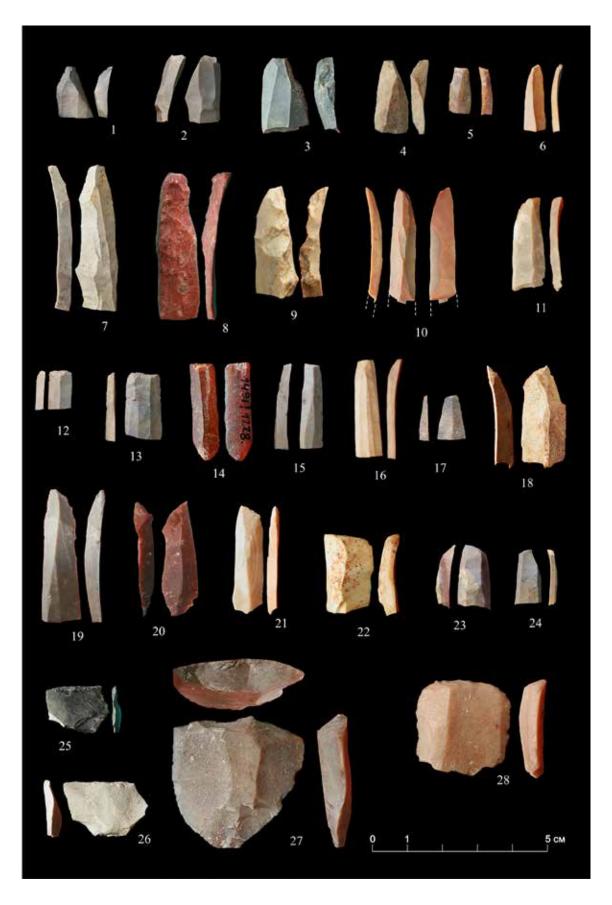

Рис. 9. Пезмогты 6.

Долотца (1-11), прямоусеченные пластины (12-16), микроскребки (17-18), пластины с косоусеченым (ретушированным) концом (19-24), прямоусеченные (25-26), скребки (27-28)

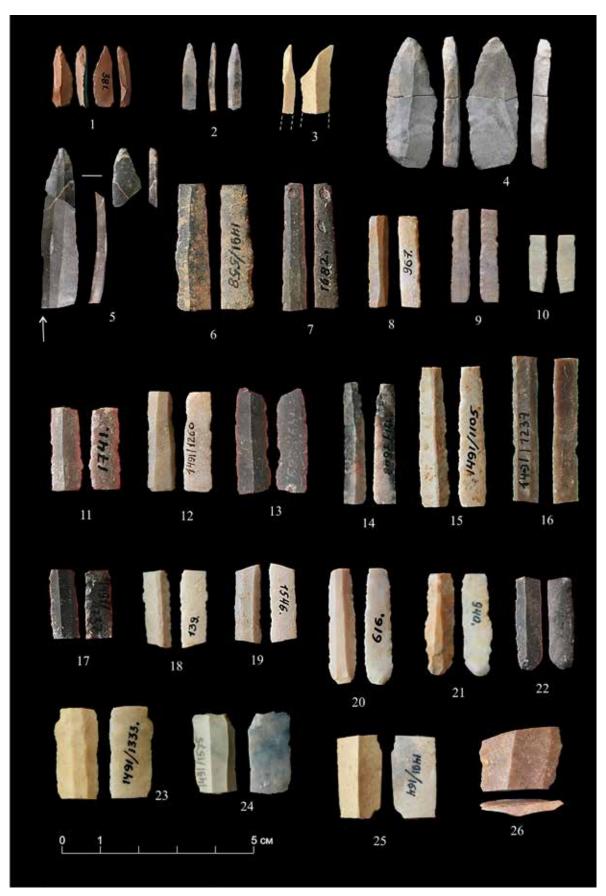
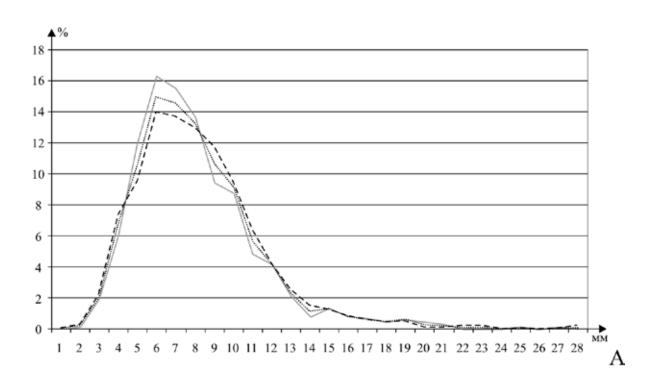

Рис. 10. Пезмогты 6.

Острия (1-4), острие-резец (5), пластинки (сечения) с ретушью (6-19), проксимальные сегменты пластинок с ретушью (20-22), сечения средних и крупной пластины с эпизодической ретушью, в том числе на углах – вкладыши (23-26)

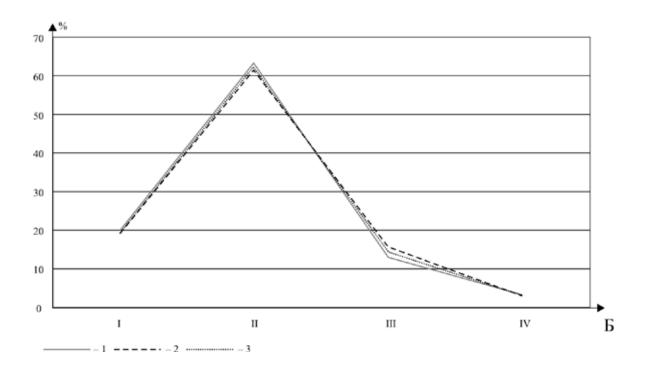
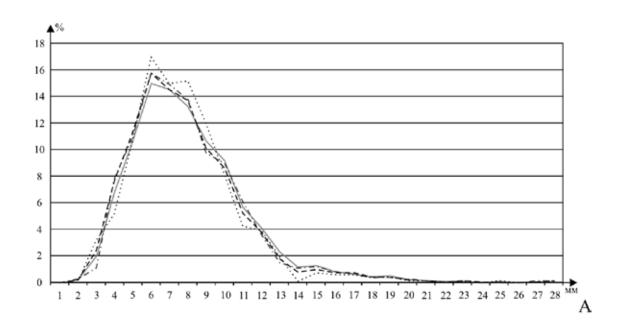

Рис. 11. Пезмогты 6. Графики распределения пластин по ширине (все пластины): A – с шагом в 1 мм; B – по группам: I – микропластины (до 5 мм); II – узкие (6–10 мм); III – средние (11–15 мм); IV – широкие (свыше 15 мм) пластины. Условные обозначения: I – раскоп 2009 г. (997 экз.); IV – 2007–2008 гг. (1198); IV – 2007–2009 гг. (2195)

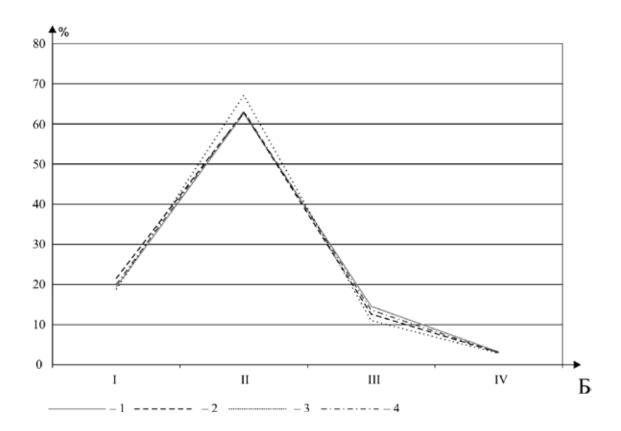

Рис. 12. Пезмогты 6.

Графики распределения пластин по ширине: A-c шагом в 1 мм; B-n0 группам: I-микропластины (до 5 мм); II-y3 кие (6–10 мм); III-c0 с шагом в 1 мм; IV-m0 широкие (свыше 15 мм) пластины. Условные обозначения: I-m0 с пластины (2195 экз.); IV-m0 правильные пластины (1766 экз.); IV-m0 правильные с сохранившимся проксималом (659 экз.); IV-m0 правильных пластин (763 экз.)

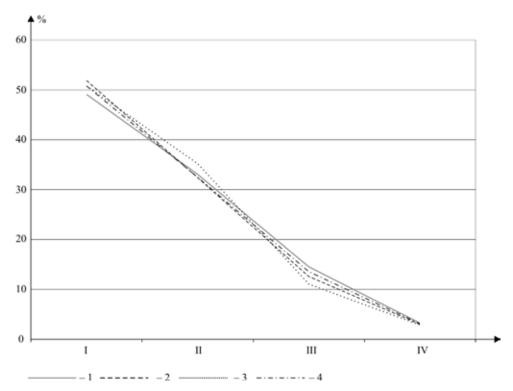

Рис. 13. Пезмогты 6. График распределения пластин по ширине по группам: I – микропластины (до 7 мм); II – узкие (8-10 мм); III – средние (11-15 мм); IV – широкие (16 мм) пластины Условные обозначения:

1 – все пластины (2195 экз.); 2 – правильные пластины (1766 экз.); 3 – правильные с сохранившимся проксималом (659 экз); 4 – сечения правильных пластин (736 экз.)

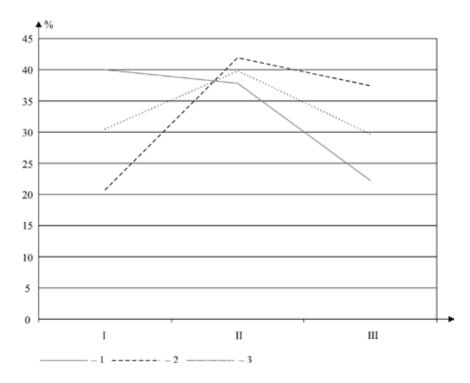

Рис. 14. Пезмогты 6.

График распределения сечений пластин (правильных) по пропорциям: I – короткие; II – средние; III – длинные. Условные обозначения: I – раскоп 2009 г. (373 экз.); I – 2007–2008 гг. (363); I – 2007–2009 гг. (736)

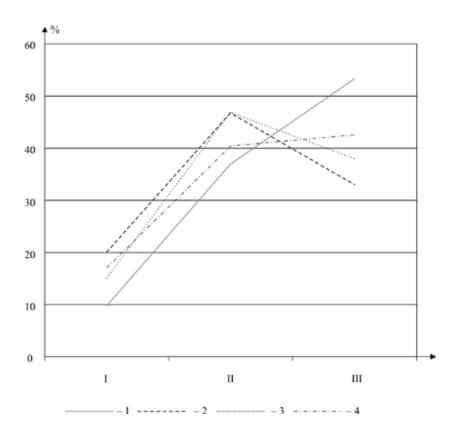
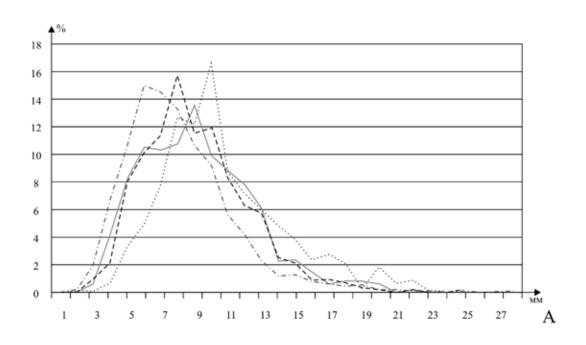

Рис. 15. График распределения сечений пластин по пропорциям: І – короткие; ІІ – средние; ІІІ – длинные. Условные обозначения: 1 – Ульяново (165 экз.); 2 – Курьядор 1 (248 экз.); 3 – Кузьвомын (443 экз.); 4 – Пезмогты 6 (378 экз.)

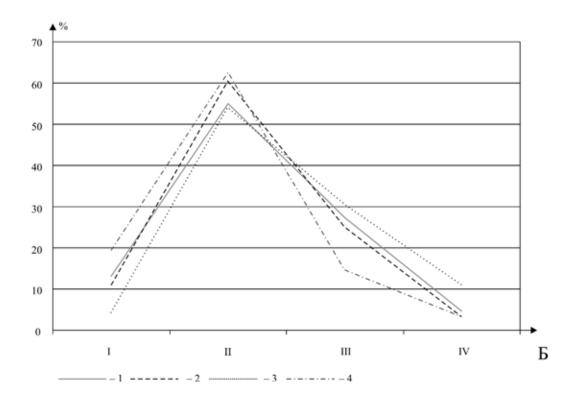

Рис. 16. Графики распределения пластин по ширине: A-c шагом в 1 мм; B-n0 группам: I-m0 мкропластины (до 5 мм); II-y3 мм); II-y5 мм); II-y6 мм); II-y7 широкие (свыше 15 мм) пластины. Условные обозначения: I-y7 ульяново (475 экз.); I-y8 жузьвомын (933); I-y9 пезмогты (2195)

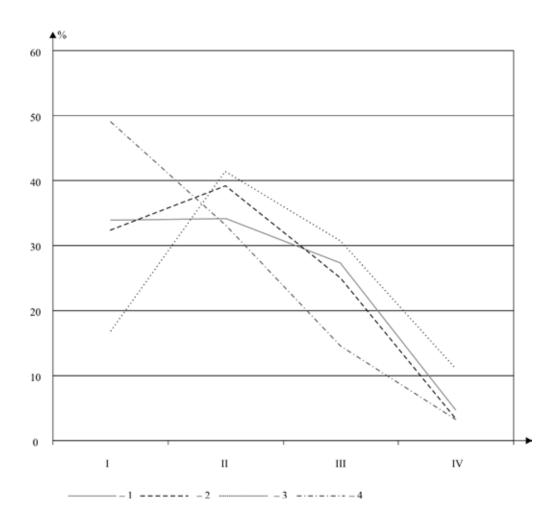

Рис. 17. График распределения пластин по ширинепо группам: I – пластины до 7 мм; II – узкие (8-10 мм); III – средние (11-15 мм); IV – широкие (16 мм) пластины. Условные обозначения: 1 – Ульяново; 2 – Курьядор 1; 3 – Кузьвомын; 4 – Пезмогты 6 (2195)

выпуск хіх 2015

В.С. Зеленский

ПАМЯТНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ СИНЕГОРЬЕ І НА ЦИЛЬМЕ

Цель предлагаемой статьи – введение в научный оборот археологического материала, полученного в результате раскопок памятника эпохи бронзы, расположенного вблизи пос. Синегорье Усть-Цилемского р-на Республики Коми. Приводится типологическое описание кремневого инвентаря и керамики. В заключении предпринята попытка определения возраста и культурной принадлежности полученного комплекса.

Ключевые слова: нижняя Печора, стоянка, эпоха бронзы, кремневый инвентарь, керамика

V.S. Zelensky

SINEGORYE I SITE OF THE BRONZE **EPOCH ON THE TSILMA RIVER**

The purpose of the paper is the introduction in the scientific turnover of the archaeological material obtained as a result of excavations of the site of the Bronze Age, located in vicinity of Sinegorye settlement of Ust-Tsilma region of the Komi Republic. The typological description of flint implements and ceramics is made. An attempt of definition of the age and cultural belonging of the obtained complex is undertaken.

Keywords: the low Pechora, Sinegorye 1 site, Late Bronze Age, flint implements, ceramics.

во время проведения разведочных работ на р. Цильме, левом притоке р. Печоры. Он расположен на останце боровой террасы в 600 м от пос. Синегорье Усть-Цилемского р-на Республики Коми. С запада и севера останец ограничен болотом, а с юга – ручьем, вытекающим из болота и впадающим в старичное озеро. Стоянка расположена у ручья, на южной стороне останца (рис. 1). Исследование памятника проводилось в течение четырех полевых сезонов (Зеленский, отчеты за 1983-85, 1990 гг.). Общая площадь раскопа составила 320 кв. м. Строение почвы типично для «боровых» террас: растительный слой от 3 до 5 см, белесый подзолистый горизонт от 2 до 30 см и светло-желтый песок – материк (рис. 2, 3). После снятия подзола и серо-желтого, местами буроватого слоя, в котором находилась основная масса находок, были обнаружены контуры двух очагов и пяти ям. Первый очаг размером 1,5 х 1,4 м расположен в квадрате 8-Е (рис. 4). Кострищная линза представляла собой песок темно-серого, бурого цвета, в заполнении которого находилось большое количество кремневых отщепов, скребков, наконечников, а также фрагментов керамики. Второй очаг овальной формы размером 2 х 1 м расположен в квадратах 3-А, Б (рис. 4). Кострищная линза коричневато-бурого цвета была заполнена кремневыми осколками, отщепами, скребками, мелкими обломками щем случае дно ямы фиксируется по легкой

Памятник открыт автором в 1982 г. керамических сосудов и кальцинированных костей. В квадрате 8-Ж, 3 и 9 – Ж, 3 (рис. 4) расчищена яма с округлым дном и размерами 1 х 0,8 х 0,32 м. Ее заполнение плотное, бурого цвета, насыщенное мелкими обломками кальцинированных костей и углей, кремневыми осколками, отщепами, скребками и фрагментами керамических сосудов. На самом дне ямы лежали обломки нижней части сосуда с уплощенным дном (рис. 9, 7). В кв. 10-Г обнаружена яма размером 0,60 х 0,40 х 0,45 м. (рис. 4). Она была заполнена песком темносерого цвета, насыщенного мелкими обломками костей, углей, кремневыми осколками, отщепами, скребками и обломками чашевидного сосуда (рис. 10, 8). В кв. 8-В обнаружена яма диаметром 0,84 и глубиной 0,45 м (рис. 4). Заполнение ямы серовато-желтого цвета. В нижней части ямы найдены мелкие угли, кальцинированные кости, кремневые отщепы и мелкие обломки керамики. В кв. 1-В, Г выявлена необычная яма овальной формы в плане, размером – 2,5 х 1,7 х 0,5 м, ориентированная с севера на юг (рис. 4). Ее дно фиксируется по охристой прослойке. К южной стороне ямы примыкает канавка длиной 0,7 м. У ее восточной стороны обнаружены обломки чашевидного сосуда (рис. 10, 6), несколько скребков и наконечник стрелы (рис. 5, 2). В кв. 8-А, Б раскопана яма овальной формы размером 2,4 х 1,7 х 0,45 м (рис. 4). Как и в предыдуВЫПУСК ХІХ 2015

охристой окраске, а также находкам кремневых скребков. К ее северной стороне примыкает канавка размерами 1,2 х 0,6 х 0,2 м. На дне ямы был расчищен слой углей, а под ними обломки крупного сосуда (рис. 10, 9). У северной стенки ямы лежали обломки чашевидного сосуда (рис. 10, 7).

Культурные остатки залегали в слое темно-серого, коричневатого песка и на границе с материком. Насыщенность слоя находками неравномерна. Основная масса предметов концентрируется в кострищах и рядом с ними. Каменный инвентарь, полученный в результате раскопок, составил 4397 кремневых предметов и шесть изделий из других пород камня. Кремневый материал, отражающий, по всей видимости, производственную деятельность, состоит из 558 обломков, 2310 отщепов, 407 отщепов со следами использования, 754 чешуек, 32 пластинок и 337 различных орудий. Орудия представлены наконечниками стрел и копий (дротиков), ножами, скребками и проколками. На стоянке обнаружено всего два целых наконечника стрел и три обломка. Они все обработаны тщательной двусторонней ретушью. Одно из целых орудий имеет удлиненно-треугольную форму и выемку в основании (рис. 5, 2), второе – пятиугольную форму со слегка выраженным черешком и прямым основанием (рис. 5, 4). В коллекции присутствуют два обломка наконечников, один из которых имеет вогнутое основание (рис. 5, 7, 12) и один обломок орудия листовидной (?) формы (рис. 5, 8).

Кроме того, в инвентаре стоянки Синегорье I имеются обломок копья (дротика?) листовидной (?) формы (рис. 5, 3), а также незавершенный наконечник дротика или копья удлиненно-треугольной формы с прямым основанием (рис. 5, 1). Три заготовки наконечников стрел (рис. 5, 5, 9, 13) и шесть обломков находятся на разных стадиях обработки. Ножи изготовлены на крупных отщепах, покрытых двусторонней крупной, а по краям более мелкой ретушью (рис. 5, 10, 14, 15, 16).

Наиболее многочисленны скребки на отщепах различной морфологии. Они имеют один прямой, слабовыпуклый или округлый рабочий край (рис. 6). Представлены орудиями с двумя лезвиями на одной плоскости (33 экз.) (рис. 7, 12, 15, 16, 17), с

двумя противоположными рабочими краями (6 экз.) (рис. 7, 10, 11), с тремя (21 экз.) (рис. 7, 8, 18, 19) и с четырьмя лезвиями (3 экз.) (рис. 7, 13, 14). Имеющиеся в коллекции Синегорье I проколки и сверла изготовлены из тонких отщепов (12 экз.) (рис. 7, 4, 5, 6). Изделия из некремневых пород представлены молотами (2 экз.) (рис. 8) и их обломками (6 экз.) и галькой-отбойником.

Керамика. Из общей массы собранной керамики удалось выделить фрагменты трех крупных сосудов. По обломкам, собранным в яме (кв. 8-Ж) и в кострище (кв. 7, 8-Е), удалось сделать графическую реконструкцию двух сосудов (рис. 9, 7; 10, 9). Один из них (рис. 9, 7) имеет полуяйцевидную открытую форму с уплощенным дном, его диаметр 32, высота 30 см. Глиняное тесто включает примесь дресвы, структура пористая. Внешняя поверхность коричневого и темно-коричневого цвета. Торец венчика скошен внутрь и украшен оттисками зубчатого штампа. Вся поверхность сосуда украшена геометрическим узором в виде горизонтальных поясов отделенных друг от друга тремя параллельными линиями из оттисков зубчатого штампа. Три нижних пояса украшены орнаментом в виде «елочки» из наклонных оттисков зубчатого штампа.

Фрагменты второго крупного сосуда были собраны на дне ямы в кв. 8-А в серо-желтом песке под слоем угля (рис. 10, 9). Он имеет открытую форму и диаметр около 38 см. Торец венчика скошен внутрь и украшен оттисками крупнозубчатого штампа. Внешняя поверхность сосуда украшена орнаментом, состоящим из двух рядов наклонных оттисков крупнозубчатого штампа. Орнаментальные зоны разделены тремя параллельными линиями из таких же оттисков. Фрагменты имеют светло-коричневый цвет, глиняное тесто включает примесь мелкой дресвы, структура плотная.

Третий крупный сосуд сильно раздроблен и представлен несколькими фрагментами (рис. 9, 4-6). Глиняное тесто включает примесь толченой дресвы, структура плотная, фрагаменты расслаиваются. Торец его венчика скошен внутрь и украшен наклонными оттисками зубчатого штампа. Вся поверхность сосуда украшена орнаментом, состоящим из зигзагообразных элементов, образующих горизонстальный пояс. Пояса отделены друг от друга

выпуск хіх 2015

зубчатого штампа. По венчику нанесен ряд ямок удлиненно-овальной формы (рис. 9, 4-5).

Три чаши представлены крупными фрагментами, позволяющими сделать их графическую реконструкцию. Одна чаша плохой сохранности найдена у северной стенки ямы в кв. 8-А перед канавкой (рис. 10, 7). Глиняное тесто включает примесь органики, шамота и мелкой дресвы. Цвет фрагментов - светлокоричневый. Торец венчика и внешняя поверхность чаши украшены орнаментом, сохранность плохая. Фрагменты второго сосуда найдены у восточной стенки ямы в кв. 2-В. Сохранность черепков хорошая, их цвет светло-коричневый. Глиняное тесто имеет примесь мелкой дресвы, шамота и органики. Внешняя и внутренняя поверхность чаши украшена оттисками зубчатого штампа (рис. 10, 6). Третья чаша найдена в ямке расположенной в кв. 10-Г. Глиняное тесто включает примесь дресвы и органики, структура плотная, цвет обломков светло-желтый. Поверхность сосуда украшена оттисками крупнозубчатого штампа (рис. 10, 8).

В кв. 8, 9-Е собраны фрагменты миниатюрного сосудика диаметром 5-6 см (рис. 9, 1). Торец венчика плоский, как и внешняя поверхность, украшен наклонными и горизонтальными оттисками гладкого штампа. Цвет черепков светло-коричневый. Глиняное тесто включает незначительную примесь дресвы, структура плотная.

В коллекции присутствуют фрагменты венчиков от шести небольших чашевидных сосудов. Три из них имеют уплощенный торец венчика (рис.10, 1, 2, 3), остальные скошенный внутрь (рис. 9, 3; 10, 4, 5). У всех сосудов торцы венчиков и внешняя поверхность украшены оттисками зубчатого штампа и различаются только сочетанием элементов узора. Судя по трем фрагментам, посуда имела уплощенное дно, украшенное орнаментом в виде решетки или параллельных линий, выполненным оттисками гребенчатого штампа (рис. 9, 8-10).

Материалы, полученные при раскопках стоянки Синегорье I, представляют собой единый комплекс, отложившийся в сравнительно краткий период. На памятнике не обнаружены следы жилищных котлованов, но вокруг

тремя параллельными линиями из оттисков всего, здесь были легкие постройки наземного типа. На раскопе собрано довольно большое количество отходов кремнеобработки - более 4000 отщепов и обломков. Орудия труда и охоты представляют всего 337 предметов, из них всего два целых наконечника стрел. Один – удлиненно-треугольной формы с выемкой и шипом в основании, второй - пятиугольной формы с намеченным черешком. Аналогичные формы наконечников найдены на поселении Чойновты II (Стоколос, 1986. Рис. 85, 21; 92, 9) и Ошчой II (Стоколос, 1986. Рис. 109, 1). Имеется один крупный наконечник копья удлиненно-треугольной формы с прямым основанием.

> Наиболее многочисленны в коллекции скребки и орудия с несколькими рабочими лезвиями – их более 300 экз. По своим морфологическим признакам эти орудия имеют аналогии на многих памятниках чойновтинской культуры.

> Керамика, собранная на поселении, очень сильно раздроблена. По наиболее крупным фрагментам удалось сделать графическую реконструкцию одного сосуда полностью, двух горшков частично и трех чаш. Все сосуды имеют открытую форму с округлым и уплощенным дном (рис. 9, 10). Венчики горшков и некоторых чаш скошены внутрь, а у части чаш уплощены. Фрагменты сосудов, содержащих в составе формовочной массы органику, - легкие и непрочные (рис. 9, 7; 10, 6, 7). Основная масса керамики изготовлена из глиняного теста с примесью толченой дресвы, ее структура плотная.

> Вся внешняя поверхность сосудов и чаш, а также и венчиков декорирована. Орнамент выполнен оттисками зубчатого штампа, исключение составляет один толстостенный сосуд, орнаментированный ямками овальной формы (рис. 9, 4-6).

> Материалы, полученные в результате раскопок стоянки, - керамические сосуды, кремневый и каменный инвентарь, несут черты чойновтинской и гаринской культур эпохи бронзы и датируются В.С. Стоколосом третьей четвертью II тыс. до н.э. (Стоколос, 1986. C. 186, 187).

Литература

Зеленский В.С. Отчет о полевых работах очагов поверхность окрашена охрой. Скорее группы Северного отряда в 1982 г. Сыктывкар,

2015 выпуск хіх

1983 // НА ИА РАН. Р-1. № 9072.

Зеленский В.С. Отчет о полевых работах Р-1. № 10885. группы Печоро-Мезенского отряда за 1983 г. Сыктывкар, 1984 // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 313. 12 л. // НА ИА РАН. Р-1. № 9622.

Зеленский В.С. Отчет о полевых работах группы Печоро-Мезенского отряда за 1984 г. Мезенской долины. М.: Наука, 1986. Сыктывкар, 1985. // НА ИА РАН. Р-1. № 10283.

Печоро-Мезенского археологического отряда 1988.

в 1985 г. Сыктывкар, 1986. 20 л. // НА ИА РАН.

Зеленский В.С. Отчет Синегорского археологического отряда о полевых работах в Усть-Цилемском районе за 1990 г. Сыктывкар, 1991. // НА ИА РАН. Р-1. № 19212.

Стоколос В.С. Древние поселения

Стоколос В.С. Культуры эпохи ранне-Зеленский В.С. Отчет о полевых работах го металла Северного Приуралья. М.: Наука, ВЫПУСК ХІХ 2015

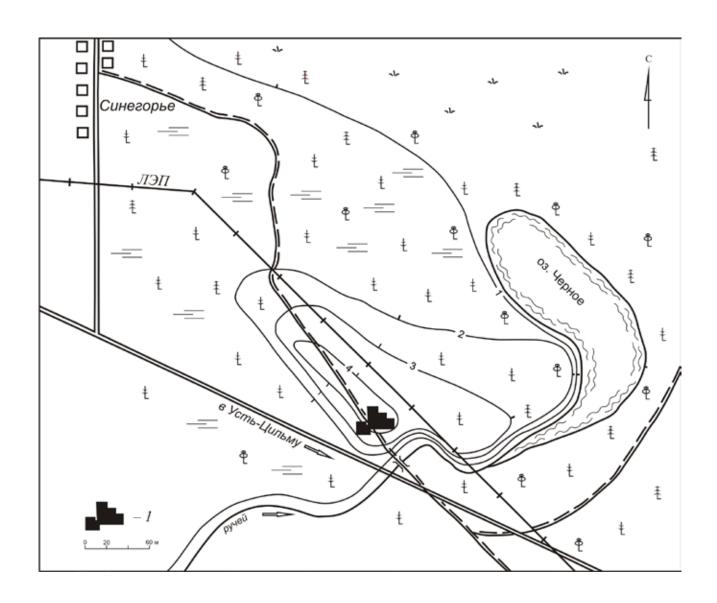

Рис. 1. Синегорье І. Ситуационный план

BUILIACK XIX 2015

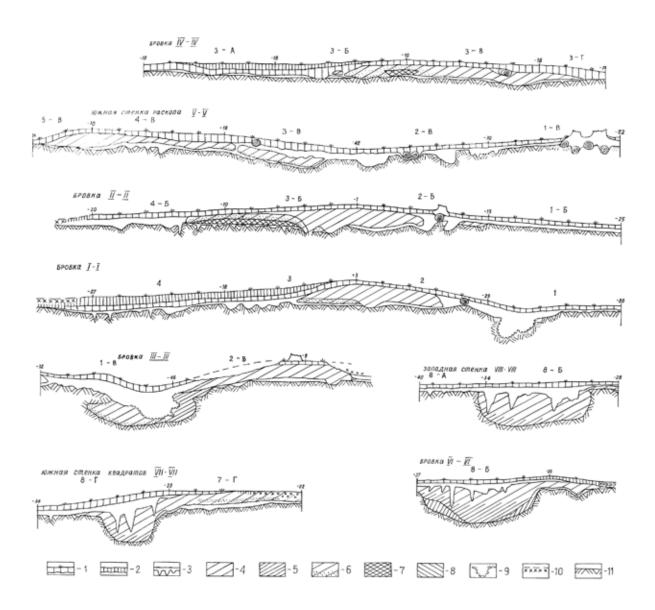
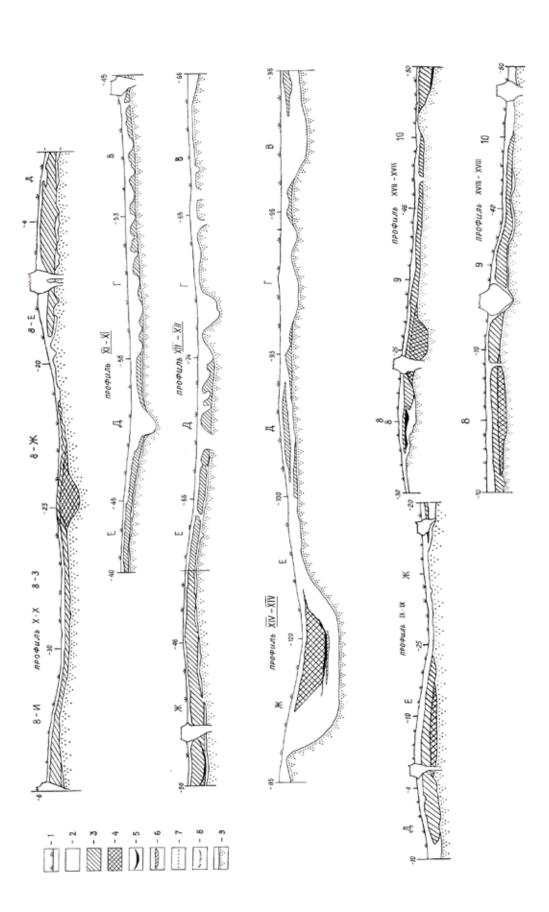
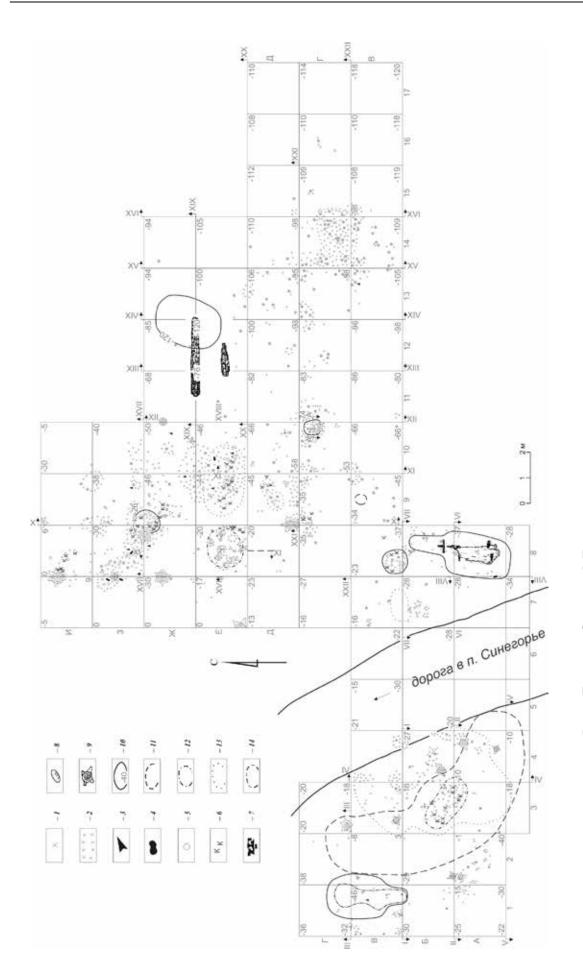

Рис. 2. Поселение Синегорье I.

Стратиграфия стенок и бровок раскопа: 1 – дерновый слой; 2 – песок темно-серого цвета; 3 – белесый песок (подзол); 4 – светлый, серовато-желтый песок; 5 – темный, серовато-желтый песок; 6 – желтый песок, перемешанный с охрой; 7 – супесь темно-коричневого цвета; 8 – светло-коричневый песок; 9 – ортштейн бурого цвета; 10 – дорога, покрытая шлаком; 11 – материк

Стратиграфия стенок и бровок раскопа. Условные обозначения: 1 – дерновый слой; 2 - белесый песок (подзол); 3 - серовато-желтый песок; 4 – темносерая супесь (кострища); 5 – ўтлисто-зольный слой; 6 – серо-зеленая глина; 7 – охра; 8 – прокаленный песок; 9 – светло-желтый песок (материк) Рис. 3. Поселение Синегорье I.

1 – кремневые отщепы; 2 – скопление отщепов; 3 – наконечник стрелы; 4 – орудия из камня; 5 – обломки керамических сосудов; 6 – фрагменты кальцинированных костей; 7 – угли древесные; 8 – камни; 9 – дерево современное; 10 – контуры ям; 11 – контур насыпи; контур кострища; 12 – контур охристых пятен; 13 – ортштейн Рис. 4. Поселение Синегорье І. План расположения очагов, ям и находок на раскопе.

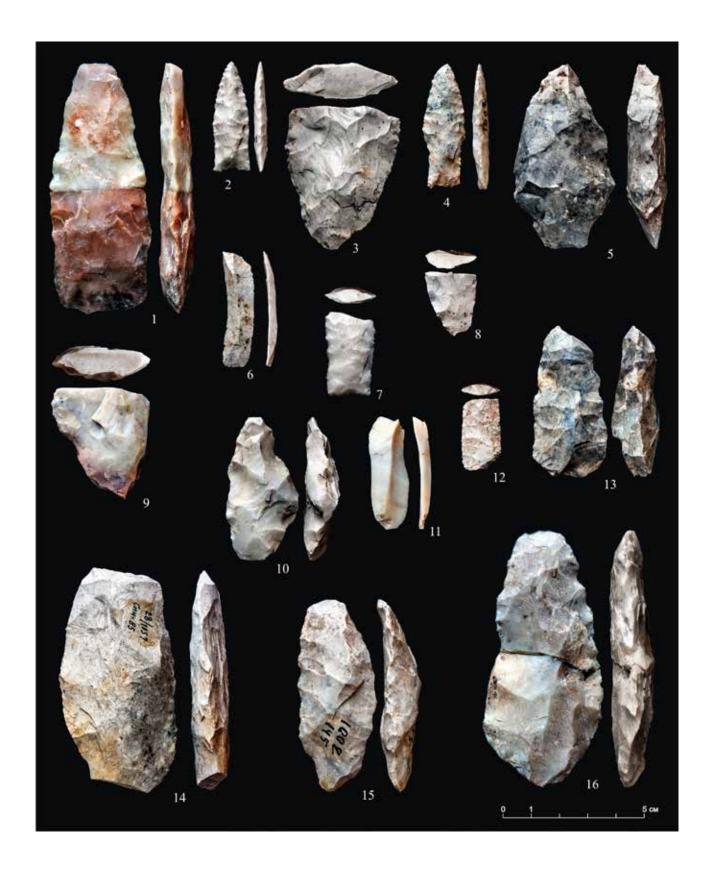

Рис. 5. Поселение Синегорье I. Кремневые орудия (наконечники, ножи, заготовки). 1 – кв. 8-Е; 2 – кв. 1-В; 3 – кв. 9-Е; 4 – кв. 9-З; 5 – кв. 10-Ж; 6 – кв. 7-Е; 7 – кв. 8-Е; 8 – кв. 8-З; 9 – кв. 9-Е; 10 – кв. 7-Ж; 11 – кв. 9-Е; 12 – кв. 10-Е; 13 – кв. 10-Е; 14 – кв. 13-В; 15 – кв. 9-Ж; 16 – кв. 8-Е

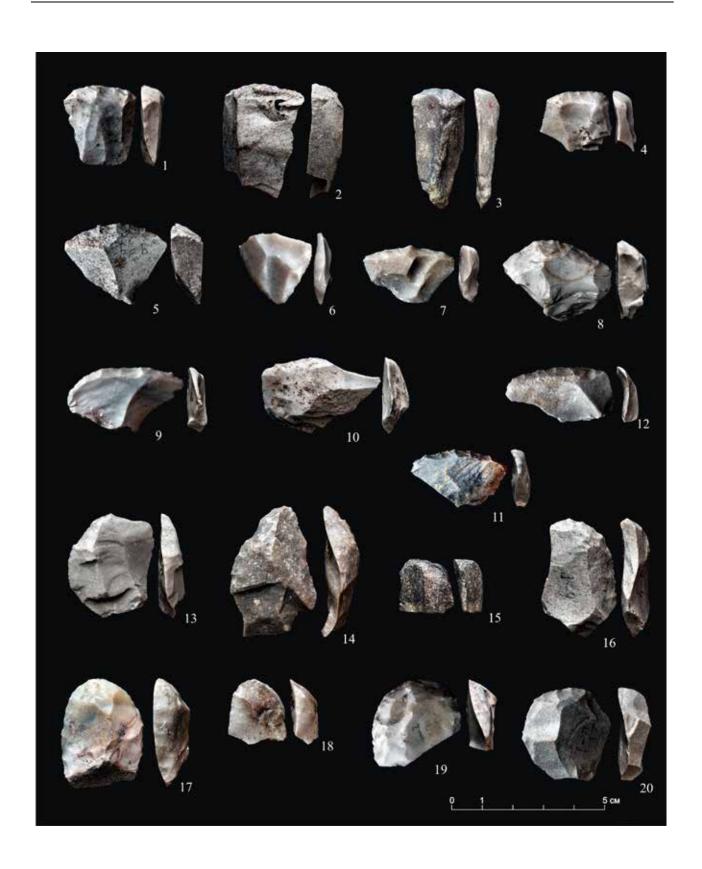

Рис. 6. Поселение Синегорье І. Кремневые орудия. Скребки.

1 – кв. 8-Б; 2 – кв. 3-А; 3 – кв. 3-А; 4 – кв. 9-3; 5 – кв. 12-Г; 6 – кв. 10-Г; 7 – кв. 14-Г; 8 – кв. 8-Е; 9 – кв. 8-Е; 10 – кв. 7-В; 11 – кв. 14-В; 12 – кв. 14-В; 13 – кв. 8-Г; 14 – кв. 14-Г; 15 – кв. 14-Г; 16 – кв. 12-Е; 17 – кв. 7-З; 18 – кв. 9-З; 19 – кв. 13-В; 20 – кв. 7-Ж

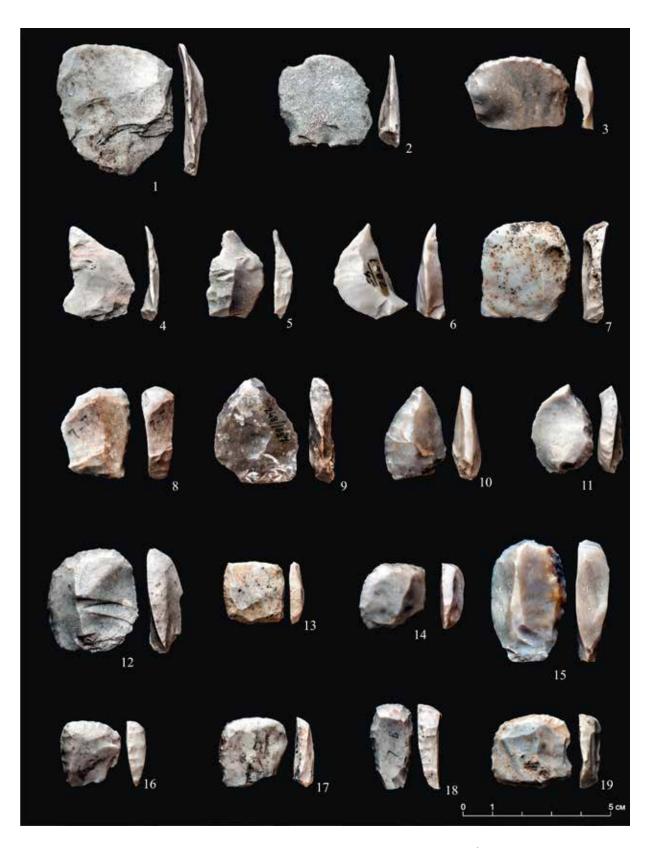

Рис. 7. Поселение Синегорье І. Кремневые орудия. Скребки.

1- кв. 4-Б; 2- кв. 10-3; 3- кв. 9-Ж; 4- кв. 9-Д; 5- кв. 8-Е; 6- кв. 8-3; 7- кв. 3-Б; 8- кв. 3-Е; 9- кв. 9-Д; 10- кв. 8-Е; 11- кв. 8-Е; 12- кв. 1-В; 13- кв. 4-Б; 14- кв. 2-A; 15- кв. 8-Е; 16- кв. 2-A; 17- кв. 14-Г; 18- кв. 13-Д; 19- кв. 15-Г

Рис. 8. Поселение Синегорье I. Молоты. 1 – кв. 9-Ж; 2 – кв. 7-3; 3 – кв. 4-Ж; 4 – кв. 7-А

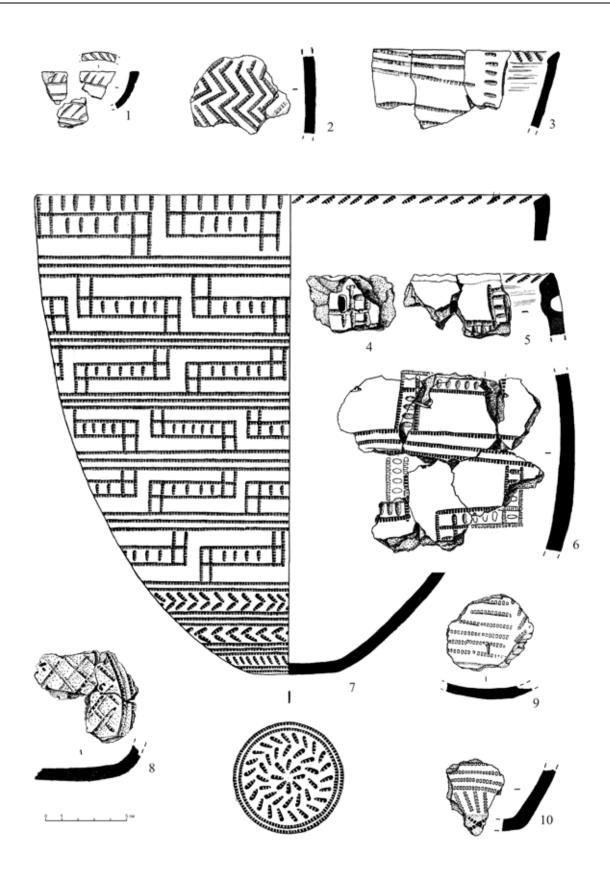

Рис. 9. Поселение Синегорье І. Керамика.

1 – кв. 8, 9-Е; 2 – кв. 16-Г; 3 – кв. 10-Г; 4 – кв. 8-И; 5 – кв. 7-3; 6 – кв. 8-3, 8-Е, 3-А; 7 – кв. 8, 9-Ж (яма); 8 – кв. 8-3; 9 – кв. 7-Б; 10 – кв. 8-Е

Рис. 10. Поселение Синегорье І. Керамика.

1 – кв. 8-E; 2 – кв. 8-E; 3 – кв. 14- Γ ; 4 – кв. 3-A; 5 – кв. 3-A; 6 – кв. 2-B; 7 – кв. 8-A; 8 – кв. 10- Γ (яма); 9 – кв. 8-A

выпуск хіх 2015

В.Е. Лузгин, А.М. Мурыгин, В.Н. Карманов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ БАССЕЙНА РЕКИ СУЛА (МАЛОЗЕМЕЛЬСКАЯ ТУНДРА)

В статье вводятся в научный оборот результаты археологической разведки, проведенной в 1975 г. Тиманским археологическим отрядом Коми филиала АН СССР под руководством В.Е. Лузгина в Малоземельской тундре. Авторами выполнены предварительная классификация и культурная атрибуция полученных материалов, которые впервые позволяют наметить основные этапы освоения малоземельской Арктики на протяжении энеолита - позднего железного века.

Ключевые слова: стоянка, поселение, керамика, каменный инвентарь, Малоземельская тундра, р. Сула, оз. Урдюжское, Ненецкий автономный округ

V.E. Luzgin, A.M. Murygin, V.N.Karmanov

ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE SULA RIVER BASIN (MALOZEMELSKAYA TUNDRA)

The results of the archaeological investigation conducted in 1975 in Malozemelskaya tundra by Timansky archaeological group of the Komi Branch of the USSR Academy of Sciences headed by V.E. Luzgin are introduced in the scientific turnover. The authors made preliminary classification and cultural attribution of the obtained materials which for the first time allow to plan the basic stages of development of Malozemelsky Arctic regions over a period from the Eneolithic to the late Iron Age.

Keywords: camp-site, settlement, ceramics, stone implements, Malozemelskaya tundra, the Sula river, the lake Urdyuzhskoye, the Nenets Autonomous Area

На карте Северной Евразии еще достаточно много слабо изученных археологами мест. Для этих территорий до сих пор актуально первичное описание материалов, полученных в результате разведочных работ. Одним из таких регионов является Ненецкий АО Архангельской области, и в большей мере, Малоземельская тундра. В статье авторы вводят в научный оборот неизданные ранее материалы археологической разведки 1975 г. в районе оз. Урдюжское и на участке долины р. Сулы (левый приток р. Печоры) в Малоземельской тундре (Ненецкий АО). Основой для подготовки публикации послужили отчет о полевых исследованиях (Лузгин, Мурыгин, 1975) и коллекции из фондов музея археологии европейского Северо-Востока Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар).

Первые сведения о случайных находках (изделиях из кремня и бронзы) в Малоземельской тундре относятся ко второй половине XIX в. (Штукенберг, 1875; 1884: 32, 33; Атлас... 1889: табл. VI; Отчет ИАК 1893: 114, 115, 134, 135). Это пункты на оз. Пятово близ Урдюги, на р. Суле около Хыкина Щелья, в приводит свидетельства Н.Н. Панова о находках в устье Индиги в 1930-х гг. кремневых предметов и обломков керамической посуды эпохи бронзы – раннего железного века (Хлобыстин, 1973. С. 55). В конце 1950-х – начале 1960-х гг. геологами Коми филиала АН СССР были найдены четыре местонахождения кремневых предметов, два из которых были обнаружены В. Пучковым на р. Индиге. В 1963 г. эти материалы опубликовал В.Е. Лузгин (Лузгин, 1963. С. 99-101). Позднее, в 1973 г. он же выявил стоянки эпохи бронзы и раннего железа в районе Индигских озер, поселения древних охотников на морского зверя на побережье Индигской губы и в долине р. Индиги (Лузгин, 1974. С. 20). К западу от устья р. Индиги и в устье р. Лямчин обнаружены 11 памятников эпохи камня и позднего железного века (Мурыгин и др., 2012. С. 12–14; рис. 1–4).

Особое место в археологическом изучении Малоземельской тундры занимают разведочные работы Института ЯЛИ КФ АН СССР в 1975 г. в районе оз. Урдюжское, соединяющегося через реки Урдюжская виска и Сойма с р. Сулой (левый приток Печоры). Здесь, а также устье р. Большой Щелихи. Л.П. Хлобыстин вблизи д. Коткино на р. Суле, В.Е. Лузгиным

выпуск хіх 2015

и А.М. Мурыгиным были найдены 11 разновременных памятников (Лузгин, Мурыгин, 1976), в том числе с сохранившимися культурными слоями (рис. 1). Это отличает их от большинства тундровых стоянок, представленных местонахождениями с поверхностным залеганием артефактов. Ниже представлено описание этих памятников.

Археологические памятники Урдюжского озера

Поселение Сударма І открыто р. Судармская виска, в 70 м от места ее впадения в оз. Становое (рис. 1 – пункт 1), на холме овальной формы в плане, площадью около 6000 кв. м и высотой 8-9 м над уровнем реки. Тремя шурфами площадью 4, 6 и 10 кв. м был выявлен сравнительно мощный (до 0,5 м) культурный слой, представленный однородным темно-коричневым суглинком с крупными гальками и их обломками. На восточном и западном склонах он выклинивался и содержал незначительное число находок. На южном склоне отложения содержали большее количество артефактов. Возможно, это связано с более продолжительной освещенностью этой части холма, на которой обитатели древнего поселения проводили большую часть времени. Остатки сооружений, кострищ и ям на исследованных участках не обнаружены.

Всего в шурфах были найдены 697 фрагментов керамических сосудов, кремневые орудия и продукты расщепления, обломки костей животных и большое количество фрагментов гальки.

Кремневый инвентарь представлен 319 предметами (рис. 2-3): отщепами (279) пластинами (10), осколками (11), бифасами на различной стадии расщепления (13), в том числе завершенными (8), гальками с пробными снятиями (3), куском. Среди отщепов преобладают сколы мелких размеров (221), в их числе диагностируются 82 скола бифасиального утончения. Из 10 пластин, преимущественно неправильной огранки, выделены четыре скола удаления межнегативных ребер бифасов.

Орудийный набор включает скребки (13) и сопряженные с ними отщепы с ретушью на широком дистальном конце (2), наконечники стрел (4) и копий (дротиков) (3), пер(2), скобель (1), пластину с ретушью (1), насад (обломок) неопределимого орудия.

Представленные в коллекции поселения Сударма I продукты расщепления и орудия свидетельствуют о том, что основные усилия в камнеобработке были направлены на бифасиальное расщепление. На некоторых изделиях – скребках (рис. 2–3, 5), ноже (рис. 2–8) и незавершенным бифасе - выявлены свидетельства применения тепловой обработки кремня, предваряющей его расщепление. Морфология завершенных бифасов различна (рис. 3). Наиболее многочисленные в орудийном наборе скребки также разнообразны по типу заготовки и характеру их обработки (рис. 2). Все это указывает на многократность заселения территории памятника в пределах эпохи бронзы и раннего железного века.

Об этом же свидетельствует керамическая посуда, найденная на поселении. Ее орнаментированные фрагменты принадлежат не менее чем 81 сосуду (рис. 4-6). Среди них типологически выделены пять групп, относящихся к эпохе бронзы (коршаковская и лебяжская культура), к раннему (ананьинская культура) и позднему (ванвиздинская культура (?), керамика субарктического типа) периодам эпохи железа.

Поселение Сударма II. Открыто в 200 м восточнее поселения Сударма I, на левом берегу р. Судармская виска (рис. 1 – пункт 8), на холме-останце овальной формы в плане. Высота холма составляет 6 м над окружающей его кочковатой заболоченной поверхностью. Находки обнаружены в двух пунктах.

Пункт А. В шурфе (размерами 1 х 1 и глубиной 0,3 м), заложенном на южном склоне холма у его вершины, в слое коричневой гумусированной супеси на глубине 0,2 м обнаружены 11 фрагментов керамического сосуда. В составе формовочной массы визуально определяется дресва. Два орнаментированных фрагмента стенок принадлежали небольшому сосуду, вероятно, невысокой открытой чаше. Находки из этого пункта относятся к эпохе железа и датируются в широких пределах I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.

Пункт Б. Шурф (1 х 1, глубина 0,4 м) заложен в 30 м к востоку от шурфа в пункте А, на пониженном восточном участке холма, представлявшем собой свободную от деревьев фораторы (2), ножи (3), отщепы с ретушью и кустарника ровную площадку с частично

ВЫПУСК ХІХ 2015

поврежденным дерновым слоем. В слое рыхлого желтого песка найдено 33 неорнаментированных фрагмента керамических сосудов, в том числе днища; крупный отщеп с ретушью утилизации на широком неровном дистальном конце и двухгранная пластина без вторичной обработки. Наиболее вероятный возраст этих материалов II тыс. до н. э. – сер. I тыс. н. э.

Местонахождение Сударма III.

Расположено на западном берегу оз. Сударма и на левом берегу р. Судармская виска, вблизи ее истока (рис. 1 – пункт 9). Коренной берег озера высотой до 15 м представляет собой кочковатую сырую тундру. На его прикраевой части выявлены небольшие по площади котловины выдувания. На поверхности одной из них собраны девять кремневых отщепов и неорнаментированный обломок стенки керамического сосуда, изготовленного из глиняного теста с обильной примесью дресвы.

Контрольные «закопушки» *, заложенные вдоль берега и в тыловой части террасы, показали отсутствие культурного слоя: под сфагно-моховым покровом мощностью 0,2–0,3 м залегает обводненная коричневая глина и мерзлота. Культурно-хронологическая атрибуция не устанавливается.

Поселение Минина Виска I. Открыто на правом берегу р. Минина виска, напротив устья ее левого безымянного притока (рис. 1 – пункт 2) и в 5 км от места ее впадения в оз. Урдюжское. Памятник расположен на мысовидном выступе террасы размерами 20 х 30 м и высотой до 3 м над поверхностью кочковатой тундры.

В средней части мыса заложены два шурфа площадью 1 и 5,5 кв. м. Культурные остатки залегали в слое коричневатого суглинка сразу под дерном и до глубины 0,37 м от поверхности. Культурные остатки – фрагменты керамики и кремневые изделия – равномерно залегали по площади и глубине шурфа, меньшая плотность находок отмечена в заполнении ямы. В его северо-восточной части в слое коричневатого суглинка на глубине 0,14–0,20 м частично расчищена яма размерами около 1,2 х 1,0 и глубиной 0,45 м от современной дневной поверхности. Заполнение ямы представлено темноокрашенной породой

с мелкими рассеянными фрагментами древесных углей, а в его основании залегал плотный углистый слой мощностью до 0,02 м. В самой яме и вокруг нее найдено большое количество галек разных пород, в том числе обожженных и растрескавшихся. К юго-западу от ямы выявлены два небольших углистых пятна, содержащие скопления обломков керамической посуды.

Коллекция поселения Минина Виска I представлена 696 предметами: кремневыми изделиями, некремневым осколком, фрагментами керамических сосудов, железной скобой. Кремневый инвентарь включает 167 изделий: отщепы (140), осколки (15), бифасы на различной стадии расщепления (12), в том числе завершенные (4). Среди отщепов преобладают снятия мелких (77) и средних (55) размеров, а среди диагностируемых – сколы бифасиального утончения (27).

Набор орудий из кремня включает 62 предмета (рис. 7-8). Это скребки на отщепах, преимущественно концевые (34); типологически сопряженная со скребками группа отщепов с мелкой регулярной ретушью на широком или округлом дистальном конце (7); ножи, изготовленные на отщепах краевой регулярной ретушью (6) и отщепы с участками краевой ретуши и ретуши утилизации (3), наконечники стрел (4) и медиальный фрагмент наконечник копья или дротика, комбинированные орудия (концевые скребки, совмещенные с ножами) (2), выемчатое орудие, фрагменты неопределимых орудий (3). Наконечники стрел представлены фрагментами бифасиальных изделий с прямым слегка скошенным или округлым насадом. Исключение составляет единственный целый предмет, имеющий черешок. При изучении кремневых артефактов выявлены свидетельства применения тепловой обработки кремня для его подготовки к дальнейшему расщеплению. Они зафиксированы на бифасах в начальной стадии расщепления (рис. 7, 7-9) и, главным образом, на скребках (рис. 8). Использование термической обработки для изготовления скребков является особенностью коллекции Мининой Виски I. Все известные до настоящего времени свидетельства ее применения связаны преимущественно с изготовлением бифасов - наконечников стрел и ножей (Мурыгин, Карманов, 2014; Карманов, 2015).

^{*}По оригинальному тексту отчета (Лузгин, Мурыгин, 1975).

ВЫПУСК ХІХ 2015

Керамическая коллекция поселения Минина Виска I представлена 528 фрагментами не менее чем 42 сосудов (рис. 9–10). Типологический анализ керамики и имеющиеся аналогии на памятниках европейского Северо-Востока позволяют выделить, по крайней мере, пять периодов заселения территории памятника: 1, 2) эпоха бронзы (коршаковская и лебяжская культура), 3, 4) ранний железный век: ананьинская и гляденовская культуры, 5) поздний железный век (керамика субарктического типа).

Местонахождение Минина виска II. Открыто на правом берегу р. Минина виска, в 1,5 км от ее впадения в Урдюжское озеро, на месте, где, по словам старожилов-рыбаков из д. Коткино, в XIX в. находились промысловые избы (рис. 1 – пункт 3). Памятник занимает прикраевой участок террасы высотой до 2–3 м, поросшей кустарником и березой и хорошо задернованной зеленомошником. Уже на удалении 3–5 м от кромки обнажения поверхность террасы заболочена.

В «закопушке» размерами 0,5 х 0,5 м и глубиной 0,5 м, вместе с остатками современного битого кирпича, углей и т.п., в глинистом слое обнаружено четыре кремневых осколка и отщепа. В контрольных «закопушках», заложенных на прикраевом и тыловом участках террасы, культурный слой не обнаружен. Вероятно, остатки поселения были разрушены промысловыми избами. Культурнохронологическая принадлежность полученных материалов не определена.

Стоянка Малый Гусинец. Открыта на правом берегу р. Малый Гусинец в 3 км от ее впадения в Урдюжское озеро (рис. 1 – пункт 4). Памятник расположен на сухом мысовидном участке террасы высотой до 2 м, ограниченном небольшим заливом реки и коротким неглубоким логом. Поверхность террасы покрыта ягелем, а примыкающая местность представляет собой заболоченную кочковатую тундру с отдельно стоящими березами.

На расстоянии 2 м от бровки террасы заложен шурф размерами 1х1 и глубиной 0,5 м. Культурные остатки были приурочены к слою белесого песка и залегали на глубину до 0,45 м от поверхности.

Коллекция состоит из 31 кремневого на задернованном участке заложен шурф разпредмета: 23 отщепов, семи чешуек и завермерами 1 х 1 и глубиной 0,2 м. Культурные шенного бифаса. Среди отщепов преобладают остатки, залегавшие в коричневатом суглинке

сколы мелких размеров (20), в числе которых выделены сколы бифасиального утончения (10). Немногочисленные орудия (рис. 10, 11 14) представлены возможно переоформленным бифасом – наконечником стрелы с прямым основанием и выделенным выступом, концевым скребком на среднем отщепе и отщепом с мелкой регулярной ретушью на широком дистальном конце. Кроме этого, в шурфе найдены мелкие фрагменты керамики очень плохой сохранности с примесью дресвы в глиняном тесте.

Памятник можно отнести к эпохе бронзы или началу раннего железного века.

Поселение Средний Гусинец. Открыто на правом берегу р. Средний Гусинец, в 2,5 км от места ее впадения в оз. Урдюжское (рис. 1 пункт 5). В осыпи обнажения террасы высотой до 3 м были обнаружены обломки венчика и неорнаментированной стенки керамического сосуда. В зачистке обнажения террасы, сделанной над местом сбора подъемного материала, выявлены остатки культурного слоя - гумусированного темно-серого песка мощностью до 0,08 м. Найдены 17 фрагментов керамических сосудов, два кремневых осколка, обломки кальцинированных костей и обожженных галек. По-видимому, здесь находились остатки очага, разрушенного оползнем. В шурфе, заложенном на поверхности террасы, культурные остатки не обнаружены.

Орнаментированные фрагменты керамики принадлежали слабопрофилированному сосуду чашевидной формы (рис. 10, 15), изготовленного из глиняного теста с примесью дресвы. Сосуд имеет аналогии в материалах ванвиздинской культуры второй половины I тыс. н. э.

Стоянка Большой Гусинец I. Открыта на левом берегу р. Большой Гусинец, в 2,5 км от места ее впадения в оз. Урдюжское (рис. 1 – пункт 6). Памятник расположен на мысовидном выступе террасы высотой до 5 м. Он ограничен на северо-востоке руслом р. Большой Гусинец, а на западе – логом, по которому протекает безымянный ручей. Поверхность мыса занята густым березняком с редкой примесью ели, постепенно переходящих к югу в тундровый ландшафт. В 12 м от края мыса на задернованном участке заложен шурф размерами 1 х 1 и глубиной 0,2 м. Культурные остатки, залегавшие в коричневатом суглинке

выпуск хіх 2015

мощностью 0,05-0,12 м, представлены 20 обломками керамических сосудов. Девять орнаментированных фрагментов принадлежали не менее чем двум сосудам (рис. 10, 16, 17) раннего этапа ананьинской культуры.

Стоянка Большой Гусинец II. Открыта на левом берегу р. Большой Гусинец и правом берегу ее безымянного притока, в 1 км от места ее впадения в оз. Урдюжское (рис. 1 – пункт 7). Памятник расположен на мысовидном участке террасы высотой до 3 м над уровнем реки. Терраса и ее склоны хорошо задернованы зеленомошником и поросли березняком с примесью ели. В 6 м от ее бровки заложен шурф, размерами 1х0,5 м и глубиной 0,3 м. Находки залегали в слое сероватого суглинка под дерном, их разброс по вертикали составлял 0,2 м.

Коллекция немногочисленна и состоит из четырех мелких кремневых отщепов, куска дресвы и мелкого неорнаментированного фрагмента керамического сосуда, с примесью органики в глиняном тесте. Культурно-хронологическая принадлежность не определена.

Кроме этого, около 15 км от истока р. Урдюжская виска из оз. Урдюжского, на ее правом высоком берегу (до 10-15 м над урезом воды), в «закопушке», в слое белесого песка на гл. 10-15 см от поверхности почвы был найден кремневый отщеп.

Археологические памятники в долине р. Сула

При обследовании окрестностей д. Коткино (левый берег р. Сулы), на берегах старичных озер, расположенных к северу от деревни, обнаружены остатки двух поселений - Коткино I и II (рис. 1 – пункты 10, 11).

Поселение Коткино I. Открыто вблизи западной оконечности старичного озера Большое Домашнее, в 1,5-2 км северо-западнее д. Коткино (рис. 1 – пункт 10) и приурочено к прикраевому участку террасы высотой до 3 м. От озера террасу отделяет заболоченная пойма шириной до 150 м. В 6 м от бровки террасы вблизи пересечения лесной грунтовой дороги с небольшим логом, на хорошо задернованной площадке, свободной от деревьев, заложен шурф размерами 1,5х1,5 и глубиной 0,4 м. Культурный слой представлен рыхлым желтым песком с серыми зольными пятнами, прослойками бурого песка и мелкими на глубине 0,10-0,3 м от поверхности.

фрагментами древесных углей. Мощность отложений 0,10-0,25 м.

В шурфе были изучены остатки двух кострищ, заполнение которых включало мелкие фрагменты углей и обломки кальцинированных костей животных. Первое имело размеры 1,25 х 0,8 и мощность - 0,05-0,1 м. Оно перекрывало конусовидное углубление округлой формы, размерами 0,5 х 0,65 и мощностью 0,1 м, врезанное в подстилающий слой на 0,03-0,08 м. Дно углубления было покрыто плотным слоем спекшейся основной породы и углистого материала толщиной около 0,02 м. Такая же прослойка обнаружена и под скоплением керамики в верхней части углубления. Заполнение его очень плотное интенсивного черного цвета, содержало массу угольков и очень мелких обломков кальцинированных костей животных. Второе кострище изучено частично. Большинство находок приурочено к кострищам и лишь незначительное количество залегало за их пределами.

Коллекция состоит из 121 фрагмента керамики (из них 35 - орнаментированы), шести кусков шлака и одного кремневого отщепа. Орнаментированные обломки керамики принадлежали не менее чем четырем сосудам (рис. 11, 1-4) первой половины II тыс. н. э. Из числа опубликованных материалов ближайшие аналогии известны на памятниках нижней Печоры - Новый Бор I-IV (Plusnin, 1992), Кобылиха (Барышев, 2010). Близкая по форме и орнаменту глиняная посуда имеется в коллекциях из раскопок на Ортинском городище и на Городецком городище-святилище-(фонды Ненецкого краеведческого музея, г. Нарьян-Мар) на нижней Печоре (Ясински, Овсянников, 1998; 2003).

Поселение Коткино II. Открыто в 3–4 км северо-западнее д. Коткино, вблизи западной оконечности старичного озера Малое Домашнее, на выступе террасы высотой 8-10 м, круто отворачивающей в этом месте от старицы (рис. 1 – пункт 11). С правой стороны площадка, занимаемая поселением, ограничена широким и глубоким заболоченным логом, по которому протекает безымянный ручей, с другой - обрывом террасы, примыкающей здесь к старице. На мысу заложен шурф размерами 1 х 1 и глубиной 0,5 м. Культурные остатки располагались в слое белесого песка BUILVCK XIX 2015

Коллекция состоит из 32 фрагментов керамических сосудов (из них шесть орнаментированы), 25 кремневых предметов: четырех концевых скребков на средних отщепах, 16 отщепов и пяти осколков. Орнаментированные обломки керамики принадлежали пяти сосудам, среди которых типологически выделяются две группы. Первая группа (рис. 11, 5-7) сопоставима с одним из керамических комплексов поселений Ружникова и керамикой Топыднюр XII, по мнению В.С. Стоколоса, относящихся к памятникам типа Конецбор V (Стоколос, 1988. С. 48; табл. 9). Сосуды второй группы (рис. 11, 8-9) имеют типологическое сходство с керамическими коллекциями лебяжской культуры позднего периода эпохи бронзы (Стоколос, 1997. С. 256-259).

Полученные в ходе разведки 1975 г. материалы по археологическим памятникам Малоземельской тундры значительно расширяют географию известных культур и культурных типов, прежде всего, эпохи бронзы, раннего и позднего периодов железного века. Изучение ранее неопубликованных коллекций позволило получить новые данные и по такому специфическому для бифасиальных индустрий приему, как тепловая обработка кремнистых пород для подготовки их к дальнейшему расщеплению. Расширены не только наши представления о географии распространения этого приема, но и о некоторых особенностях его применения. Примечательно также, что большая часть памятников имеют хорошо сохранившиеся культурные слои, перспективные для дальнейшего изучения. В настоящее время актуально обследование современного состояния выявленных памятников как важных источников по археологии Арктики.

Литература

Атлас к Трудам IV Археологического съезда. Казань, 1889. Табл. А, Б; I–XVI. 22 с.

Барышев И.Б. Средневековое городище Кобылиха на нижней Печоре // Материалы по истории и археологии России. Рязань: Александрия, 2010. Т. 1. С. 216–230.

Карманов В.Н. Тепловая обработка кремня по материалам поселения раннего металла Угдым I на средней Вычегде // ТАС. Вып. 10. Т. I: Материалы V Тверской археологической конференции, 16-го и 17-го заседаний научно-метолического семинара «Тверская земля

и сопредельные территории в древности». Тверь: «Триада», 2015. С. 313–324.

Лузгин В.Е. Археологические находки на побережье Чешской Губы и полуострова Канин // ИФС. Сыктывкар, 1963. Вып. 8. С. 99–102.

Лузгин В.Е. Разведка в Малоземельской тундре // AO 1973. М.: Наука, 1974. С. 20.

Лузгин В.Е., *Мурыгин А.М.* Разведка на Полярном Тимане // AO 1975. М.: Наука, 1976. С. 30.

Лузгин В.Е., Мурыгин А.М. Отчет Тиманского археологического отряда о полевых исследованиях в Малоземельской тундре. 1975. Т. 1 // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. № 193. 36 л.; Т. 2. Приложение к отчету. Иллюстрации // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. № 194. 55 л.

Мурыгин А.М., Карманов В.Н. Новые археологические открытия в тундрах северо-востока Европы // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований: Мат. VII науч.-практ. конф. «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвящённой 90-летию со дня рождения В.Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.). Екатеринбург: Изд-во Горбуновой, 2014. С. 85–92.

Мурыгин А.М., Карманов В.Н., Кленов М.В. Новые археологические исследования в тундрах северо-востока Европы. Сыктывкар, 2012. 68 с.

Отчет ИАК за 1890. 1893. СПб. 151 с.

Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука, 1988. 256 с.

Стоколос В.С. Энеолит и бронзовый век // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 213–313.

Хлобыстин Л.П. Крайний северо-восток европейской части СССР в эпоху неолита и ранней бронзы // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита. Л.: Наука, 1973. С. 54–65. (МИА. № 72)

Штукенберг А.А. Отчет геологического путешествия в Печорский край и Тиманскую тундру // Материалы для геологии России. Т. VI. СПб. 1875. С. 99–110.

конференции, 16-го и 17-го заседаний науч- *Штукенберг А.А.* Каменные орудия и бронно-методического семинара «Тверская земля зовые вещи, найденные в Печорском крае

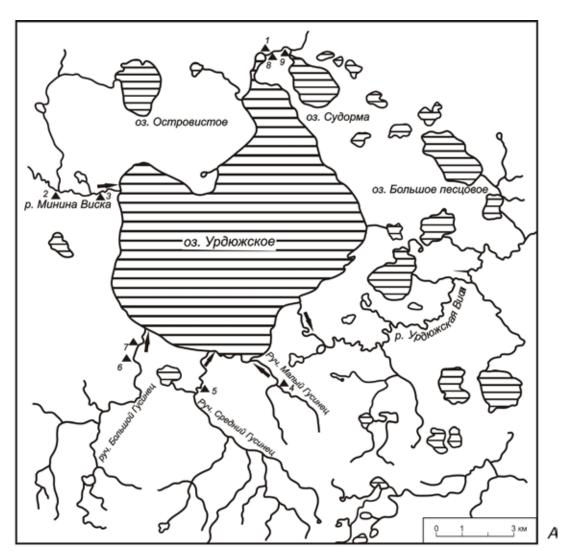
2015 выпуск хіх

в 1874 г. // Тр. IV Археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 ав- зерск. Русский город в Арктике. СПб: густа 1877 г. Т. І. Казань. 1884. С. 31-33.

Ясински М.Э., Овсянников О.В. Взгляд Петербургское Востоковедение, (Archaeologica Petropolitana, VI). 464 c.

Ясински М.Э., Овсянников О.В. Пусто-Петербургское Востоковедение, 2003. 400 с.

Plusnin S.M. Ringwalle aus Novyj Bor на Европейскую Арктику: Архангельский // Specimina Sibirica. T. V: The Arctic. Papers Север: проблемы и источники. Т. І. Спб.: of an international conference. Savariae, 1992. 1998 P. 203-210.

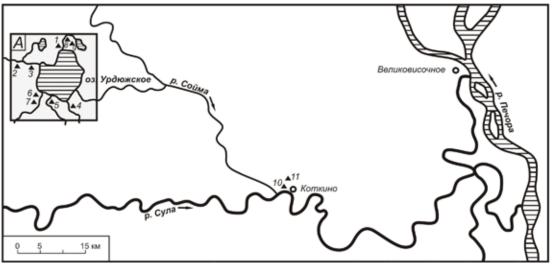

Рис. 1. Карта-схема расположения памятников.

1 – Сударма I; 2 – Минина Виска I; 3 – Минина Виска II; 4 – Малый Гусинец; 5 – Средний Гусинец; 6 – Большой Гусинец I; 7 – Большой Гусинец II; 8 – Сударма II; 9 – Сударма III; 10 – Коткино I; 11 – Коткино II

выпуск xix 2015

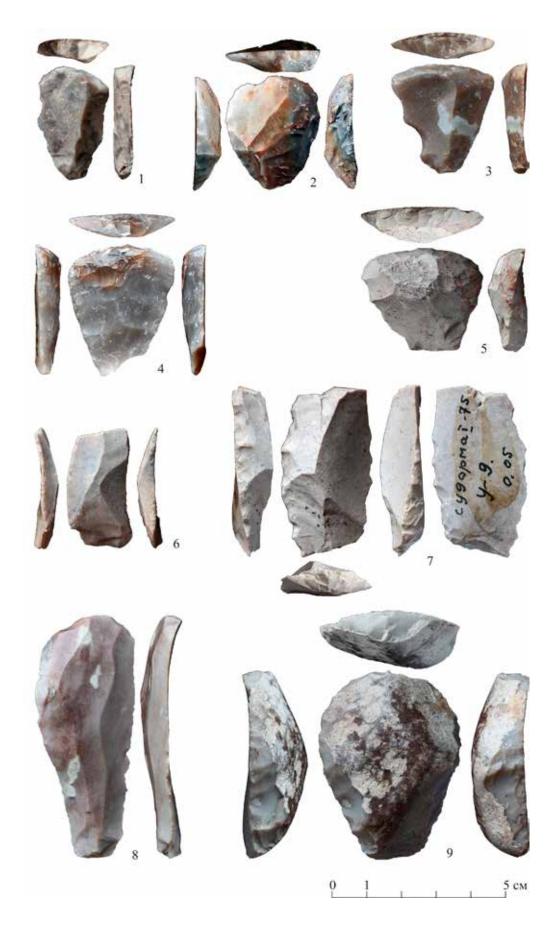

Рис. 2. Поселение Сударма І. Кремневые изделия

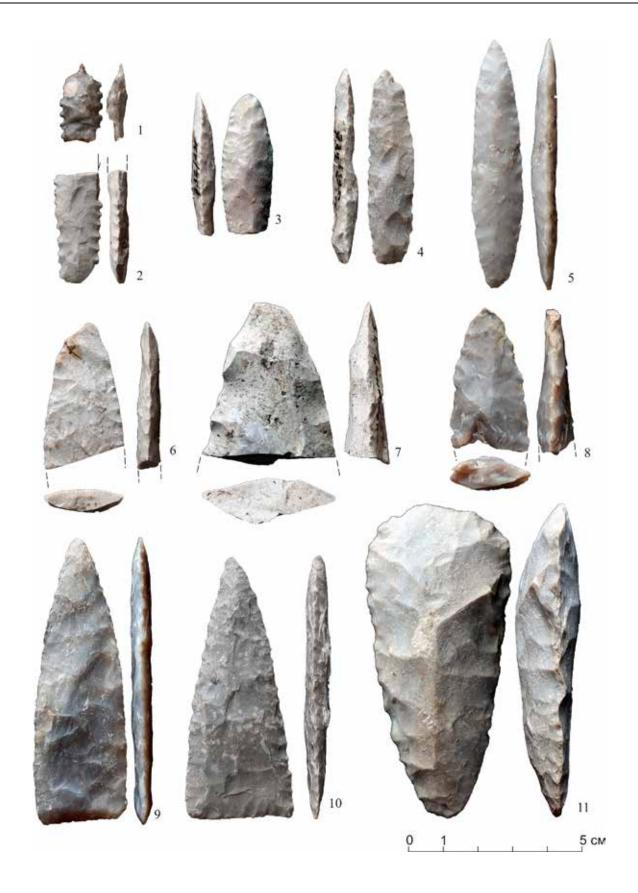

Рис. 3. Поселение Сударма І. Кремневые изделия

выпуск xix 2015

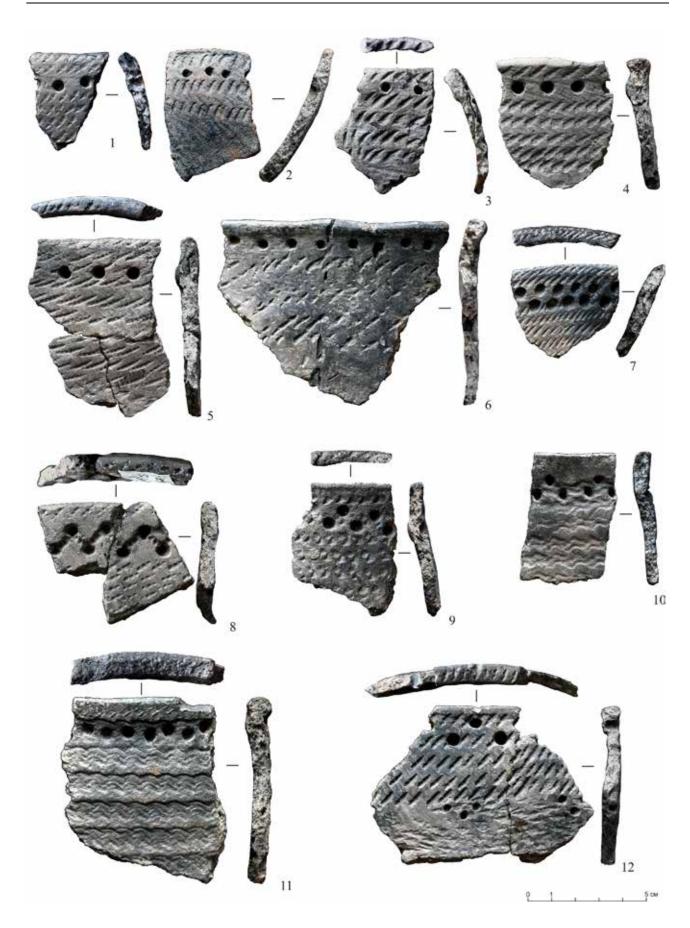

Рис. 4. Поселение Сударма І. Фрагменты сосудов. Керамика

Рис. 5. Поселение Сударма І. Фрагменты сосудов. Керамика

2015

ВЫПУСК ХІХ

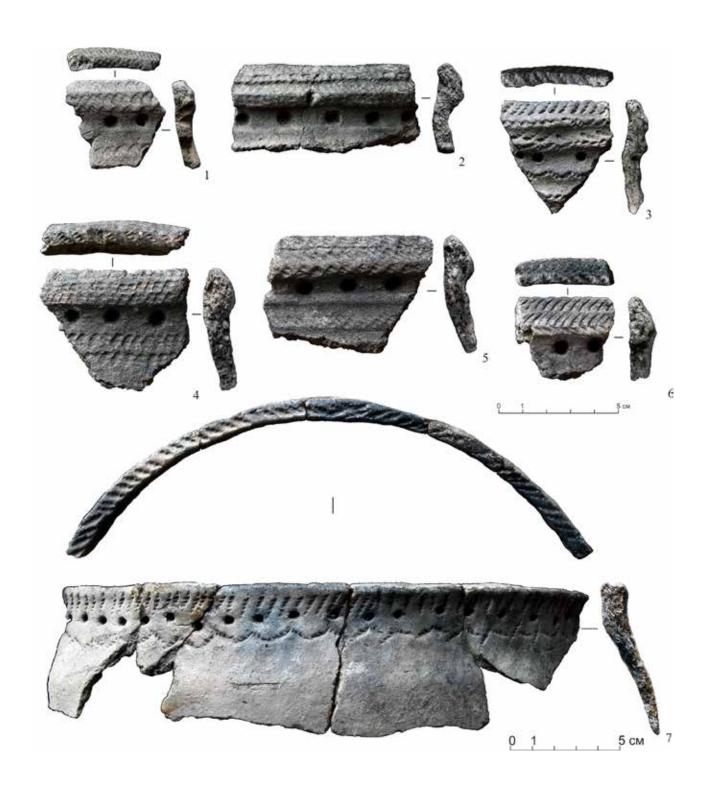

Рис. 6. Поселение Сударма І. Фрагменты сосудов. Керамика

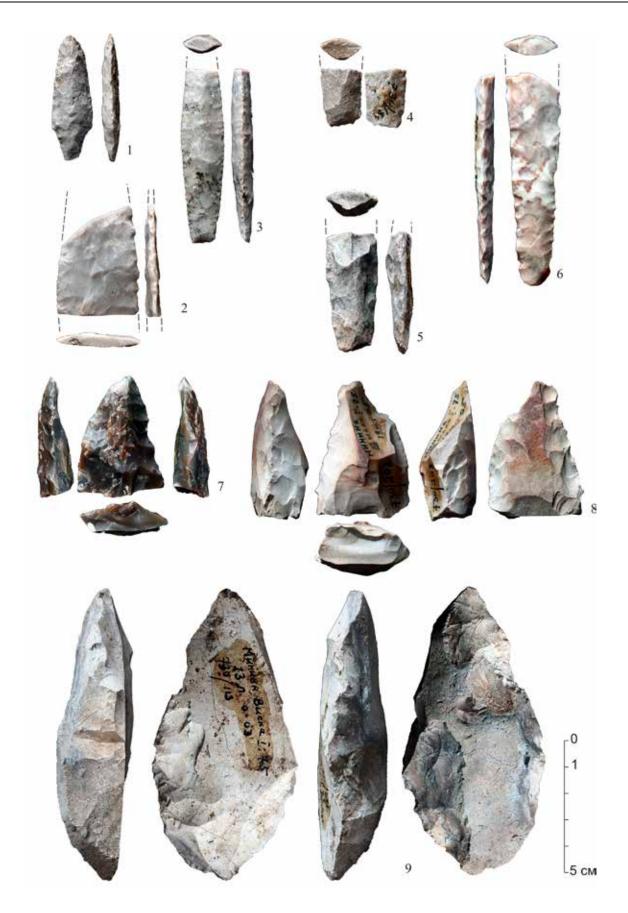

Рис. 7. Поселение Минина Виска І. Кремневые изделия

<u>выпуск</u> хіх

Рис. 8. Поселение Минина Виска І. Кремневые изделия

Рис. 9. Поселение Минина Виска І. Фрагменты сосудов. Керамика

Рис. 10. Малоземельская тундра. Урдюжское озеро. Вещевой инвентарь. 1-10 – поселение Минина Виска I; 11-14 – стоянка Малый Гусинец; 15 – поселение Средний Гусинец; 16, 17 – стоянка Большой Гусинец I (1-10, 15-17 – керамика, 11-14 – кремень)

Рис. 11. Малоземельская тундра, р. Сула. Поселение Коткино I (1-4), поселение Коткино II (5-9). Фрагменты сосудов. Керамика

И.О. Васкул

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ГЛЯДЕНОВСКОГО ВРЕМЕНИ ПОСЕЛЕНИЯ КИТОСТАВ НА ВЕРХНЕЙ ПЕЧОРЕ

Публикуются результаты исследований глиняной посуды поселения пиджской археологической культуры Китостав. Делается вывод, что керамическому комплексу присущи как признаки, характерные для керамики этого времени археологических памятников бассейна р. Печоры и всего европейского Северо-Востока в целом, так и признаки, отражающие локальные особенности керамического производства на верхней Печоре. Выявлено, что керамический комплекс поселения отражает культурные связи с населением верхней Вычегды и Западной Сибири.

Ключевые слова: европейский Северо-Восток, глиняная посуда, культурные связи, верхняя Печора, гляденовское время, пиджская археологическая культура.

I.O. Vaskul

CERAMIC COMPLEX OF GLYADENOVO TIME FROM KITOSTAV SETTLEMENT ON THE UPPER PECHORA

Results of studying the ceramic ware from the settlement Kitostav of Pidzh archaeological culture are published. The conclusion is made that the ceramic complex has the signs characteristic for ceramics of that time of archaeological sites of the Pechora basin and all European Northeast as a whole, and the signs reflecting local peculiarities of ceramic manufacture on the upper Pechora. It is revealed that the ceramic complex of the settlement reflects cultural contacts with the population of the upper Vychegda and Western Siberia.

Keywords: European Northeast, ceramic ware, cultural relation, the upper Pechora, Glyadenovo time, Pidzh archaeological culture.

Поселение расположено на северной окраине пос. Мылва Троицко-Печорского района Республики Коми, на боровой террасе правого берега старичного оз. Китостав. Памятник обнаружен В.И. Канивцом в 1959 г. Исследователь собрал в пяти пунктах разновременный археологический материал, установил, что культурные остатки располагаются на поселении отдельными пунктами, определил, что общая площадь распространения находок составляет не менее 10000 кв. м. Всю глиняную посуду В.И. Канивец отнес к трем культурным типам: ананьинскому (не менее пяти сосудов), гляденовскому (не менее четырех сосудов) и усть-полуйскому (один сосуд). К ананьинскому комплексу он отнес большинство кремневых изделий и обломки предметов, связанных с бронзолитейным делом (Канивец, Лузгин, 1963. С. 33–41). В 1982 г. раскопки в пункте 5 (по нумерации В.И. Канивца) проводил А.М. Мурыгин, который переименовал этот пункт в поселение Мылва. В ходе раскопок расчищены очаги-кострища, обнаружены бичевницкая и шойнатыйская керамика, бронзовые изделия (Мурыгин, 1982). В 1988 г. исследования на поселении были

возобновлены Сысольским археологическим отрядом ИЯЛИ Коми филиала АН СССР (сейчас Коми НЦ УрО РАН). Необходимость проведения работ была вызвана отсутствием на верхней Печоре стационарно изученных памятников раннего железного века.

Раскоп площадью 108 кв. м был заложен в 30 м к востоку от раскопа А.М. Мурыгина. В ходе раскопочных работ выявлены четыре очага-кострища и три ямы. Непосредственно друг с другом были связаны очаг 4 и яма 3, в которых найдены склеивающиеся друг с другом фрагменты сосудов. О взаимосвязи остальных кострищ и ям подобных данных нет. Основная масса находок обнаружена в очагах и ямах, а также в непосредственной близости от них (Васкул, 1988).

В результате раскопок 1988 г. на поселении Китостав получен разнообразный материал, представленный кремневыми предметами, керамикой, обломком лезвия железного ножа. Изучение глиняной посуды позволило выделить три культурно-хронологических комплекса: ананьинского периода (культурный тип Перный); гляденовского времени (пиджская археологическая культура – далее

ВЫПУСК ХІХ 2015

АК); бичевницкого культурного типа и типа Усть-Ляга II середины – второй половины I тыс. н.э. В раскопе найдены также обломки двух кремневых наконечников стрел, датирующихся эпохой бронзы.

Комплекс ананьинского периода характеризуется фрагментами керамики и кремневыми изделиями. Глиняная посуда представлена сосудами с примесью дресвы в глиняном тесте, украшенных ямками, зубчатыми оттисками, прочерченными линиями. Часть сосудов имеет воротничок (рис. 4, 2, 5). К этому же времени относятся скребки, выделанные из отщепов серого и коричневого кремня. Орудия концевые, имеют выпуклый рабочий край, обработанный крутой ретушью. С этим же комплексом связан очаг-кострище № 3.

Ко второму из комплексов принадлежат керамика, кремневые скребки, обломок ножа из железа. Глиняная посуда представлена сосудами чашевидной формы с примесью дресвы, раковины и шамота (?) в тесте. На некоторых из них видны следы заглаживания. Сосуды имеют невысокую шейку, плавно переходящую в тулово, украшены ямками, насечками, каннелюрами, шнуровыми и зубчатыми отпечатками. Скребки, отнесенные к этому комплексу, концевые, изготовлены на отщепах серого кремня. Они имеют выпуклый рабочий край, обработаны крутой ретушью.

Во время раскопок 1988 г. найдены также обломки сосудов бичевницкого типа (рис. 3, 7) и типа Усть-Ляга II (рис. 4, 3).

Целью данной публикации является характеристика керамического комплекса гляденовского времени. Всего в коллекцию входят фрагменты от 88 сосудов. В глиняном тесте 49 из них содержится примесь дресвы, 39 – раковины, органические примеси. Цвет поверхности сосудов - коричневый, серо-коричневый. Для исследования были отобраны 69 сосудов с наиболее сохранившейся верхней частью тулова. Форма венчика прямая, округрибовидная, внешнеасимметричная (рис. 1–3). У отобранных образцов были измерены диаметры шейки (значения – 4,2–24 см), основания шейки (4,2-25,2 см) и тулова (5-27,4 см), высота шейки (0,5–2,5 см) и плечиков (0,8-3,8 см), а у закрытых сосудов – высота верхней половины тулова (2,8-5,5 см), толщина стенок (0,2–0,8 см). На основе этих данных по методике, предложенной В.Ф. Генингом, были рассчитаны такие указатели форм сосудов, как высотно-горловинный, широтно-горловинный, профилировки шейки, высотный плечика, выпуклости плечиков (Генинг, 1973. С. 120-123; 1992. С. 45-54). На основании этих измерений коллекцию можно охарактеризовать как широкогорлые слабопрофилированные сосуды с низким горлом, низкими, слабовыпуклыми плечиками. По форме выделяются типы сосудов, аналогичные типам глиняной посуды, характерной для памятников гляденовского времени на территории европейского Северо-Востока (далее ЕСВ): ІА сосуды закрытой формы без шейки, IБ – открытые сосуды без шейки, ІІАІ – сосуды с хорошо выраженной отогнутой наружу шейкой, IIAII - сосуды с прямой шейкой, IIAIII - сосуды с загнутой внутрь шейкой, ІІБ – сосуды с очень низкой шейкой, ІІВ – открытые профилированные сосуды (Васкул, 1997. С. 367. Рис. 5). К типу ІА относится семь (10,1% от выборки), к типу IБ – 11 (15,9%), к типу IIAI – восемь (11,6%), к типу IIAII – пять (7,3%), к типу IIAIII – два (2,9%), к типу IIБ – 34 (49,3%), к типу IIВ – два (2,9%). Абсолютно преобладает керамика типа ІІБ, остальные типы менее представительны. Преобладание этого типа глиняной посуды характерно для памятников, датирующихся первой половиной I тыс. н.э. (Васкул, 1997. С. 367; Васкул, Холопов, 2005. С. 37), что позволяет отнести к этому же временному периоду большую часть гляденовской керамики поселения. Хотя для некоторых сосудов типа IIAI – III нельзя исключать и более раннюю датировку (Канивец, Лузгин, 1963. Рис. 26, *2*) концом I тыс. до н.э.

Керамика орнаментирована по венчику, шейке и плечикам. Орнамент по венчику выполнен насечками (34 сосуда, 49,2% от общего числа в выборке), зубчатым штампом (пять сосудов, 7,2%), защипами (четыре сосуда, 5,8%), клиновидными (два сосуда, 2,9%) и четырехугольными вдавлениями (два сосуда, 2,9%). У 22 (32%) сосудов венчики не орнаментированы. Узоры образуют горизонтальные линии, ряды прямо или наклонно поставленных оттисков, елочку (рис. 1–3).

По шейке и в верхней части плечиков украшены 64 сосуда из 69, что составляет 92,8%. У пяти сосудов (7,2%) орнамент в верхней части тулова отсутствует. Преобладает резная техника нанесения узоров (45 сосудов

или 65,2%). 30 сосудов украшены ямками (43%). Пять декорированы зубчатыми отпечатками (7,2%), пять – каннелюрами (7,2%). На трех сосудах зафиксированы шнуровые узоры (4,3%). 11 сосудов декорированы вдавлениями: шесть – клиновидными (8,7%), три – овальными (4,3%), два – треугольными (3,3%) и два – четырехугольными (3,3%). В целом технику орнаментации керамического комплекса можно охарактеризовать как ямочно-резную. Преобладают сосуды, орнаментированные в какой-либо одной технике нанесения узоров (рис. 1, 1-5, 7, 9; рис. 2, 1-3; рис. 3, 3, 5). Сочетания образуют ямки и насечки, ямки и вдавления, ямки и зубчатые оттиски, ямки, шнур и насечки, насечки и вдавления, насечки и каннелюры, каннелюры и вдавления, внутри которых нанесены оттиски зубчатого штампа (рис. 1, 6, 8; рис. 2, 4–6; рис. 3, 1–2, 4, 8-9). Ямки, как правило, открывают орнаментальную зону, расположены в линию (рис. 1, 6; 2, 4-5; 3, 1, 4). На одном сосуде они нанесены ниже четырехугольных оттисков (рис. 2, 6), еще на двух – изнутри сосуда (рис. 3, 8; Канивец, 1963. Рис. 25, 9). В одном случае отмечено их парное расположение. Насечками и вдавлениями выполнены горизонтальные линии, ряды наклонно поставленных оттисков, зигзаги (рис. 1, 1-2, 4, 6-9; 2, 1-6; 3, 1-5, 8-9; Канивец, 1963. Рис. 26, 2-4). Шнуром нанесены строенные линии (рис. 3, 4), зубчатым штампом - наклонные ряды, зигзаг.

Орнаментация глиняной посуды поселения типична для керамических комплексов гляденовского времени как в бассейне р. Печора, так и на территории ЕСВ в целом. Орнаментальные композиции сосудов соответствуют орнаментальным группам 2, 4, 6, 22, 27, 33, 44, 45 керамики ЕСВ (Васкул, 1997. Рис. 6).

В коллекции выделяются фрагменты двух сосудов, декор которых отличается от остального комплекса глиняной посуды гляденовского периода. От первого из них сохранилась только шейка. Узор выполнен гладким штампом: в верхней части шейки нанесен вертикальный ряд из коротких волнистых оттисков, ниже – две горизонтальные волнистые линии из длинных оттисков штампа, далее следует комбинация из коротких горизонтальных и вертикальных волнистых отпечатков (так называемый «паркетный»

орнамент), замыкают сохранившуюся часть орнаментальной зоны две длинные волнистые горизонтальные линии. На внутренней стороне сосуда – неглубокая ямка (рис. 4, 4). У фрагмента второго сосуда полностью сохранилась орнаментальная зона (рис. 4, 1). Внешне асимметричный венчик украшен четырехугольными оттисками. В верхней части шейки нанесена плавная волнистая линия, выполненная гладким штампом. Под ней ряд ямок, соединенных волнистой линией гладкого штампа. Замыкают орнаментальную зону две плавные волнистые линии гладкого штампа. Паркетный орнамент, которым декорирован первый из сосудов, характерен для орнаментации глиняной посуды кулайской культуры Западной Сибири (Косарев, 1974. Рис. 48, 8, 15-16, 18; Чиндина, 1984. Табл. 6. С. 82; Чемякин, 2008. Рис. 76, 7; 77, 13).

По всей видимости, с культурами Западной Сибири и Зауралья связана орнаментация второго сосуда. Здесь необходимо отметить, что о наличии на поселении усть-полуйской керамики писал ранее В.И. Канивец (Канивец, Лузгин, 1963. С. 39). О связях с зауральскими орнаментальными традициями свидетельствует присутствие в коллекции из сборов В.И. Канивца и раскопок 1988 г. глиняной посуды с ямками, нанесенными с внутренней стороны сосудов (рис. 3, 8; Канивец, Лузгин, 1963. Рис. 25, 9).

В свое время керамический комплекс гляденовского типа из сборов В.И. Канивца на поселении Китостав вместе с материалами других поселений послужил К.С. Королеву основанием для выделения верхнепечорского варианта, который он, наряду с верхневычегодским, отнес к южной группе древностей гляденовского времени на ЕСВ (Королев, 1972. С. 5–6).

К сожалению, интересное предположение исследователя базировалось на немногочисленных данных. Анализ материалов полевых исследований, проведенных в 1970-е – начале 1990-х гг., позволил предварительно выделить на территории ЕСВ две археологические культуры: джуджыдъягскую в Вычегодском крае и пиджскую в Печорском (Васкул, 1995. С. 99). Керамический комплекс поселения Китостав был отнесен к пиджской АК. В то же время было отмечено, что имеются некоторые отличия керамики верхнепечорских

поселений в примесях к глиняному тесту и в орнаментации от керамических комплексов других памятников этой культуры (Васкул, 1993. С. 88). Прослеживаются различия в технике орнаментации венчиков, шейки и плечиков сосудов и между верхнепечорскими памятниками (Васкул, 1993. Табл. 2-3). На поселении Китостав имеются сосуды, декорированные по венчику защипами, меньше процент посуды, украшенной по шейке и плечикам шнуром, каннелюрами (Васкул, 1993. Табл. 2-3). Наличие в коллекции керамики, орнаментированной по венчику защипами, характерными для вычегодских комплексов глиняной посуды (Буров, 1965. Рис. 9, 7; 10, 4; 11, 6; Васкул, Холопов, 2005. Рис. 2, 12; 3, 34; 4, 4), возможно, объясняется тем, что поселение расположено в приустьевой части р. Северная Мылва, образующей вместе с р. Южная Мылва водный путь, соединяющий бассейны Вычегды и Печоры. Свидетельством контактов верхнепечорского и верхневычегодского населения является присутствие в коллекции глиняной посуды поселения-святилища Мыелдино, расположенного в 1 км ниже устья р. Южная Мылва, на другом конце этого водного пути, керамики, украшенной ямками, нанесенными изнутри сосудов (Васкул, Холопов, 2005. Рис. 5, 9, 12), ямками, открывающими орнаментальную зону (Васкул, Холопов, 2005. Рис. 3, 8, 14; 4, 26; 5, 22), каннелюрами (Васкул, Холопов, 2005. Рис. 3, 15, 17). Посуда, декорированная ямками, открывающими орнаментальную зону, каннелюрами присутствуют в коллекциях других памятников бассейна верхней Вычегды (Буров, 1960. Рис. 8, 4; Буров, 1965. Рис. 7, 11, 13).

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо отметить, что керамический комплекс пиджской АК гляденовского времени поселения Китостав, наряду с признаками, присущими для всей культуры в целом, имеет локальные особенности, отражающие культурные контакты верхнепечорского, верхневычегодского и западносибирского населения*.

Литература

Буров Г.М. Из результатов археологической разведки 1957 г. на верхней Вычегде // Историкофилологический сборник. Вып. 5. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1960. С. 99–118.

Буров Г.М. Археологическая разведка 1963 г. в зоне затопления будущего Усть-Куломского водохранилища // Древние поселения на Печоре и Вычегде. Отчет о работах 1963 г. в зоне затопления Усть-Войского и Усть-Куломского водохранилищ. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1965. С. 139–159 (МАЕСВ; Вып. 3).

Васкул И.О. Отчет о полевых исследованиях Сысольского археологического отряда в 1988 г. Сыктывкар, 1989 // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 405. 111 л.

Васкул И.О. К вопросу о локальных различиях в керамике гляденовского типа на памятниках Европейского Северо-Востока // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1993. С. 77–89 (МАЕСВ; Вып. 12).

Васкул И.О. О культурной принадлежности памятников Европейского Северо-Востока в конце І тыс. до н.э. – первой половине І тыс. н.э. // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1995. С 93–100 (МАЕСВ; Вып. 14).

Васкул И.О. Памятники гляденовской культурной общности // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 349–399.

Васкул И.О., Холопов М.И. Поселениесвятилище первой половины І тыс. н.э. Мыелдино на верхней Вычегде // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 2005. С 34–46 (МАЕСВ; Вып. 17).

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок// СА. 1973. № 1. С. 114–135.

Генинг В.Ф. Древняя керамика: методы и программы исследования в археологии. Киев: Наукова Думка, 1992. 188 с.

Канивец В.И., Лузгин В.Е. Археологическая разведка на Южно-Печорской равнине // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1963. Вып. ІІ. С. 33–41.

Королев К.С. Керамика поселений гляденовского типа на средней Печоре и Усе //

^{*} Статья подготовлена в рамках проекта № 15-15-6-47 «Стратегии и практики освоения и заселения Европейской Арктики: Комплексная программа Уральского отделения РАН, локальные и кросскультурные процессы в исторической динамике».

Пятая Коми республиканская молодежная конференция. Тез. докладов. Сыктывкар, 1972. С. 5–6.

Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974.

Мурыгин А.М. Отчет о работах север- в эпоху раннего средневеко ного археологического отряда в 1982 г. – Томского ун-та, 1991. 182 с. Сыктывкар, 1983 // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 300.

молодежная *Чемякин Ю.П.* Барсова гора: очерки ар-Сыктывкар, хеологии сургутского Приобья. Древность. Сургут-Омск: «Омский дом печати», 2008. уры Томско- 224 с.

имского Приобья. М.: Наука, 1974. *Чиндина Л.А.* История Среднего Приобья *Мурыгин А.М.* Отчет о работах северво в эпоху раннего средневековья. Томск: Изд-во археологического отряда в 1982 г. – Томского ун-та, 1991. 182 с.

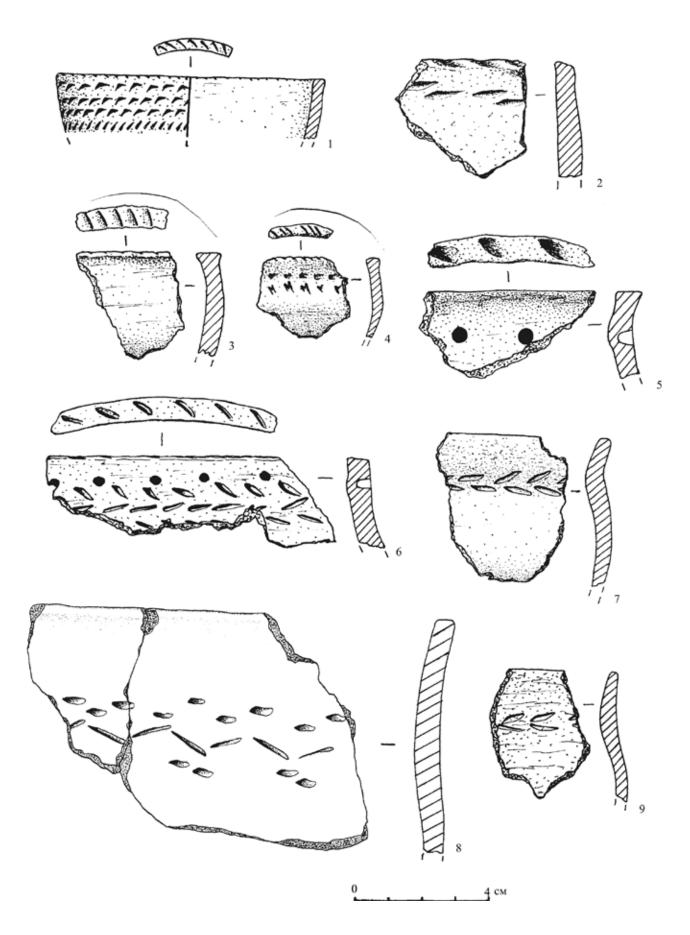

Рис. 1. Поселение Китостав. Керамика

<u>выпуск хіх</u> 2015

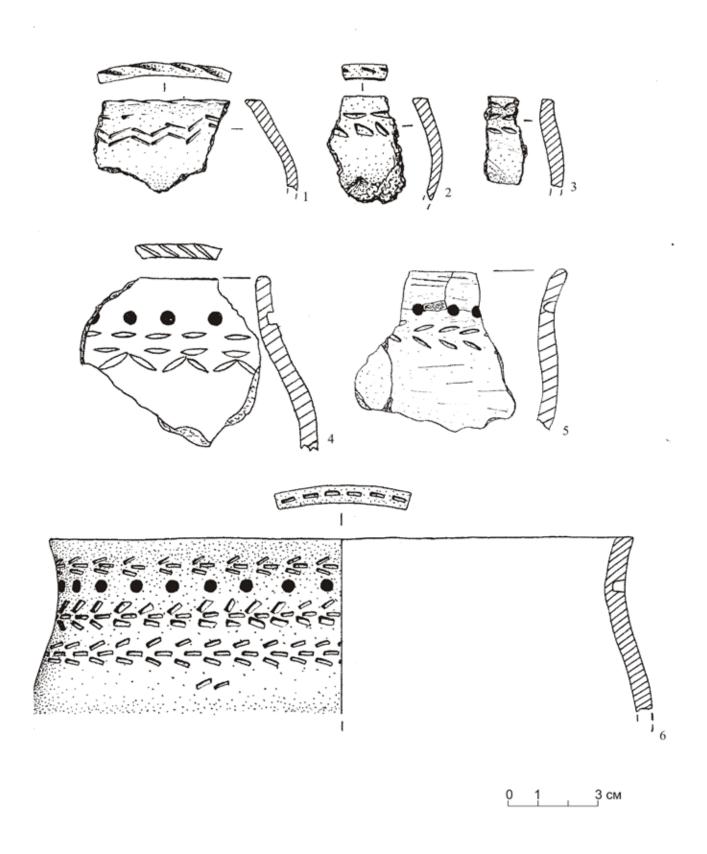

Рис. 2. Поселение Китостав. Керамика

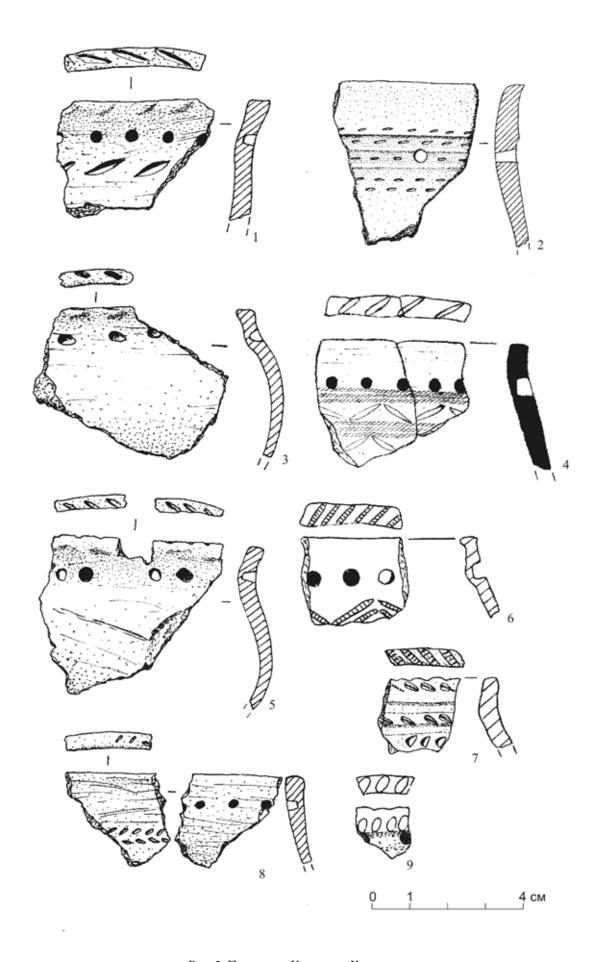

Рис. 3. Поселение Китостав. Керамика

Рис. 4. Поселение Китостав. Керамика

Т.Ю. Туркина

ПОСЕЛЕНИЕ БИЧЕВНИК І НА СРЕДНЕЙ ПЕЧОРЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2013 Г.)

Вводятся в научный оборот археологические материалы, полученные в 2013 г. в ходе аварийно-спасательных раскопок на поселении Бичевник І. По найденным изделиям на памятнике выделяется два хронологических комплекса: первая половина – середина I тыс. н.э. и середина II тыс. – XVII в. н.э.

Ключевые слова: поселение, культурный тип Бичевник, железный век, спасательные археологические раскопки, Европейский Северо-Восток, бассейн Печоры.

T.Yu. Turkina

BICHEVNIK I SETTLEMENT ON THE MIDDLE PECHORA (ON MATERIALS OF EXCAVATIONS OF 2013)

The archaeological materials obtained in 2013 during saving excavations on settlement Bichevnik I are introduced in the scientific turnover. From articles found on the site two chronological complexes are singled out: first half - middle of I millennium AD; and middle of II millennium - XVII century AD.

Keywords: settlement, cultural type of Bichevnik, the Iron Age, saving archeological excavations, the European Northeast, the Pechora basin.

Поселение Бичевник I расположено на левом берегу р. Печора, около 7 км к югу от с. Усть-Соплеск (Вуктыльский район Республики Коми) и в 2 км ниже устья р. Малый Сопляс в урочище Бичевник на 20-метровой надпойменной террасе (рис. 1, 2).

Археологические находки в окрестностях д. Усть-Щугор и с. Усть-Соплеск известны с середины XIX в. Русский промышленник М.К. Сидоров, совершая поездки по Печорскому краю, по просьбе известестествоиспытателя Э.И. Эйхвальда ного собирал сведения о местных древностях. М.К. Сидорову удалось приобрести в с. Усть-Соплеск замечательную коллекцию предметов культового литья, найденных в 1856 г. на берегу реки: 12 бронзовых зооморфных и антропоморфных культовых изображений [Канивец, 1965. С. 3]. Й.Р. Аспелин опубликовал эти предметы в атласе финно-угорских древностей. В этой работе также опубликована фигурка медведя из д. Усть-Щугор, условия находки которой не известны (Aspelin, № 509-515, 517–527, 530–531).

В 1955 г. геологом Г.А. Черновым на левом берегу р. Печора в 2 км ниже устья р. Малый Сопляс у края 20-метровой надпойменной террасы были обнаружены остат-С. 230, 231). Повторно указанный район был об-

АН СССР под руководством В.И. Канивца. В ходе исследований на участке между устьем р. Малый Сопляс и с. Усть-Соплеск были выявлены поселения Бичевник I, II, III. На поселении Бичевник I у края террасы была заложена траншея 2 х 10 м. Коллекция представлена несколькими сотнями фрагментов керамики от 17 сосудов, небольшим количеством кремневых изделий, в том числе орудий, железными топором и ножом. На поселение Бичевник II была произведена зачистка протяжённостью 5 м, в которой было найдено 22 фрагмента керамики от двух сосудов. На поселении Бичевник III была произведена расчистка на площади 2 х 0,8 м, в которой было собрано 46 фрагментов от двух сосудов, отнесённых автором раскопок к эпохе средневековья (Канивец, 1965. С. 87-93).

В 1990 г. на данной территории разведочные работы проводились экспедицией Сыктывкарского государственного университета под руководством М.В. Василенко. На поселении Бичевник I была произведена прирезка к северо-западной части раскопа 1963 г. площадью 9 кв. м. В составе коллекции - керамический и кремневый материал (Василенко, 1990).

В 2013 г. исследования велись в разки средневекового поселения (Чернов, 1956. рушающейся части памятника, примыкающей к кромке террасы и на участке памятследован в 1963 г. экспедицией Коми филиала ника, по которому проходит дорога. Для

и 1990 гг. в юго-западной и северо-западной частях. Площадь раскопа составила 35 кв. м.

В ходе исследования были выявлены четыре объекта. Чётких границ они не имеют, заполнены смешанным и белёсым песком, вкраплениями погребённого растительного слоя, и пятно прокала, насыщенное неорнаментированной керамикой. Основная концентрация находок прослеживалась в указанных объектах и рядом с ними (рис. 3).

Яма № 1. Зафиксирована на глубине 14 см от поверхности в квадрате Б-4. Ориентировка - СЗ-ЮВ. Размеры 133 х 49 см. Форма в плане овальная. В профиле имеет подтреугольную форму. Мощность заполнения ямы составила - 21 см. В ходе разборки ямы была установлена следующая структура ее заполнения:

- 1) Тёмно-серый смешанный прессованный песок, мощностью 0-10 см.
- 2) Черные линзы (погребённая органика растительного происхождения), мощностью
- 3) Смешанный (серый, коричневый, желтый) песок с вкраплениями угля, мощностью 1,7-18,7 см.
- 4) Белёсый песок, расположен непосредственно под выше описанным смешанным (серый, коричневый, желтый) слоем, в виде отдельных линз, мощностью 1,8-10,3 см.
- 6) Ярко-желтый материковый песок. Зафиксирован на глубине 22 см от поверхности ямы.

Культурные остатки представлены бронзовым гребнем (рис. 5, 5), украшенным циркульным орнаментом. Находка залегала на глубине 2 см от зафиксированной поверхности ямы. По аналогии с гребнем из Выжумского I могильника марийской культуры изделие датируется XVII в. н.э. (Никитин. С. 126, рис. 113).

Яма № 2. Зафиксирована на глубине 10 см от поверхности в кв. В-4. Ориентировка объекта С-Ю. Размеры 79,4 х 32 см. Форма в плане аморфная. В профиле имеет подтреугольную форму. Мощность наполнения ямы составила – 24,3 см. В ходе разборки ямы была установлена следующая структура заполнения:

- 1) Смешанный (серый, коричневый, желтый) песок с вкраплениями угля, мощностью до 22 см.
 - 2) Черные линзы (погребённая органика Мощность до 20 см.

этого осуществлена прирезка к раскопам 1963 растительного происхождения), мощностью 1-2,5 cm.

- 3) Белёсый песок расположен непосредственно под выше описанным смешанным (серый, коричневый, желтый) слоем, в виде отдельных прослоек мощностью 1-11 см.
- 4) Ярко-желтый материковый песок зафиксирован на глубине 25 см от поверхности

Культурных объекте остатков не выявлено.

Яма № 3 зафиксирована на глубине 10 см от поверхности в квадрате Б-1. Ориентировка - 3-СВ. Размеры 91 х 55см. Форма в плане аморфная. В профиле имеет подтреугольную форму. Мощность заполнения ямы составила - 32 см. В ходе разборки ямы была установлена следующая структура заполнения:

- 1) Темно-серый смешанный прессованный песок. Мощность 0,6-1,5см.
- 2) Смешанный (серый, коричневый, желтый) песок с вкраплениями угля. Мощность 0,7-28 cm.
 - 3) Бурый песок. Мощность 1-26 см.
- 4) Черный погребённый растительный слой. Расположен в виде линз в смешанном (серый, коричневый, жёлтый). Мощность прослоек 1,5-8,3 см.
- 5) Ярко-желтый материковый песок зафиксирован на глубине 33 см от поверхности

Культурные представлены остатки фрагментами керамики с орнаментом, бронзовой фибулой (рис. 5, 3), бусиной (рис. 5, 6), кальцинированной фрагментом Практически все находки залегали в слое смешанного песка.

Яма № 4. С заполнением в виде прокаленного песка. Зафиксирована на уровне на глубине 5 см от поверхности на уч. В-3. Яма имеет аморфные очертания в плане. Ориентировка Ю3-СВ. Размеры 87 х 63см. В профиле имеет подпрямоугольную форму. Мощность заполнения - 20 см.

В ходе разборки ямы была установлена следующая структура ее заполнения:

- 1) Коричневый песок. Мощность 0,8 см.
- 2) Смешанный, розовый (прокаленный с белёсым) песок. Мощность 0,8-10 см.
- прокаленный 3) Красный песок.

4) Ярко-желтый материковый песок зафиксирован на глубине 21 см от поверхности ямы.

Культурные остатки содержались в слое смешанного розового песка и пятнах коричневого песка. Представлены в основном фрагментами керамики без орнамента.

Назначение выявленных при раскопках объектов (ям) точно не определено.

Полученная в ходе исследования поселения Бичевник I коллекция состоит из 217 предметов. Основную массу найденного материала составили фрагменты керамических сосудов с орнаментом и без орнамента. Вся керамика содержит минеральные примеси в глиняном тесте. Фрагменты керамики принадлежат семи сосудам (рис. 4). По форме верхней части тулова их можно разделить на две группы: I – открытые чаши; II – сосуды закрытой формы. По орнаментации верхней части тулова внутри групп выделяются типы: 1 – декорированные сочетанием наклонных вдавлений, канелюрой, глубокими ямками, оттисками зубчатого штампа; 2 – декорированные сочетанием рядов наклонных вдавлений и рядами отпечатков чекана подпрямоугольной формы; 3 – отпечатками шнура и зубчатого штампа.

I группа (5 сосудов):

Тип 1 (4 сосуда):

- 1. Венчик сосуда плоский, орнаментирован косыми отпечатками зубчатого штампа. С внешней стороны под венчиком располагается небольшой валик, поверх которого нанесена орнаментация в виде рядов наклонных вдавлений овальной формы. Под валиком располагается два ряда канелюр, в одном ряду которых круглые глубокие ямки. Шейка орнаментирована рядами наклонных вдавлений овальной формы. Завершается орнаментальная зона в районе плечика сосуда рядом зигзагообразных оттисков зубчатого штампа. На оборотной стороне фрагмента имеются «жемчужины» от ямок (рис. 4, 1).
- 2. Венчик сосуда уплощенный, орнаментирован косыми отпечатками парного зубчатого штампа. С внешней стороны под венчиком нанесена орнаментация в виде рядов наклонных вдавлений овальной формы, под ними располагается два ряда канелюр, поверх одного из них нанесен ряд круглых глубоких ямок. Шейка слабо выражена и орнаментирована рядами наклонных вдавлений овальной

формы. На оборотной стороне фрагмента имеются «жемчужины» от ямок (рис. 4, 2).

- 3. Венчик сосуда уплощен, слегка выгнут наружу, орнаментирован косыми отпечат-ками зубчатого штампа. С внешней стороны сосуда под венчиком нанесена орнаментация в виде рядов наклонных вдавлений овальной формы, под ними располагается канелюр, поверх которого нанесен ряд круглых глубоких ямок. Шейка слабо выражена и орнаментирована рядами наклонных вдавлений овальной формы (рис. 4, 3).
- 4. Венчик сосуда приострен и орнаментирован вдавлениями, имеется наплыв на внутренней стороне сосуда. С внешней стороны под венчиком располагается валик, поверх которого нанесена орнаментация в виде рядов вертикальных насечек (вдавлений). Под валиком располагается канелюр, поверх которого нанесен ряд круглых глубоких ямок. На внутренней стороне фрагмента «жемчужины» ямок (рис. 4, 4).

Тип 2 (1 сосуд): 1. Венчик сосуда уплощен и скошен внутрь, орнаментирован косыми отпечатками зигзагообразного штампа. С внешней стороны под венчиком нанесена орнаментация в виде сочетания рядов наклонных вдавлений вытянутой овальной формы и рядами отпечатков чекана подпрямоугольной формы (рис. 4, 5).

II группа (2 сосуда):

Тип 1 (1 сосуд): Венчик сосуда уплощен, орнаментирован косыми отпечатками зубчатого штампа. С внешней стороны нанесена орнаментация в виде ряда наклонных вдавлений овальной формы, под ним расположена линия зигзагообразных оттисков зубчатого штампа и ряд наклонных вдавлений овальной формы. Ниже – два ряда канелюр, поверх одного из них – ряд круглых глубоких ямок. Завершается орнаментальная зона в районе плечика сосуда рядом наклонных вдавлений овальной формы и рядом зигзагообразных оттисков зубчатого штампа. На внутренней стороне фрагмента имеются «жемчужины» от ямок (рис. 4, 6).

Тип 3 (1 экз.): Венчик сосуда прямой, орнаментирован косыми отпечатками зубчатого штампа. С внешней стороны под венчиком нанесена орнаментация в виде рядов шнура (рис. 4, 7).

Также в коллекции имеется фрагмент

глиняного изделия, которое предположительно является частью сосуда выполненного на гончарном круге, вероятная его датировка не ранее сер. II тыс. н.э. (рис. 5, 1).

Металлические изделия.

- формы, орнаментированная по краю и центру имитацией веревки. На оборотной стороне имеется перекладина для крепления к одежде (рис. 5, 2).
- 2. Нагрудная застёжка фибула (рис. 5,3). Дужка выполнена из овального в сечении дрота, уплощенного и закрученного на концах. Игла фибулы выступает за площадь дужки, выполнена из уплощённого дрота, к дужке прикреплена путем закручивания.
- 3. Бронзовая литая копоушка с рельефным орнаментом, в верхней части отлито крепление – «петля», нижний край (ножка) уплощён и имеет форму ложечки (рис. 5, 4).
- 4. Гребень, выполненный (вырезанный) из бронзовой пластины, орнаментирован тремя круглыми отверстиями и циркульным орнаментом с лицевой стороны (рис. 5, 5).

из фаянса голубого цвета (рис. 5, 6).

В ходе работ было установлено, что культурный слой на памятника сильно повреждён и переотложен в области прохождения лесной дороги и вследствие неоднократной вырубки и выкорчёвывания леса для установки знаков речной навигации.

Дальнейшее разрушения памятника не наблюдается - обнажение террасы в настоящее время задерновывается.

По найденным изделиям на памятнике выделяется два хронологических комплекса:

1. Первая половина – середина I тыс. н.э.,

к которому относятся фрагменты сосудов бичевницкого культурного типа, бронзовая умбоновидная бляшка, предположительно, бронзовая фибула и фаянсовая бусина.

2. Середина II тыс. – XVII в. н.э., который 1. Бронзовая бляшка умбоновидной представлен фрагментом глиняного сосуда, выполненного на гончарном круге, бронзовой копоушкой и бронзовым гребнем.

Литература

Василенко М.В. Полевая документация. Бичевник I, II, IV // Музей археологии и этнографии СыктГУ. Ф. 3. Д. 24. 1990 г.

Канивец В.И. Древние поселения Южно-Печорской равнины // Древние поселения на Печоре и Вычегде. Отчеты о работах 1963 г. в зоне затопления Усть-Войского и Усть-Куломского водохранилищ. Сыктывкар, 1965. С. 3–100. (МАЕСВ; Вып. III).

Мурыгин А.М. Памятники позднего железного века лесной и тундровой полосы Печорского Приуралья // Археология Республики Коми. М.: 1997. С. 478-560.

Никитин В.В., Никитина Т.Б. К истокам Также на памятнике найдена бусина марийского искусства: Научное издание. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 152 с.

> Туркина Т.Ю. Отчёт о разведочных работах в Вуктыльском районе Республики Коми в 2012 г. Сыктывкар, 2013. 74 с.

> Чернов Г.А. Новые археологические находки в Печорском бассейне // КСИИМК. Вып. 64. 1956.

> Чудова Т.И. Каталог археологических коллекций музея археологии и этнографии СыктГУ. Сыктывкар, 1996.

> Aspelin J.R. Antiquites du Nord Finno-Ougrien. II. Helsinki, 1877.

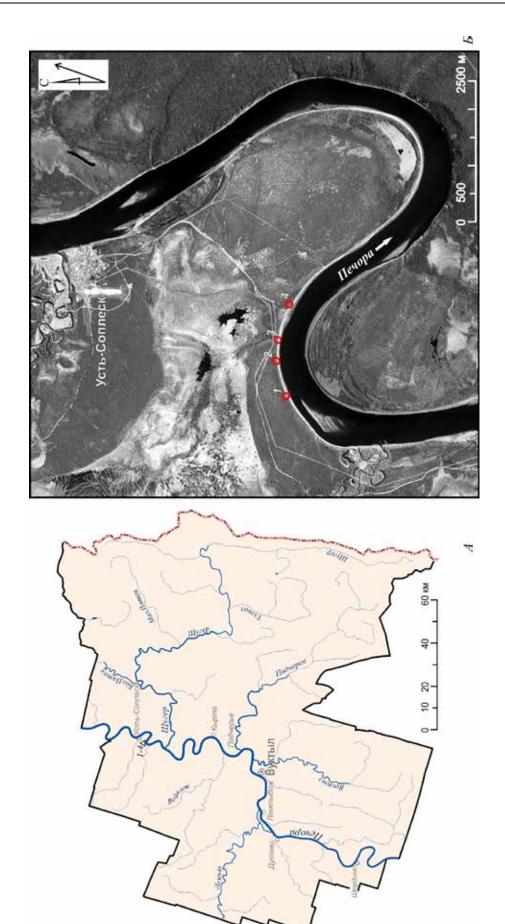

Рис. 1. Местоположение памятников: 1 — поселения Бичевник I, II; 2 — поселения Бичевник IV-V; 3 — поселение Бичевник III; 4 – местонахождение Бичевник VI на карте Вуктыльского района Республики Коми (A) и спутниковом снимке (Б)

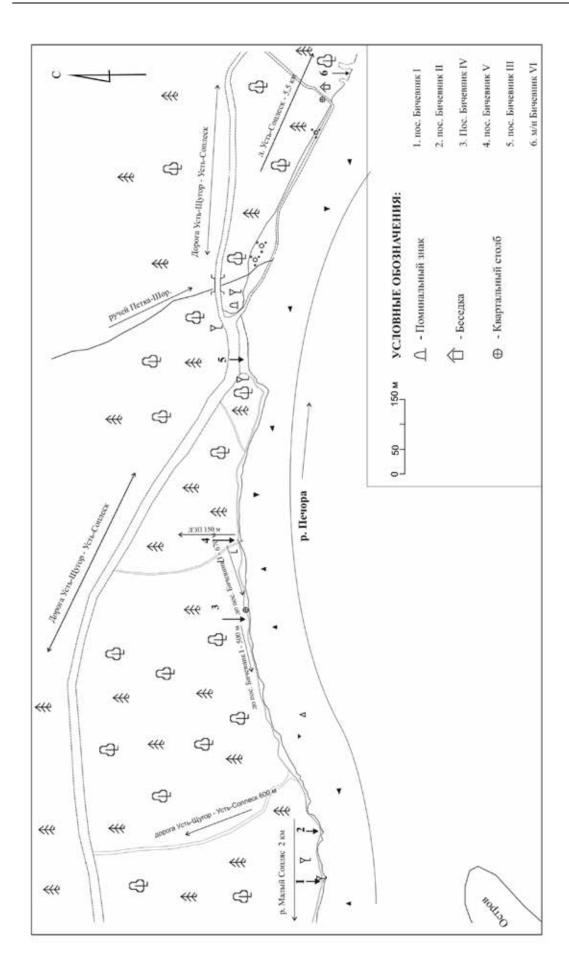

Рис 2 . План-схема расположения памятников Бичевницкого археологического микрорайона (И.О. Васкул, Т.Ю. Туркина, А.Л. Белицкая, Д.Э. Иванов. 2012 г.)

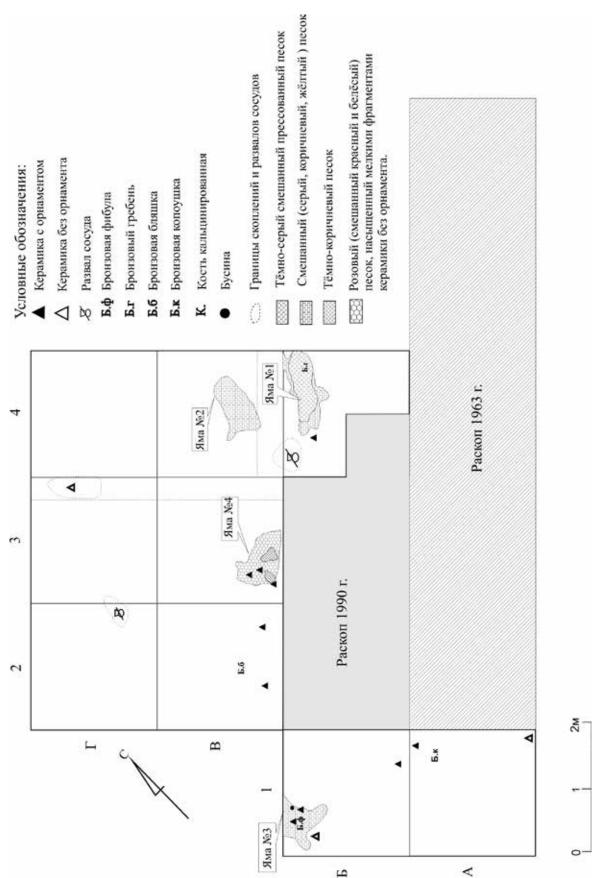

Рис. 3. Поселение Бичевник I. План раскопа с объектами и находками

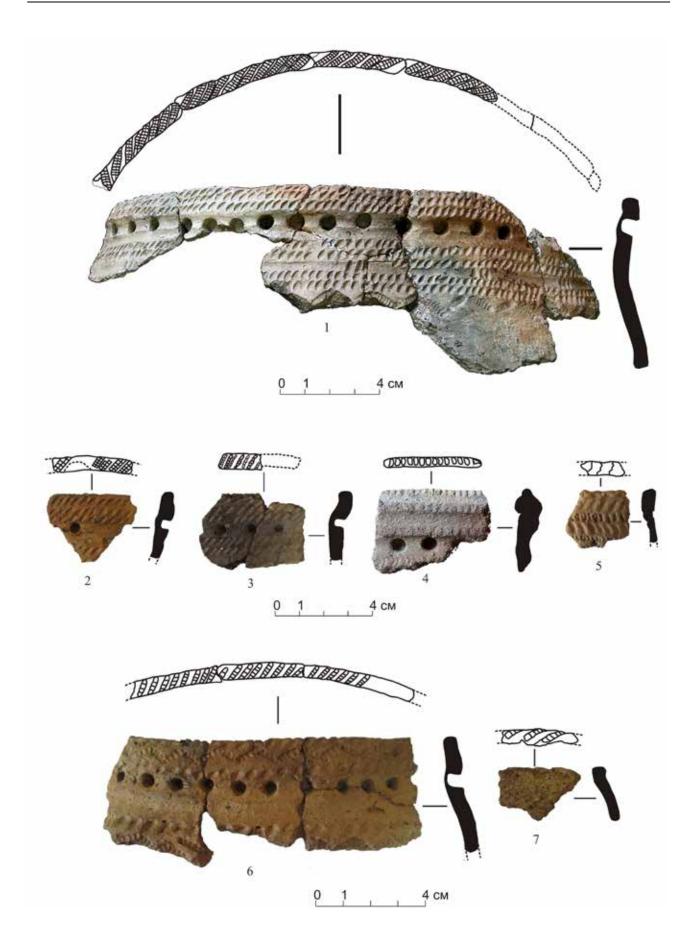

Рис 4. Поселение Бичевник I. Керамика. I Группа: 1-5. Группа II: 6-7

Рис. 5. Поселение Бичевник I. Украшения и предметы быта: 1 - фрагмент ручки глиняного сосуда; 2 - бляшка (бронза); 3 - фибула (бронза); 4 - копоушка (бронза); 5 - гребень (бронза); 6 - бусина (фаянс)

Э.А. Савельева

кичилькосьский и могильник

Вводятся в научный оборот материалы раскопок Кичилькосьского II могильника, расположенного в верховьях р. Вымь. Памятник датирован второй половиной XIII в. Специфические особенности погребального обряда и вещевого инвентаря позволяют высказать предположение о его принадлежности небольшой группе пришлого населения, культура которого близка прибалтийско-финской.

Ключевые слова: бассейн р. Вымь, Республика Коми, эпоха средневековья, могильник, обряд погребения, вещевой инвентарь, вымская культура, древнерусская колонизация, прибалтийско-финские племена.

E.A. Savelyeva

KICHILKOSS II BURIAL GROUND

Materials of excavations of Kichilkoss II burial ground located in the upper reaches of the Vym river are introduced in the scientific turnover. The site is dated by the second half of XIII century. Specific features of a funeral ceremony and ware stock allow to make the assumption on its belonging to a small group of the newly come population which culture is close to the Baltic-Finnish one.

Keywords: Vym river basin, Komi republic, the Middle Ages, burial ground, burial rites, items inventory, Vym' archaeological culture, Old Russian colonization, Baltic-Finnish tribes.

Северодвинской археологической экспедицией Сыктывкарского государственного университета под руководством Э.А. Савельевой в 1979 г. Он расположен напротив порога Кичилькось, в 13 км северо-восточнее д. Ёвдино Княжпогостского района Республики Коми, на II надпойменной боровой террасе, в 200 м от реки (рис. 1). В отличие от расположенного в 360 м к югу Кичилькосьского I, а также других некрополей вымской культуры погребения на Кичилькосьском II могильнике практически не заметны на поверхности и расположены на значительном расстоянии друг от друга. На могильнике были проведены рекогносцировочные раскопки, разбито шесть небольших шурфов, на которых выявлено шесть погребений и одна яма неясного назначения.

Шурф № 1 площадью 20 кв.м находится в северо-восточной части могильника и включает погребения № 1 и № 2, шурф № 2 площадью 6 кв. м. – в 12 м к западу от шурфа № 1 – погребение № 3, шурф № 3 площадью 8 кв. м – в 17 м к югу от шурфа № 1 – погребение № 4, шурф № 4 площадью 6 кв.м – в юго-восточной части могильника в 26 м к юго-юго-востоку от шурфа № 3 – погребение № 5, шурф № 5 площадью 9 кв. м – в западной части памятника в 65 м к юго-западу от шурфа № 2 – погребение № 6, шурф № 6 площадью 6 кв. м

Кичилькосьский II могильник открыт 100 м к западу от шурфа № 4 – яма неясного назначения (рис. 1).

Погребение № 1

Могильная яма подпрямоугольной с закругленными углами формы длиной 230, шириной 86, глубиной 47 см, стенки пологие, дно закругленное, ориентирована с ССЗ на ЮЮВ. В засыпи под мхом в центре ямы, на месте ее провала - углистая прослойка мощностью до 9 см, под ней – прослойка белесого с угольками песка (3 см), ниже – желтый смешанный песок, составляющий основное заполнение ямы, в котором встречаются крупные угли, на дне - тонкая прослойка глины (1 см). В северной части погребения у западной стенки выявлено углистое пятно диаметром 15 см с кальцинированными костями (рис. 2).

Вещевой инвентарь залегает преимущественно на одном уровне, у дна. В северной части ямы - железное поясное кольцо (рис. 3, 12), к северо-западу от него – две синие зонные бусы из глухого стекла (рис. 3, 2), небольшая зонная голубая бусина, две спиралевидные пронизки (рис. 3, 1,5) и четыре бронзовые конусовидные пронизки, украшенные «шашечками» и косыми насечками (рис. 3, 3, 11), из них две соединены вместе (рис. 3,11). У западной стенки – спиралевидная пронизка, бронзовый грушевидный бубенчик с широкой прорезью, украшенный под ушком "шашечками" и гладкой полоской меди над прорезью (рис. 3, 9), - в южной части могильника на расстоянии и медная шаровидная пуговица с ушком

ВЫПУСК ХІХ 2015

(рис. 3, 8). В центральной части ямы лежали бронзовые украшения: крупная Ф-видная пронизка с одним вздутием, украшенная по краям и в центре напаянными полосками меди с насечками, с двумя грушевидными бубенчиками в ушках (рис. 3, 13), цилиндрическая Ф-видная пронизка с напаянными волютами (рис. 3, 10) и бронзовая цилиндрическая бусина, орнаментированная спиральновитым узором (рис. 3, 6). В южной части ямы, у западной стенки залегали железное овальное кресало (рис. 3, 14), к югу от него, у стенки, в вертикальном положении - «заплатка» с заклепками от медного котелка. В разных частях погребения встречаются обломки железных предметов неопределенной формы.

Способ погребения – не ясен. Расположение предметов погребального инвентаря на дне ямы характерно для погребений с ингумацией. С другой стороны, в погребении найдена небольшая кучка кальцинированных костей.

Определение половой принадлежности погребенных, в связи с отсутствием антропологического материала, возможно по инвентарю. Мужские погребения сопровождаются предметами вооружения, соответствующим «мужским» набором инвентаря, женские – украшениями, предметами бытового инвентаря (ножами, кресалами).

Судя по инвентарю погребения № 1, в котором представлены украшения и кресало, погребение является женским.

К северу от погребения зафиксировано небольшое округлое кострищное пятно. У западной стенки за пределами погребения – еще одно кострищное пятно, в котором рядом с углями найдены обломки железных предметов и бронзовый овальнощитковый перстень (не сохранился).

Погребение № 2 (рис. 4)

Могильная яма прямоугольной с закругленными углами в плане формы, с продольными стенками, резко суживающимся ко дну, имеет длину 200, ширину 79, глубину 34 см, ориентирована с ССЗ на ЮЮВ. В засыпи ямы под мхом (9 см) – углистая прослойка, в центре ямы достигающая мощности 10 см, которой в плане соответствует углистое пятно в северной части погребения длиной 118, шириной 65 см. Под углистой прослойкой – по дну и стенкам ямы смешанный с угольками

желтый песок.

Предметы погребального инвентаря расположены вокруг углистой прослойки. У восточной стенки в северном конце погребения найдена бронзовая Ф-овидная пронизка с одним вздутием, орнаментированная по краям и центре поясками с насечками (рис. 6A, 2), напротив – у западной стенки – медная спиралевидная пронизка (рис. 6A, 1), к югу от нее – у западной стенки – обломок бронзовой конусовидной шумящей подвески, украшенной гладкими поясками, снабженной двумя кольцами, в одном из которых сохранилось звено восьмеркообразной цепочки (рис. 6A, 3), к югу от нее – за пределами углистого пятна – обломок бронзового бубенчика (рис. 3, 4).

Способ погребения – ингумация. Судя по набору украшений, погребение может быть определено как женское.

Погребение № 3 (рис. 5)

Контуры ямы на поверхности не прослеживаются и определены по цвету мха – зеленому на фоне белого ягеля. Могильная яма прямоугольной с закругленными углами в плане и чашевидной в профиле формы длиной 154, шириной 77, глубиной 18 см, ориентирована с севера на юг. Заполнение ямы составляет слабо окрашенный углями желтый песок, в котором сохранились кальцинированные кости. Наибольшая их концентрация наблюдается в северном конце ямы, в пределах углистого пятна и рядом с ним, где сосредоточены и предметы погребального инвентаря, расположенные компактно. У восточного края пятна лежали две полые одноглавые коньковые подвески, рядом - арочная шумящая подвеска с грушевидными бубенчиками на восьмеркообразных звеньях цепочки, место переплетения которых выполнено в виде розетки (рис. 6, Ба), аналогичная шумящая подвеска лежала за пределами углистого пятна к югу от предыдущих (рис. 6, Б21). К югу от полых зооморфных подвесок найдены: бронзовая Ф-овидная цилиндрическая пронизка, украшенная спиральновитыми волютами в центре, к ушкам которой на восьмеркообразной цепочке прикреплены грушевидные бубенчики (рис. 6, Б5); напротив, к востоку от нее -Ф-овидная пронизка с двумя вздутиями, к ушкам которой на однозвеньевой восьмеркообразной цепочке прикреплены бубенчики (сохранился один бубенчик) (рис. 6, Б6); две

Ф-овидные пронизки с двумя чуть заметными расширениями, к ушкам которых без цепочки прикреплены конусовидные привески (рис. 6, Б7); три цилиндрические пронизки, обвитые спиральновитыми рядами проволоки (рис. 6, Б13, Б17, Б18); две конусовидные пронизки, украшенные полосками меди с насечками (рис. 6, Б8-Б10); короткая цилиндрическая пронизка, орнаментированная пояском меди с насечками, видимо, обломок конусовидной пронизки (рис. 6, Б11); цилиндрическая бронзовая бусина, орнаментированная спиральновитыми напаянными волютами (рис. 6, Б12); литой трапециевидный цепедержатель (цеперазделитель) с шестью петлями с боковых сторон (рис. 6, 4), а также медная спиралевидная пронизка (рис. 6, Б19). К западу от этого скопления украшений в углистом пятне обнаружены два крупных грушевидных бубенчика, украшенные под ушком и над прорезью поясками меди с насечками (рис. 6, Б15, Б16), и грушевидный бубенчик вымского типа (рис. 6, Б14). В северо-западном углу ямы лежало звено цепочки от шумящей подвески (рис. 6, Б3), к югу от него, у западной стенки – крупный грушевидный бубенчик, украшенный поясками меди с насечками под ушком и над прорезью. У юго-западной стенки ямы лежали рабочий железный проушный топор (рис. 6, *Б20*) и обломки ножа.

Способ погребения, предположительно, кремация на стороне. Кальцинированные кости расположены в углистом пятне диаметром 30 см. В погребении найдено 23 украшения, а также цеперазделитель, 18 из которых залегали в углистом пятне в северо-восточном углу ямы. Исходя из большого количества женских украшений, можно предположить, что погребение женское. Однако в могилу положен топор – характерный атрибут мужских погребений. Возможно, погребение мужское, а скопление женских украшений представляет собой жертвенный комплекс, положенный в дар погребенному.

Погребение № 4 (рис. 7)

Могильная яма овальной формы длиной 259, шириной 82, глубиной 50 см, стенки отвесные, закругляющиеся ко дну, дно плоское, ровное, ориентирована с С на Ю. Заполнение ямы составляет белесый смешанный песок, подстилаемый по дну желтым смешанным песком. В центре ямы – углистое пятно можены на трубчатой кости) две арочные

округлой формы диаметром 28 х 32 см. В северо-восточном углу ямы - скопление кальцинированных костей и углей, среди которых найдены серебряная бочонковидная бусина, орнаментированная сканью, вероятно, от височного кольца (рис. 8, 5), к северо-востоку от нее – двушипный наконечник стрелы (один шип обломан) (рис. 6, 4), а также обломки железных предметов неопределенной формы. У восточной стенки, к югу от углистого пятна, лежало маленькое железное тесло с несомкнутой овальной втулкой и слегка расширенным лезвием (рис. 6, 2), к югу от него – втульчатый железный наконечник копья с ланцетовидным пером (рис. 6, 1). У южной стенки ямы найдено скопление железных предметов: три двушипных наконечника стрелы (рис. 6, 3, 9, 10), стамеска (рис. 6, 8), обломок остроги (рис. 6, 7), боевой нож (рис. 6, 6), а также обломки железных предметов.

Способ погребения – трупосожжение на стороне. Погребение мужское. Предметы вооружения, в том числе втульчатый наконечник копья, боевой нож, указывают на высокий социальный статус погребенного.

Погребение № 5 (рис. 9)

Могильная яма прямоугольной с закругленными углами формы длиной 202, шириной 68, глубиной 34 см, стенки пологие, дно плоское, ровное, ориентирована с С на Ю. Под мхом - углистая прослойка в центре ямы, на месте ее провала (8 см), основное заполнение составляет смешанный с угольками песок. В центральной и южной частях погребения сохранились две трубчатые кости, в северном конце - зубы. Рядом с предполагаемым местом черепа с обеих сторон найдены два бронзовых круглопроволочных бусинных височных кольца с тремя полыми бусинами, тиснеными из двух половинок, с рельефным валиком по месту их соединения (рис. 10, 5), слева - три бронзовые круглые косорешетчатые подвески (рис. 10, 6, 7), в ушке одной из них - обломок спиралевидной пронизки. Чуть южнее, в области груди, найдены еще четыре косорешетчатые подвески, две из них с обломками спиралевидных пронизок, чуть ниже - бронзовый грушевидный бубенчик с длинным ушком (рис. 10, 9). В области пояса найдено круглое железное кольцо (рис. 10, 8), к которому были прикреплены (они распо-

бронзовые шумящие подвески с грушевидными привесками, аналогичные найденным в погребении № 3 (рис. 10, 1). Под одной подвеской сохранились мех и фрагмент кожаного изделия со швом, под ней - многосоставная пронизка из бронзовых украшений, нанизанных на кожаный шнур: Ф-овидная пронизка с двумя вздутиями; трубчатая пронизка с одним прорезным вздутием, украшенная по краям «шашечками»; пронизка с двумя прорезными вздутиями; три выпукло-вогнутые накладки удлиненной овальной формы, использованные в качестве привесок; гладкая цилиндрическая пронизка; трубчатач подвеска с утолщениями; плоская утиная лапка на цепочке из однозвеньевых колец; массивный шаровидный бубенчик с коническим верхом и уплощенной нижней частью с поперечным валиком на месте литейного шва; плоская коньковая подвеска с ушком («конь на змее») (рис. 10, 10, 11). Вдоль восточной стенки в южной части могилы лежали четыре бронзовых грушевидных бубенчика. У южной стенки в ногах погребенной лежало двулезвийное железное кресало в форме укороченного овала с внутреннм выемом с четырьмя прорезными отверстиями (рис. 10, 12).

Способ погребения – трупоположение. Погребение женское.

Погребение № 6 (рис. 11)

Могильная яма прямоугольной с закругленными углами формы, стенки пологие, закругляющиеся ко дну, дно плоское, ровное, длиной 215, шириной 72, глубиной 32 см, ориентирована с ССЗ на ЮЮВ. В засыпи под мхом в центре ямы - тонкая линза углистой прослойки, ниже – слабо окрашенный углями белесый песок (14 см), под ним – желтый смешанный песок.

Погребальный инвентарь представлен двумя обломками неопределимых железных изделий. За пределами погребения, у юго-западного угла ямы выявлено круглое пятно прокаленного песка диаметром 33 см.

Способ погребения, предположительно, трупоположение.

Яма № 1 (рис. 12)

На площади шурфа № 6 выявлена яма прямоугольной с закругленными углами формы длиной 235 см, шириной 120 см, глубиной 79 см, стенки слегка пологие, закругляющи-

отличается от погребальных значительно большей шириной и глубиной, а также заполнением. На дне ямы и вдоль западной стенки прослеживается красный прокаленный песок (7-15 см), над ним - кострищный слой (15-20 см), выше – прослойка желтого смешанного песка (10-15 см), над ней в центре ямы на месте провала - линзовидная прослойка углисто-зольного песка (15 см), впущенная в белесый песок (12 см) под мхом. В яме нет ни костей, ни предметов погребального инвентаря.

Назначение ямы не ясно. Возможно, она является ритуальной. Не исключено, что в ней проводилась кремация погребенных, однако кальцинированных костей в ней нет.

Для погребений характерны ямы длиной от 154 до 259 см, шириной от 68 до 86 см, глубиной от 34 до 50 см (табл. 1). Среди ям выделяются своими размерами погребения № 3 и № 4, для первого из которых характерны наименьшая длина (154 см) и глубина (18 см), для второго – наибольшая длина (259 см) и глубина (50 см) (табл. 1). Следует отметить, что погребение № 3 содержит богатый комплекс женских украшений, положенных, предположительно, в дар погребенному, в погребении № 4, как отмечалось выше, вероятно, похоронен мужчина с высоким социальным статусом.

Размеры могильных ям, в см

Таблица 1

№ погр.	Длина, см	Ширина, см	Глубина, см
1	230	86	47
2	200	79	34
3	154	77	18
4	259	82	50
5	202	68	34
6	215	72	32

Все погребения имеют меридиональную ориентировку: три ориентированы с С на Ю, три – с ССЗ на ЮЮВ. В двух погребениях захоронения совершены способом трупосожжения, в трех - трупоположения, в одном случае способ погребения не определен. При ингумации погребенные ориентированы головой на север. Обряд трупосожжения на могильнике отличается определенным своеобразием. Кальцинированные кости ссыпались в кучку, а вещи сопровождающего инвентаря располагались на дне, тогда как на могильниеся ко дну, ориентирована с СВ на ЮЗ. Она ках вымской культуры при обряде кремации

и кальцинированные кости, и погребальный инвентарь в абсолютном большинстве залегают беспорядочно, в засыпи. Рядом с погребением № 6 выявлено кострищное пятно, с погребением № 1 – также кострищное пятно, рядом с которым лежал бронзовый овальнощитковый перстень.

За исключением одного (пог. № 6), в котором лежали только обломки неопределимых железных предметов, все погребения содержат выразительный инвентарь, большинство которого составляют украшения. Выделяется погребение № 4, в котором лежала только одна серебряная бусина от височного кольца, а основной инвентарь составляли предметы вооружения и орудия труда (втульчатый наконечник копья, четыре наконечника стрелы, стамеска, тесло, обломок остроги, боевой нож). Во всех погребениях предметы вооружения, орудия труда располагаются в южной части или у южной стенки могильной ямы, украшения - в центре или в ее северной части, в погребениях с трупоположением украшения - так, как носились в жизни. Исключение составляет погребение № 3, в котором украшения залегают компактно и, предположительно, представляют собой дар погребенному.

Пол погребенных при отсутствии антропологического материала, как отмечено выше, может быть определен только по составу сопровождающего инвентаря. К бесспорно мужским может быть отнесено погребение № 4, предположительно, погребение № 6, а также № 3, в которое был положен топор, к женским – погребения № 1, 2 и 5. Таким образом, из шести погребений три могут быть идентифицированы как мужские (пп. № 3, 4, 6), три – женские (пп. № 1, 2, 5).

Вещевой инвентарь

Орудия труда, оружие, предметы быта На Кичилькосьском II могильнике найдено 12 железных изделий (боевой нож, промысловый втульчатый наконечник копья, четыре двушипных наконечника стрелы, рабочий топор, обломок остроги, тесло, стамеска, два кресала) и одна медная шаровидная пуговица. Рабочий проушный топор с широким опущенным лезвием с выемкой с бородком внизу выема из погребения № 3 относится к переходному типу по Колчину (Колчин, 1959. С. 26, рис. 10, 3), промысловый

наконечник копья с ланцетовидным пером из погребения № 4 – к типу 1 по классификации А.Н. Кирпичникова (Кирпичников, 1966. С. 9), черешковые наконечники стрел с двушипным пером без упора из погребения № 4 – к типу 29 по А.Ф. Медведеву (Медведев, 1966. С. 82), острога из погребения № 4 – к типу 1 по Б.А. Колчину (Колчин, 1959. С. 64), кресала из погребений № 1и 5 двулезвийные в форме укороченного овала с внутренним выемом – к типу 3 по Б.А. Колчину (Колчин, 1959. С. 101, рис. 84, 10).

Из 12 железных предметов 10 были подвергнуты металлографическому анализу: нож, топор, тесло, стамеска, кресало, наконечник копья, три наконечника стрелы и острога (Бирюков, Завьялов, Савельева, 2006). Боевой нож из погребения № 4 изготовлен технологией вварки стального лезвия в железную основу, рабочий топор из погребения № 3 – методом вварки стального лезвия в железную основу с последующей закалкой и отпуском, стамеска из погребения № 4 - по технологии вварки в стальную основу. Втульчатое тесло из погребения № 4 изготовлено наваркой стального лезвия с последующей закалкой и отпуском. Основа тесла выполнена из пакетированной заготовки, сваренной из железа и сырцовой стали. Кресало из погребения № 5 выполнено путем торцовой наварки стальной пластины на ударную часть орудия (основа предмета откована из железа или сырцовой стали). Промысловый наконечник копья из погребения № 4 откован целиком из сырцовой стали. Два черешковых наконечника стрелы с двушипным пером без упора из погребения № 4 изготовлены путем простой ковки из железа (Завьялов, 1992. С. 173; Бирюков, Савельева, 2005. С. 119), один имел наварные шипы. Острога из погребения № 4 изготовлена из железа с применением локальной термохимической обработки (цементации).

Таким образом, на Кичилькосьском II могильнике зафиксированы различные технологии – простая ковка из железа (острога, два двушипных наконечника стрелы), целиком из сырцовой стали (промысловый наконечник копья), вварка (боевой нож, рабочий топор, стамеска), наварка (тесло, кресало, двушипный наконечник стрелы). Все эти технологии встречаются на памятниках вымской культуры. Характерной особенностью

ВЫПУСК ХІХ 2015

технологии изготовления кузнечных изделий Кичилькосьского II могильника является отсутствие трехслойного пакета. Технология вварки характерна для кузнечного производства местного населения. Изделия, изготовленные технологией наварки, связываются с древнерусской традицией (Бирюков, Завьялов, Савельева, 2006. С. 22). В частности, предположительно, один из двушипных наконечников стрел с наварными шипами из погребения № 4 мог быть изготовлен древнерусским кузнецом.

Украшения

Коллекция украшений насчитывает 69 экз. Головные представлены двумя бронзовыми круглопроволочными бусинными височными кольцами с тремя полыми разъемными бусами с валиком по месту их соединения, отлитые в двусторонней разъемной форме (пог. № 5). К нагрудным относятся бусы, спиралевидные пронизки, бронзовые бубенчики, конусовидные пронизки, косорешетчатые подвески. Бусы представлены тремя стеклянными (зонными синими и голубой) (пог. № 1) и двумя бронзовыми цилиндрическими, украшенными спиральновитым узором (пп. № 1, 3). Серебряная бочонковидная бусина из погребения № 4 от височного кольца расположена в области головы. Более многочисленны поясные украшения.

В женских погребениях (пп. № 1, 5) они свисали с пояса с круглым железным кольцом или цеперазделителем (пог. № 3). Это нанизанные на кожаный шнур бронзовые цилиндрические, бочонковидные с несколькими вздутиями, Ф-овидные пронизки, бронзовые цилиндрические бусы, конусовидные и спиралевидные пронизки, бубенчики, привески в виде птичьих лапок, к которым прикреплены полые или плоские зооморфные и арочные шумящие подвески.

Хронология

Для определения хронологии могильника наиболее выразительные комплексы вещей представлены в погребениях № 3 и 5. В погребении № 3 найдены две полые коньковые подвески, цилиндрическая Ф-овидная шумящая подвеска, окантованная по краям и в центре рельефными поясками, украшенная в центральной части спиральновитым завитком,

три Ф-овидные подвески с двумя шаровидными утолщениями, цилиндрическая бронзовая бусина, окантованная по краям горизонтальными, в центре спиральновитыми рельефными полосками меди, бронзовый цеперазделитель, две арочные шумящие подвески и железный топор (рис. 5). Коньковые подвески, отнесенные Е.А. Рябининым к серии 4 типа XX (Рябинин, 1981. Рис. 3; рис. 11, 4) представляют собой крупные одноголовые фигурки коня с вытянутой изогнутой шеей, закругленной мордой и кольчатой гривой, которой украшена и голова, и шея животного. Исследователь отмечает, что 60% изделий этой серии известно в Новгороде и его северозападных владениях, остальные - в бассейне рек Шексна, Сухона и Вага, в Финляндии, а также на Иньве в Прикамье и Лоемском могильнике на р. Луза (Рябинин, 1981. С. 41). К ним следует добавить находки аналогичных подвесок на Ыджыдъельском, Жигановском, Кокпомъягском могильниках (Савельева, 1972. Табл. 17, 10; 1987. Рис 37, 120 А, Б; С. 96, рис. 30, 3, 4, 5); 2010. С. 173, рис. 42; 2014. С. 98, рис. 19, 31). В Новгороде они появляются в конце XII в. (Седова, 1981. С. 31-32), Е.А. Рябинин датирует их XIII-XIV вв. (Рябинин, 1981. Рис. 3). На вымских могильниках они также входят в хронологическую группу вещей XIII-XIV вв. (Савельева, 1987. Рис. 37, 120 А, Б).

Бронзовые орнаментированные линдрические бусы на памятниках финноугорского населения Северо-Западной Руси, в частности, ижоры, бытовали в конце XII-XIII вв. (Рябинин, 1997. С. 68, рис. 20, с. 69), на памятниках корелы в Юго-Восточном и Северо-Западном Приладожье в XII-XIII вв. (Кочкуркина, 1982. С. 88, рис. 15). Эти бусы близки стилистически цилиндрическим Ф-овидным шумящим подвескам, украшенным напаянными волютами, характерным для средневековой корелы. Арочные шумящие подвески относятся к широко распространенным украшениям финно-угорского мира. На вымских могильниках они также входят в хронологическую группу вещей XIII-XIV вв. (Савельева, 1987. Рис. 37). К XIII в. относится железный топор с массивным обухом с небольшим выемом с бородком и нешироким симметричным лезвием (Колчин, 1959. С.27, рис. 10, 3). Таким образом, погребение

№ 3 может быть датировано второй половиной XIII в. Так же датируется погребение № 5. В нем найдены трехбусинные височные кольца, арочные шумящие подвески, косорешетчатые подвески, грушевидные бубенчики, бубенчик с коническим верхом и уплощенной нижней частью с поперечным валиком посредине, трубчатые пронизки с прорезными вздутиями, Ф-овидная пронизка, гладкие трубчатые пронизки, подвеска «конь на змее» и двулезвийное кресало с овальным выемом (рис. 10).

Круглопроволочные трехбусинные височные кольца в Новгороде встречаются в слоях от рубежа X-XI до середины XIV в., но наибольшее количество, по данным М.В. Седовой, приходится на XII-XIII вв. (Седова, 1981. С. 14). Косорешетчатые подвески относятся к широкораспространенным на памятниках Северной Руси украшениям, но, как отмечает М.В. Седова, наиболее характерны для северозападных районов (Новгородская, Псковская, Ленинградская области). В Новгороде они найдены в слоях последней четверти XII - середины XIV в. (Седова, 1981. С. 42). Шаровидные бубенчики с коническим верхом и уплощенной нижней частью в Новгороде встречены в слоях со второй половины XIII до конца XIV в. (Седова, 1981. С. 156). Хронологические рамки Ф-овидных и трубчатых пронизок с прорезными утолщениями определяются исследователями X-XIV вв. (Голубева, 1973. С. 34, рис. 4; Рябинин, 1997. С. 131). В Новгороде вертикальный игольник с двумя шаровидными прорезными утолщениями найден в слое середины XIII в. (Седова, 1981. С. 34), шумящие Ф-овидные подвески – в слоях последней четверти XIII - середины XIV в. (Седова, 1981. С. 34). Двулезвийные кресала с укороченным овалом с внутренним выемом появляются в середине XIII в. и бытуют на протяжении XIV-XV вв. (Колчин, 1959. С. 101). Несколько выделяется по хронологии подвеска «конь на змее», которая датируется исследователями XI-XII вв. (Голубева, 1973. С. 34, рис. 4; Рябинин, 1997. С. 127), однако на вымских могильниках эта подвеска входит в хронологическую группу вещей, датируемых XIII-XIV вв. (Савельева, 1987. Рис. 37, 127). На основе этих аналогий погребение № 5 также может быть датировано второй поло-

погребение № 1, в котором найдены двулезвийное кресало, Ф-овидные трубчатые и конусовидные пронизки, грушевидный бубенчик, стеклянные зонные бусы, датируемые XII–XIII вв. (Щапова, 1956. С. 166–169), а также погребение № 2, в котором лежали обломок конусовидной шумящей подвески, Ф-овидная и спиралевидная пронизки. Конусовидные шумящие подвески также относятся к одним из популярных украшений финно-угров и датируются XII-XIII вв. Одним из косвенных хронологических показателей являются технологии изготовления кузнечных изделий. Обращает на себя внимание факт отсутствия предметов, изготовленных технологией трехслойного пакета, которая, вероятно, уже не использовалась во второй половине XIII в. Технология вварки получает широкое распространение в конце XII-XIII вв. (Бирюков, Завьялов, Савельева, 2006. С. 26). В целом могильник может быть датирован второй половиной XIII в.

Этнокультурная принадлежность

Принципиально важным является определение этнокультурной (культурной) принадлежности могильника. Как отмечалось выше, Кичилькосьский II могильник расположен в 360 м к югу от Кичилькосьского I могильника и насчитывает всего шесть погребений, тогда как Кичилькосьский I – 217. Кичилькосьский II могильник отличается от Кичилькосьского I не только количеством погребений. Его своеобразие проявляется, в частности, в топографии могильных ям. На Кичилькосьском II могильнике, в отличие от Кичилькосьского I, погребения отделены между собой значительным интервалом, мало заметны на поверхности и имеют неглубокие провалы. В них отсутствуют остатки берестяных покрытий, характерных для погребений вымской культуры, а также какие-либо дощатые сооружения. Заполнение могильных ям как в погребениях с трупоположением, так и трупосожжением составляет однородный с угольками белесый или желтый песок, тогда как в погребениях с трупосожжением на могильниках вымской культуры – насыщенный углями и золой смешанный песок. В погребениях с трупосожжением на Кичилькосьском II могильнике вещи залегают на дне, а не в засывиной XIII в. К этому же времени относятся пи ямы, как на других могильниках вымской

культуры, кальцинированные кости – кучкой, а не беспорядочно в засыпи погребения, как на могильникх вымской культуры.

Есть отличия и в вещевом инвентаре. В погребениях Кичилькосьского II могильника отсутствует керамика, абсолютное большинство украшений находит аналогии в древностях соседних финно-угорских племен, входящих в орбиту политического и культурного влияния Новгорода. Полые зооморфные (одноголовые коньковые) подвески (тип XX, серия 4 по Е.А. Рябинину) имеют новгородское происхождение (Рябинин, 1981. С. 39), однако получили широкое распространение на территориях с финно-угорским населением на памятниках веси Белозерья, бассейнов рек Шексны и Суды, чуди заволочской в Северном Подвинье, Костромском Поволжье. С этим же миром связаны бронзовые косорешетчатые подвески, грушевидные бубенчики с коническим верхом и уплощенной нижней частью, с рельефным валиком на месте литейного шва (Седова, 1981. С. 42, 156).

Ф-овидные пронизки, цилиндрические и трубчатые со вздутиями, как гладкими, так и прорезными (игольники) известны в финноугорских древностях Северо-Западной Руси (памятники древней корелы) (Кочкуркина, 1982. С. 110, рис. 23), ижоры (Рябинин, 1997, С. 68, рис. 20), заволочской чуди (Рябинин, 1997, С. 129, рис. 36), Костромского Поволжья (Рябинин, 1986, С. 137, табл. VI), Белозерье (Голубева, 1973. С. 42, рис. 5). Как отмечает А.И. Сакса, пронизки Ф-образной формы являлись неотъемлемой частью карельского (как и в целом прибалтийско-финского) женского праздничного убора (Сакса, 2010. С. 120).

Бронзовый цеперазделитель (или цепедержатель) из пог. № 3 также находит аналогии в прибалтийско-финских древностях, в частности, веси (Голубева, 1973. С. 34, рис. 4, 1), корелы (Кочкуркина, 1981. С. 44, табл. 4,4). Они зафиксированы и в курганах Ленинградской области, на территории земгалов, ливов и эстов, в Костромсих и Ивановских курганах (Голубева, 1973. С. 37, 38). По мнению А.И. Саксы, они, наряду с Ф-овидными пронизками, также являются одной их характерных особенностей женского прибалтийско-финского костюма (Сакса, 2010. С. 121). Представленные на Кичилькосьском II мо-

кольца с тремя полыми разъемными бусами использовались в костюме финно-угорского населения Костромского Поволжья и води (Рябинин, 1986. С. 58, 130, табл. 1–4; 2001. Табл. XXIX). По мнению М.В. Седовой, в древнерусских памятниках, в том числе Новгороде, они встречаются редко, за исключением курганов Ростово-Суздальской земли (Седова, 1981. C. 13).

Единственной на памятниках вымской культуры находкой, представленной в погребении № 5 Кичилькосьского II могильника, является пластинчатое изображение одноголового коня, относимое Е.А. Рябининым к XI типу, варианту 2 III группы зооморфных подвесок, известных в литературе как «конь на змее». По признанному мнению исследователей, их прототипами являлись подвески с изображением всадницы на коне, появившиеся ранее всего в Прикамье. Однако представленный на Кичилькосьском II могильнике вариант этих подвесок получил широкое распространение за пределами Прикамья, в частности, в бассейне Чепцы, Приладожье и Прионежье, на памятниках заволочской чуди в бассейне Северной Двины (Рябинин, 1981. С. 26-27; 1997. С. 127). Но стилистически кичилькосьский амулет наиболее близок белозерским, которые Л.А. Голубева относит к характерным украшениям веси (Голубева, 1973. С. 34, рис. 4). Конусовидная шумящая подвеска из погребения № 2 Кичилькосьского II могильника находит широкие аналогии: в костромских курганах (Рябинин, 1986. С. 137, табл. VI; 1997. С. 191, рис. 51), на памятниках веси Ладожско-Онежского Межозерья и Белозерья (Голубева, 1973. С. 34, рис. 4; Рябинин, 1997. С. 94, рис. 27), древностях заволочской чуди (Рябинин, 1997. С. 129, рис. 36; С. 136, рис. 38).

Бронзовые цилиндрические бусы – пронизки с напаянными волютами из пп. № 1 и 3 Кичилькосьского II могильника относятся к числу излюбленных украшений средневековой корелы (Кочкуркина, 1982. С. 88, рис. 15; Сакса, 2010. С. 351), встречаются на памятниках средневековой ижоры (Рябинин, 1997. С. 68, рис. 20). Представляет интерес тот факт, что на Кичилькосьском II могильнике в погребении № 3 бронзовая бусина нанизана на кожаный шнур с Ф-овидной пронизкой, гильнике бронзовые бусинные височные как на памятниках древней корелы, где они

носились не на шее, а также нанизывались на кожаный или шерстяной шнур, соединявший Ф-образную пронизку или фибулу (Кочкуркина, 1982. С. 89). Арочные шумящие подвески относятся к числу традиционных прикамских украшений, однако в эпоху средневековья имели широкое распространение у финно-угорского населения как Европы, так и Зауралья. Таким образом, абсолютное большинство украшений связано своим происхождением с прибалтийско-финским культурным кругом и значительно меньше с финским населением Костромского Поволжья.

Важным этномаркирующим показателем, как известно, является женский костюм. В этом плане интересны погребения № 3 и 5. В пог. № 5 голову женщины с обеих сторон украшали бронзовые трехбусинные височные кольца. Справа от виска лежали три бронзовые косорешетчатые подвески и спиралевидная пронизка. Еще четыре косорешетчатые подвески и грушевидный бубенчик располагались ниже в центре могильной ямы. Они могли составлять ожерелье (нижние косорешетчатые подвески могли быть сдвинуты с места). На поясе было железное кольцо, ниже которого лежали две арочные шумящие подвески. Наиболее вероятно, что они входили в состав поясного украшения. Ниже арочных подвесок найдена сложная многочастная подвеска, которая служила поясным украшением и была прикреплена к железному поясному кольцу. Она состоит из нанизанных на кожаный шнур трех трубчатых с прорезными утолщениями пронизок, Ф-овидной трубчатой, трех овальных пластинчатых выпукло-вогнутых накладок, цилиндрической гладкой и трубчатой с небольшими утощениями пронизок, между которыми расположены грушевидный бубенчик с коническим верхом и уплощенной нижней частью и плоская лапчатая привеска на однозвеньевой цепочке. Завершается многочастное поясное украшение пластинчатой коньковой подвеской («конь на змее»). Расположенные в ряд вдоль восточной стенки грушевидные бубенчики, вероятно, также были прикреплены к поясу (рис. 9, II).

Костюм женщины из погребения № 3 украшали полые коньковые подвески, арочшумящие, Ф-овидные цилиндрические, украшенные спирально-витым узос прикрепленными к ушкам бубенчиками, цеперазделитель, бронзовая цилиндрическая бусина со спирально-витым узором. Аналогии им приведены выше. Часть их имеет древнерусское, часть - финно-угорское происхождение, однако древнерусские украшения (косорешетчатые подвески, бубенчики с коническим верхом и уплощенной нижней частью) имели широкое распространение и в финно-угорских древностях Северо-Западной Руси, а также бассейна Северной Двины, Костромского Поволжья.

Как отмечено выше, могильник относится ко второй половине XIII в., когда на Выми уже существовали древнерусские поселения. Однако древнерусская принадлежность памятника исключается. Он оставлен языческой финно-угорской группой населения, о чем свидетельствуют и обряд погребения, и набор украшений женского костюма. Мало вероятна его принадлежность местному населению пермянам вычегодским, предкам коми-зырян. На это указывают различия в погребальном обряде, наборе украшений женского костюма. Косвенным свидетельством этого факта является расположение Кичилькосьского II могильника в стороне от Кичилькосьского I, на котором и в XIII в. местное население продолжало хоронить умерших. Наиболее вероятно предположение об этнокультурных различиях между двумя группами населения, оставившими эти могильники. Как отмечалось выше, весь комплекс украшений Кичилькосьского II могильника находит аналогии в древностях прибалтийских финнов - веси, корелы, води, ижоры, заволочской чуди, однако сопоставить его с каким-либо конкретным этносом не представляется возможным. Возможно, группа населения, оставившая Кичилькосьский II могильник, попала в верховья Выми вместе с новгородским колонизационным потоком, состав населения которого, по признанному мнению исследователей, был неоднороден. Наиболее вероятно, что Кичилькосьский II могильник оставлен небольшой пришлой, возможно, смешанной прибалтийско-финской группой населения.

Сделанные выводы носят предварительный характер. Не исключено, что могильник исследован не полностью, и исчерпывающие раскопки этого своеобразром и трубчатые со вздутиями пронизки ного памятника позволят скорректировать

памятника*.

Литература

Бирюков А.В., Завьялов В.И., Савельева Э.А. Технология кузнечного производства эпохи средневековья на Европейском Северо-Востоке. Сыктывкар, 2006. 78 с. (Науч. докл. / Коми НЦ УрО РАН; Вып. 484).

Бирюков А.В., Савельева Э.А. Технология изготовления кузнечных изделий Кичилькосьского могильника // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 2005. С. 91–112. (МАЕСВ; Вып. 17).

Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере Х-ХІІІ вв. М., 1973. 212 с.

Завьялов В.И. Железообработка Перми вычегодской по материалам вымских могильников // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1992. C. 168–176.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв. М.; Л., 1966. 183 с. ник. Сыктывкар, 2014. 119 с. (САИ; Вып. Е 1–36).

Колчин Б.А. Железообрабатывающее Великого // Труды ремесло Новгорода Новгородской экспедиции. М., 1959. С. 7–120 (МИА. Т. 2. № 65)

Кочкуркина С.И. Древняя корела. Л., 1982. 216 с. *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие. М., 1966. (САИ; Вып. Е 1–36).

Рябинин Е.А. украшения Зооморфные * Автор выражает благодарность студенткам факультета искусств СыктГУ им. П. Сорокина Е.А. Альбрант и Д.В. Козловой за рисунки вещей.

вывод об этнокультурной принадлежности Древней Руси X-XIV вв. Л.: Наука, 1981. 123 с. (САИ; Вып. Е 1-60).

> Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986. 160 с.

> Рябинин Е.А. Финно-угорские в составе Древней Руси (К истории славянофинских этнокультурных связей). СПб.: Издво Санкт-Петербургского ун-та, 1997. 260 с.

> Рябинин Е.А. Водская земля Великого Новгорода. СПб., 2001. 260 с.

> Савельева Э.А. Лузская пермца. Сыктывкар, 1972. 46 с. (Науч. докл. / Коми филиал АН СССР; Вып 2).

> Савельева Э.А. Вымские могильники XI-XIV вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 200 с.

> Савельева Э.А. Лоемский могиль-Этнокультурная принадлежность ник. Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железа и средневековья в Северном Приуралье. Сыктывкар, 1994. С. 92-138. (МАЕСВ; Вып. 13).

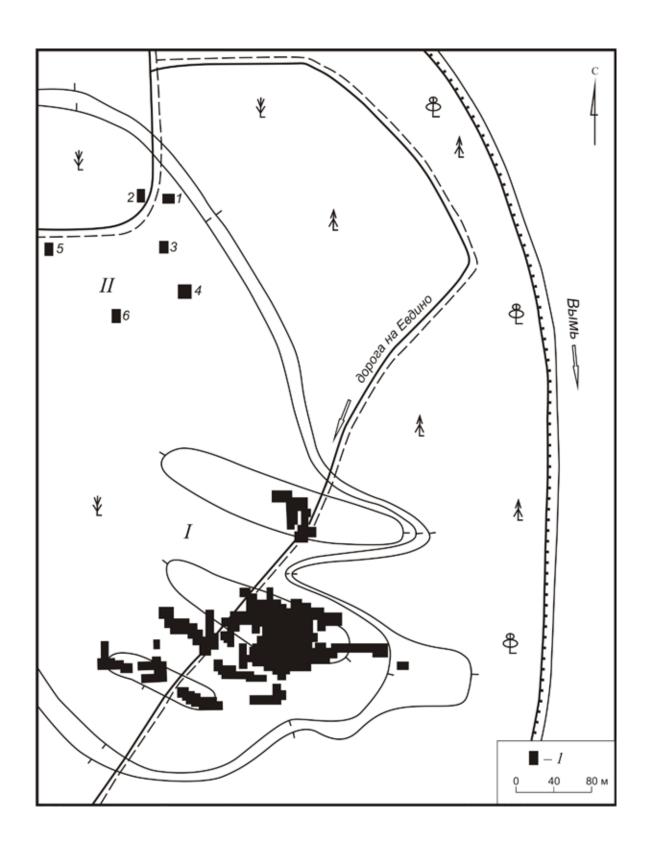
> Савельева Э.А. Жигановский могильник. Сыктывкар, 2010. 454 с.

> Савельева Э.А. Ыджыдъельский могиль-

Сакса А.И. Древняя Карелия в конце I начале II тысячелетия н.э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.: «Нестор-История», 2010. 398 c.

Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X-XV вв.). М.: Наука 1981. 195 с.

Щапова Ю.Л. Стеклянные бусы Древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. І. С. 167. (МИА; Вып. 55).

BUIIVCK XIX 2015

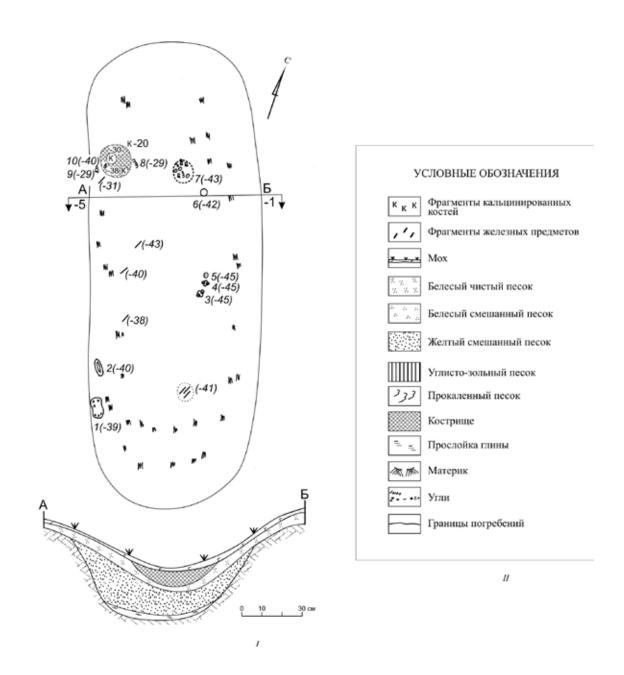

Рис. 2. I – План и стратиграфия погребения № 1.

- 1 фрагмент медного котелка; 2 кресало, 3,4 Ф-овидные пронизки; 5 бронзовая бусина; 6 поясное кольцо;
- 7 скопление украшений (стеклянные бусины, спиралевидные и конусовидные пронизки); 8 спиралевидная пронизка); 10 грушевидные бубенчики.

II – Условные обозначения к планам и стратиграфий погребений

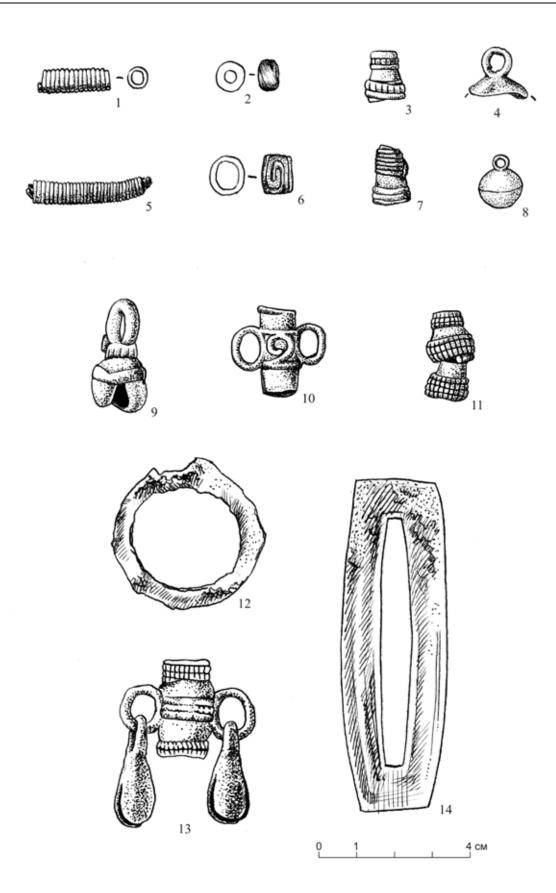

Рис. 3. 1–3, 5–14 – вещевой инвентарь погребения № 1; 4 – погребения №2. 1, 3, 4, 5–11, 13 – бронза; 2 – стекло; 12, 14 – железо

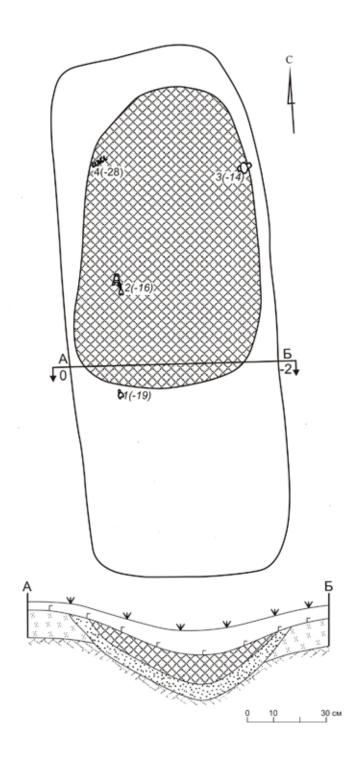

Рис. 4. План и стратиграфия погребения № 2. 1 – обломок грушевидного бубенчика; 2 – шумящая конусовидная подвеска; 3 – обломок Ф-овидной пронизки; 4 – спиралевидная пронизка

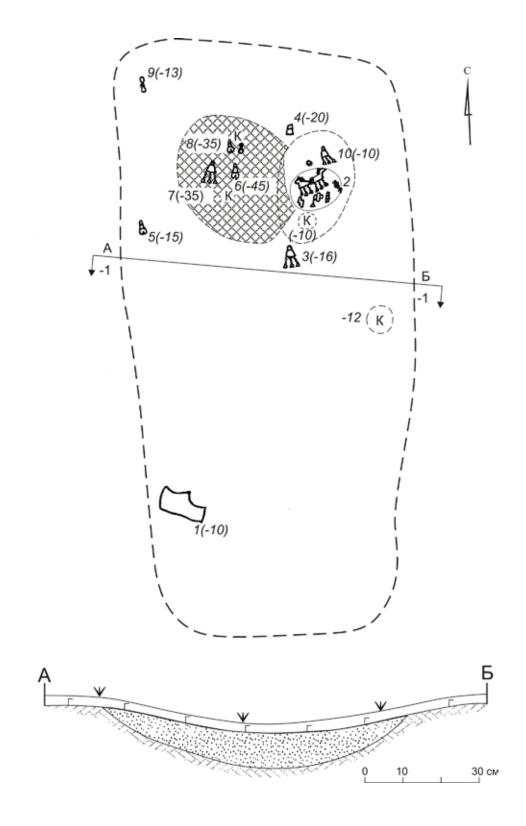

Рис. 5. План и стратиграфия погребения № 3.

1 – топор; 2 – скопление украшений (зооморфные подвески, Ф-овидные, цилиндрические, конусовидные, спиралевидные пронизки, бронзовая бусина, цеперазделитель); 3 – арочная шумящая подвеска; 4 – конусовидная пронизка; 5, 6, 8 – грушевидные бубенчики; 9 – звено цепочки; 10 – арочная шумящая подвеска

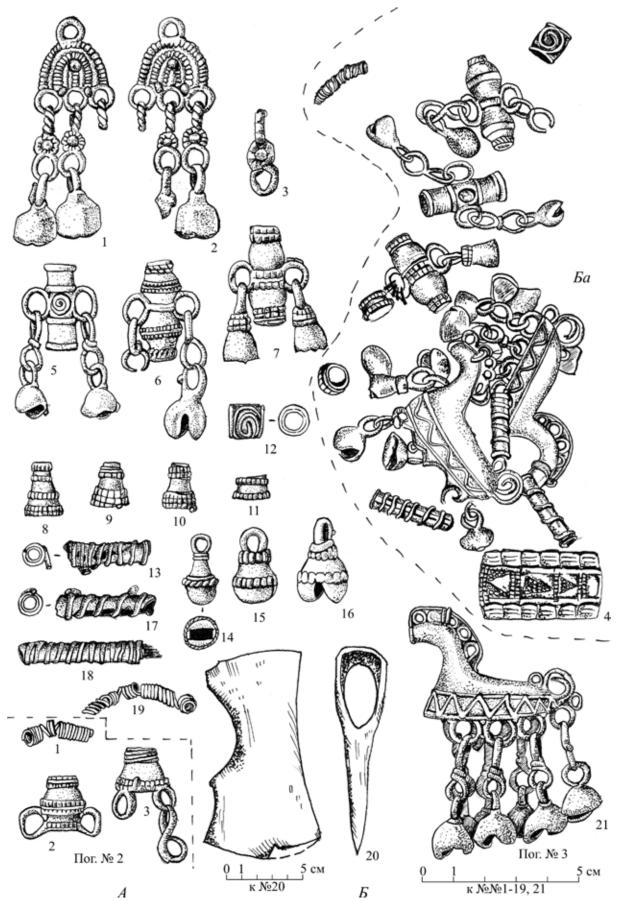

Рис. 6. А – инвентарь погребения №2; Б – инвентарь погребения № 3; Ба – расположение вещей в погребении № 3. Пог. № 2. 1-3 – бронза; пог. № 3. 1-19, 21 – бронза, 20 – железо

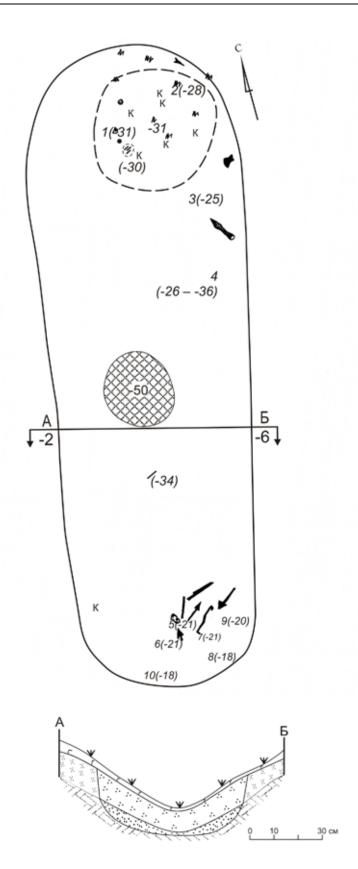

Рис. 7. План и стратиграфия погребения № 4.

1 – бусина от височного кольца; 2 – двушипный наконечник стрелы; 3 – тесло; 4 – наконечник копья; 5 – нож; 6 – стамеска; 7, 9, 10 – двушипные наконечники стрел; 8 – обломок остроги.

К стратиграфии: I – мох; II – белесый песок (подзол); III – белесый смешанный песок; V – материк

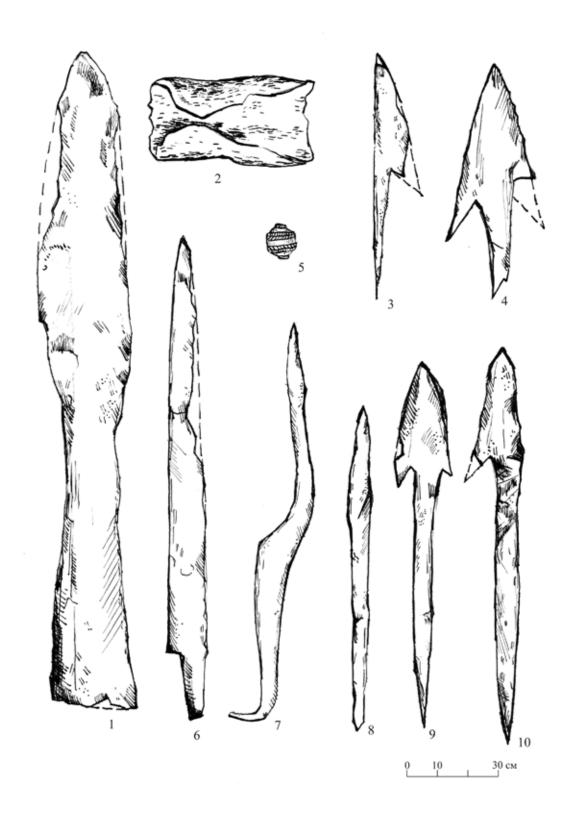

Рис. 8. Вещевой инвентарь погребения № 4. 1-4, 6-10-железо; 5-серебро

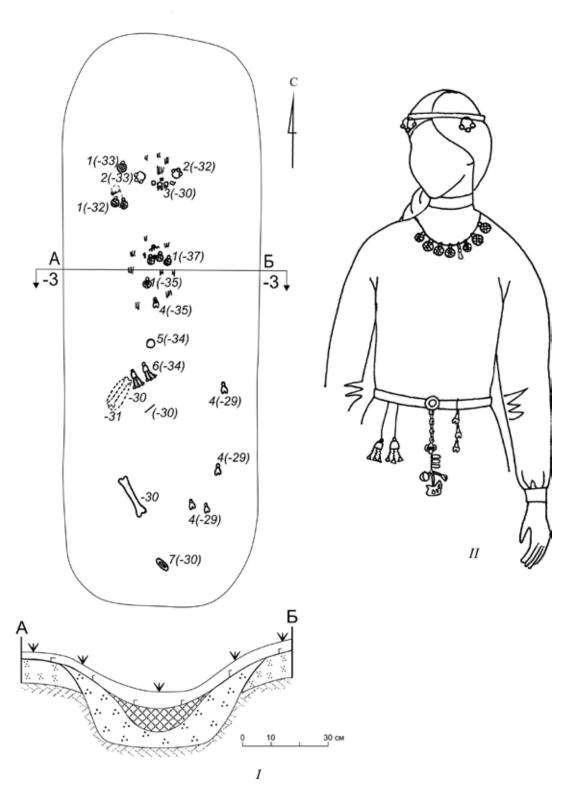
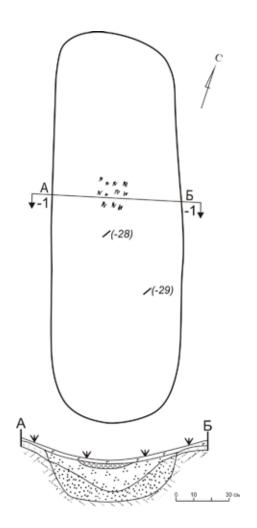

Рис. 9. Погребение № 5. I-план, стратиграфия: 1-решетчатые подвески; 2-височные кольца; 3-зубы; 4-грушевидные подвески; 5-поясное кольцо; 6-арочные шумящие подвески; 7-кресало. <math display="block"> II-реконструкция костюма

Рис. 10. Вещевой инвентарь погребения № 5. $1\text{-}11-\mathsf{бронзa};\ 12-\mathsf{железo}$

<u>ВЫПУСК XIX</u> 2015

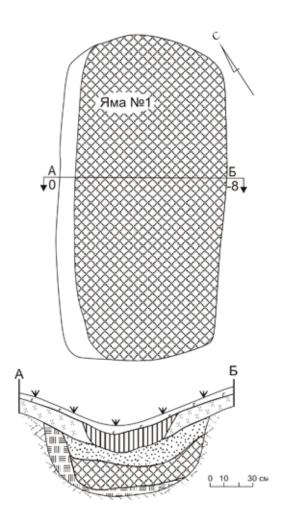

Рис. 11. План и стратиграфия погребения № 6

Рис. 12. План и стратиграфия ямы № 1

ВЫПУСК ХІХ 2015

М.В. Кленов

ЖИГАНОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ (МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК 2001, 2009 гг.)

Публикуется коллекция предметов, полученных в ходе раскопок Жигановского поселения – наиболее крупного из поселений эпохи средневековья на европейском Северо-Востоке. Рассматриваются планиграфия и стратиграфия памятника, дается описание остатков сооружений, относящихся к ванвиздинской и вымской археологическим культурам.

Ключевые слова: европейский Северо-Восток, р. Вымь, поселение, ванвиздинская культура, Пермь Вычегодская, древнерусская колонизация, средневековье.

M.V. Klenov

ZHIGANOVO SETTLEMENT (MATERIALS OF EXCAVATIONS OF 2001, 2009)

The collection of the items obtained during excavations of Zhiganovo settlement – the largest of the settlements of the Middle Ages in the European Northeast is published. Planigraphy and stratigraphy of the site are considered, the description of the remains of the constructions referring to Vanvizdino and Vym' archaeological cultures is given.

Keywords: the European Northeast, the Vym river, settlement, Vanvizdino culture, Vym' archaeological culture, Old Russian colonization, the Middle Ages.

Среди нескольких десятков археологических памятников эпохи средневековья, известных к настоящему времени на европейском Северо-Востоке (далее – ЕСВ), наиболее малочисленную группу составляют поселения^{*}. Данный тип памятников характеризуется, как правило, небольшой площадью, отсутствием выраженного культурного слоя и маловыразительным вещевым комплексом, что является одной из причин незначительного интереса исследователей к их целенаправленному изучению. Жигановское поселение в настоящее время является наиболее крупным из известных поселений XII–XIII вв. на ЕСВ.

История археологического изучения Жигановского поселения

Памятник расположен на левом берегу р. Вымь, примерно в 1 км северо-восточнее д. Жигановка и 2 км восточнее с. Турья, на II надпойменной террасе высотой около 16 м, в 270 м от берега реки. С южной и северной

сторон площадка поселения ограничена небольшими оврагами (рис. 1).

Жигановское поселение было открыто Вымским археологическим отрядом КФ АН СССР под руководством Э.А. Савельевой в 1961 г. На основании полученных в ходе раскопок 1961, 1964 гг. материалов Э.А. Савельдатировала памятник Размеры памятника определялись в 5500-10000 кв. м. В 1984, 1985 гг. экспедициями Сыктывкарского университета под руководством Э.А. Савельевой исследовалась центральная часть памятника, где было вскрыта площадь свыше 600 кв.м. Полученные материалы позволили ей высказать предположение, что поселение было основано вычегодскими пермянами (Савельева, 1971. С. 78, 79). Однако, встреченная в комплексе вещевых находок круговая керамика и некоторые типы украшений, определяемых как древнерусский импорт, указывали на присутствие среди обитателей поселения русских поселенцев. Период функционирования памятника был сужен до XII-XIII вв. (вероятнее, XIII в.) (Савельева, 1986. С. 10).

В 1987 г. В.С. Зеленский исследовал южную и центральную части площадки. На площади в 124 кв. м изучен комплекс ям хозяйственного назначения, остатки

^{*}Всего, по имеющимся данным, на территории европейского Северо-Востока известно не менее 35 могильников и, предположительно, около 15 поселенческих памятников, относящихся к рассматриваемому периоду. К числу наиболее крупных поселенческих памятников относятся: Пожегское городище (около 1,8 тыс. кв. м), Карыбйывское городище (около 1 тыс. кв. м), Жигановское поселение (около 2–2,5 тыс кв. м) и поселение Гуль-Чунь (около 0,8 тыс. кв. м).

металлообрабатывающей мастерской (Зелен- и ский, 1988). Раскопки в центральной части п показали отсутствие остатков сооружений и резкое сокращение количества культурных и остатков эпохи средневековья в направлении п севернее раскопа 1985 г.

В 1989, 1990, 2001, 2009 гг. М.В. Кленов продолжил исследования южной части памятника, где была изучена площадь около 600 кв.м (Клёнов, 1989, 1990, 2001, 2009). В ходе раскопок были получены материалы, относящиеся к двум археологическим культурам эпохи средневековья – ванвиздинской (2-я пол. І тыс.) и вымской (1-я пол. ІІ тыс.). Основная масса находок датировалась ХІІ–ХІІІ вв. Материалы, полученные в ходе раскопок 1964–2001 гг., были частично опубликованы (Савельева, Кленов, Зеленский, 1993; Кленов, Попова, 2001; Кленов, Плисов, 2001).

Общая площадь раскопов 1961–2009 гг. составила около 1600 кв.м. Раскопки показали, что культурный слой памятника разрушен пахотой. Остатки наземных конструкций не сохранились. Были выявлены котлованы 29 ям, относящихся к хозяйственным или жилым постройкам (27 исследованы). Наибольшая концентрация ям отмечалась на участках раскопов 1985, 1989, 1990, 2001 гг. (22 объекта). Вещевые находки встречались по всей площади раскопов, наиболее интенсивно – в южной и центральной частях поселения. Основная масса полученного материала датировалась XII–XIII вв*.

Планиграфия раскопов 2001, 2009 гг. Общая площадь раскопов заложенных на памятнике составила 220 кв. м (рис. 1). При проведении раскопочных работ установлено, что культурные остатки, залегающие в слое пахоты (серая супесь различных оттенков), расположены преимущественно в верхней части (за исключением предметов, встреченных в очажных и хозяйственных ямах), рассеянно и на разных глубинах. Основная часть коллекции представлена мелкими (до 4 кв. см) и средними (до 10 кв. см) неопределимыми обломками неорнаментированной керамики * Большинство определимых изделий, полученных

фрагментами металлических мелкими предметов. Отсутствие выраженных скоплений материала, остатков наземных построек и сильная фрагментированность керамики подтверждают вывод о полном разрушении культурных напластований расположенных выше уровня материка**. Насыщенность слоя находками незначительна, уменьшается к краю площадки и вглубь террасы, на некоторых участках находки отсутствуют полностью. Отмеченные особенности распределения находок могут свидетельствовать как об особенностях планировки поселения, так и о сильном уровне антропо-техногенного воздействия на памятник в более поздний период.

Исследования 2001 г.

Раскоп 1 прирезан к северной стенке раскопов 1989, 1990 гг. (рис. 1). Коллекция находок, полученных при разборке пахотного слоя, содержит: бусы стеклянные и их обломки (7 экз.) (рис. 6, 39, 41), бронзовую кольцевидную бусину (рис. 6, 47), ножи (2 экз.) (рис. 6, 15), глиняное грузило (рис. 6, 1), кресало овальное короткое (рис. 6, 21), обломок бронзового изделия (брак?), небольшой обломок корпуса цилиндрического замка, фрагменты бронзовых привесок (2 экз.) (рис. 6, 34, 36), обломки кованных железных гвоздей (2 экз.), обломок острия костяного орудия (рис. 6, 5), оселки (3 экз.), клинья (4 экз.), небольшой фрагмент лепного сосуда (льячки?), обломки медных и бронзовых пластин (8 экз.), неопределимые обломки железных изделий (5 экз.), шлаки (6 экз.), фрагменты лепной (21 экз.) (рис. 7, 16, 18, 20, 23, 24, 26–28, 31, 34, 35) и круговой (25 экз.) (рис. 7, 1, 3, 9, 12, 13) керамики, мелкие фрагменты керамики (470 экз.).

В процессе раскопок, после снятия слоя пахоты, выявлен один объект (яма).

Объект № 1 (кв. 9, 10 – а, б) (рис. 4). Котлован ориентирован по линии СЗ – ЮВ. Форма котлована в плане подтрапециевидная в верхней части (что объясняется разрушением части стен юго-западного угла) и подпрямоугольная с выступами по углам (в углах сохранились следы столбов). Предположительные размеры котлована:

в ходе исследования памятника, относятся к типам, имеющим широкое распространение на территории Восточной Европы (и восточноевропейского севера в частности) и подробно описаны в статье 1993 г. (Савельева Э.А., Кленов М.В., Зеленский В.С., 1993). В силу данных обстоятельств подробный перечень аналогий не приводится.

^{**} Аналогичная картина фиксируется по всей площади памятника исследованной в ходе предшествующих раскопок.

ней), глубина – до 0,7 м.

Стратиграфия заполнения:

- 1. Темный углистый песок мощность слоя до 0,12 м.
- 2. Смешанный серо-желтый с углями песок до 0,48 м.
- 3. Смешанный серо-желтый с вкраплениями обожженной глины песок – 0,36-0,6 м. В слое содержится большое количество камней (остатки печи).
- 4. Перемешанный песок охристого цвета до 0,12 M.
- Подзол до 0,08 м.
- 6. Углистый слой до 0,08 м.
- Материк.

В заполнении восточной части котлована расчищено крупное скопление камней остатки печи. Камни крупного размера (диаметр до 30 см), обожженные, залегают преимущественно в слое 3 (под наклоном с востока к западу). Максимальная мощность скопления (до 0,7 м) отмечается у восточной стенки.

Среди камней и ниже, преимущественно в западной части котлована, встречаются фрагменты сгоревшей деревянной конструкции (перекрытие котлована) в виде крупных углей или обломков обугленных плах. Плахи из хвойной древесины (лиственица?) обработаны на полубрус. Ширина сохранившихся фрагментов до 12 см, длина - до 25 см, толщина – до 2 см. Остатки плах ориентированы по линии СЗ - ЮВ, залегают под наклоном к центру ямы.

Наблюдение за стратиграфией в процессе раскопок позволило высказать предположение, что в котловане располагалась каркасно-столбовая конструкция, над которой поверх деревянного помоста была установлена печь - каменка. Во время пожара деревянные элементы сооружения разрушились, и печь обвалилась в яму (прослеживаются фрагменты проломившихся плах перекрытия).

При исследовании заполнения была получена коллекция вещевого инвентаря, включающая фрагменты лепной (8 экз.) и круговой керамики (23 экз.) (рис. 7, 5, 11, 14, 19); обломок железной иглы, обломки ножей (2 экз.) (рис. 6, 14, 19); бусы стеклянные и бронзовые (5 экз.) (рис. 6, 40, 41, 43, 44, 46), бронзовую пронизку (рис. 6, 35), привески шумящих украшений (2 экз.) (рис. 6, 29, 30); бронзовый

1,8 х 1,7 м (в верхней части), 1,25 х 1,5 м (в ниж- шарик из бубенчика, фигурную пластинчатую поясную накладку из железа (рис. 6, 25), мелкие обломки железных изделий (6 экз.), обломки медных и бронзовых пластинок (5 экз.), зуб крупного жвачного животного. Основная масса находок залегала в слое темного углистого и смешанного серо-желтого с углями песка (соответствует слоям 1, 2 описания) и, вероятно, попала в яму после разрушения сооружения. Среди камней и в слое смешанного серо-желтого с вкраплениями обожженной глины песка находки практически отсутствовали (найдены бронзовая кольцевидная и зонная стеклянная бусины, фрагменты венчика и стенок кругового сосуда).

> Характер заполнения ямы, ее конструктивные особенности, обвалившаяся печь, малое количество находок, встреченное собственно в яме (в подпечном пространстве и среди камней) позволяют предполагать, что данное сооружение относится к остаткам наземной жилой постройки.

> Раскоп 2 прирезан к западной стенке раскопа 1990 г. (рис. 1–3). Коллекция находок, полученных при разборке пахотного слоя, содержит: обломок железного долота (рис. 6, 22), обломок железного цилиндра навесного замка (рис. 6, 7), неопределимый обломок пастовой бусины, фрагменты круговых сосудов (4 экз.) (рис.7, 15), фрагменты лепной керамики ванвиздинского времени (2 экз.), мелкие неопределимые фрагменты керамики (12 экз.) (рис. 3).

> При выходе на уровень материка были зафиксированы остатки сооружений в виде комплекса ям (котлованы пяти ямок, канавка) и пятен прокаленного песка (рис. 2). Форма большинства ям в плане круглая, стенки наклонные. Заполнение составляет темно - коричневый смешанный с угольками песок. Находки представлены небольшими скоплениями фрагментов ванвиздинской керамики, шлаками, фрагментами сильно ошлакованной керамики, мелкими кальцинированными косточками (рис. 2, 3; табл. 1).

> Канавка (кв. 14 - Б, В) ориентирована по линии С - Ю. Ее размеры: длина - 2,9 м, ширина – 0,28-0,64 м, глубина – до 0,28 м. Заполнение представлено серо-желтым смешанным с угольками песком. В нем найдены фрагменты керамики (9 экз.) и обломки кальцинированных косточек. В северной части

расположены две столбовые (?) ямки (диаметр 10–12 см, глубина до 18 см). Аналогичная канавка исследована в 1990 г. в кв. 12, 13 Б-Г, где были изучены остатки сооружения, включающие канавку (размеры 3,2 х 0,5 х 0,27 м) и две ямы (размеры ям – $1,6 \times 0,6 \times 0,4 \times 2,2 \times 1,2 \times 0,4 \text{ м}$).

Сопоставив изученные объекты с объектами, исследованными в 1990 г., можно предположить, что они относятся к единому комплексу построек (или постройке?) ванвиздинского времени. Предположительно, данное сооружение имело подпрямоугольную в плане форму и занимало площадь около 30 кв. м. При изучении находок из ям (сильно ошлакованная керамика, кальцинированные косточки и железистые шлаки), находящихся северо-западней постройки (кв. 14 Г, раскоп 2001 г.), можно предположить, что эти объекты связаны с процессом обработки железа (цементация?).

Раскоп 3 прирезан к северной стенке раскопа 1990 г. (рис. 1, 5, 6, 7). Коллекция вещевого инвентаря из слоя пахоты содержит: обломок железной пружины навесного замка (рис. 6, 10), рамку железной пряжки (рис. 6, 26), основу бронзовой конусовидной подвески (рис. 6, 31), обломок бронзового пластинчатого перстня с гравированным орнаментом (рис. 6, 38), небольшой железный крючок (рис. 6, 3), ключ цилиндрического замка типа Д (рис. 6, 6), обломок корпуса цилиндрического замка, гвоздь, нож (рис. 6, 18), бубенчиковидную привеску (рис. 6-33), шаровидный бубенчик с линейной прорезью (рис. 6, 28), железные кольца (рис. 6, 26, 27), фрагменты лепной (2 экз.) (рис. 7, 21, 29, 33) и круговой (9 экз.) (рис. 7, 4, 6-8, 10) посуды, обломки железных (3 экз.) и бронзовых изделий (4 экз.), мелкие фрагменты стенок керамической посуды (54 экз.).

После разборки слоя пахоты на фоне желтого материкового песка выявлен один еще один объект (яма).

Объект № 2 (кв. 13, 14 – Л, М) (рис. 5).

Форма выемки в плане овальная, дно уплощенное, стенки пологие, ориентирована по линии ССЗ - ЮЮВ. Размеры: 2,9 х 1,68 (1,8) х 0,4 м. Заполнение:

- 1. Серый перемешанный с вкраплением угольков песок - до 0,3 м.
 - 2. Серый зольный песок до 0,12 м.
 - Серо-желтый

- до 0,06 м.

- 4. Углистый слой до 0,06 м.
- 5. Пестрый смешанный песок (заполнение нор).
 - 6. Желтый материковый песок.

При разборке заполнения котлована расчищено скопление камней (диаметр до 24 см). Камни залегали над углистым слоем по южному, восточному и северному склонам котлована.

Коллекция находок, полученная при разборке заполнения котлована объекта № 2, довольно разнообразна, хотя и немногочисленна: промысловые орудия и производственный инвентарь - крупный рыболовный крючок (рис. 6, 4), кольцевидный камень (грузило?), плоское сланцевое изделие с просверленным отверстием (грузик?) (рис. 6, 2), обломок льячки со следами металла; бытовые предметы обломки ножей (2 экз.) (рис. 6, 16), обломки крупных железных игл (3 экз.), обломок костяного изделия с орнаментом (рис. 6, 37), оселки (2 экз.), фрагменты венчиков лепного и кругового сосудов (2 экз.) (рис. 7, 2, 25, 30, 32); бытовой и производственный мусор - мелкие фрагменты керамики (14 экз.), неопределимые обломки железных предметов (3 экз.). Самой немногочисленной категорией находок являются украшения, представленные одним бобровым астрогалом.

Состав находок (промысловые орудия, ножи, оселки, незначительное количество керамики) и характер сохранившихся элементов конструкции позволяют предполагать, что объект № 2 является остатками наземной хозяйственной постройки связанной, вероятнее всего, с рыболовством.

Исследования 2009 г.

Коллекция находок, полученных при разборке пахотного слоя, содержит украшения и их фрагменты (13 экз.), оружие (1 экз.), производственный (2 экз.), бытовой и мелкий хозяйственный инвентарь, бытовые и производственные отходы (рис. 8).

Металлические украшения представлены изделиями из медных сплавов: деформированным щитковым перстнем плохой сохранности (рис. 8, 16), шаровидными бубенчиками (3 экз.) (рис. 8, 20-23), фрагментами шумящих украшений - грушевидными смешанный песок бубенчиками – привесками (2 экз.) (рис. 8, 18,

BUILVCK XIX 2015

19), орнаментированной пронизкой конической формы (рис. 8, 23), привеской «утиная лапка» (рис. 8, 25), «колоколовидной» пронизкой (рис. 8, 24), конической привеской (рис. 8, 26), ременной гарнитурой – крупным кольцом разделителем (рис. 8, 17). Бусы представлены двумя экземплярами (оба изделия оплавлены): малая зонная бирюзового (?) цвета, черная (?) бусина с красными и желтыми пятнами (рис. 8, 27). Оружие и производственный инвентарь представлены железным черешковым наконечником стрелы (рис. 8, 2), обломком орудия для обработки дерева и кости (нож/ резец?) (рис. 8, 13) и фрагментом каменной составной литейной формы (рис. 8, 1). Бытовой и мелкий хозяйственный инвентарь включает фрагменты круговой (предположительно четыре сосуда) (рис. 8, 28-30, 37, 41) и лепной (предположительно пять сосудов) посуды (рис. 8, 32–36, 38–40); кованные железные гвозди (2 экз.) (рис. 8, 3, 4); железные клинья (2 экз.) (рис. 8, 6, 12); обломки оселков (2 экз.) (рис. 8, 5); обломки железных игл (?) (2 экз.) (рис. 8, 7); обломок скобы (?). Бытовые и производственные отходы представлены обрезками пластин из медных сплавов (фрагменты котелков?) (5 экз.) (рис. 8, 8-11); сплесками металла (2 экз.) (рис. 8, 14, 15), мелкими шлаками (5 экз.), фрагментами костей животных.

В процессе раскопок, после снятия слоя пахоты, выявлены два объекта $(ямы)^*$.

Объект № 3 (яма, кв. III В¹). Форма объекта в плане близка к подпрямоугольной, прослеживается нечетко, что объясняется нарушением слоя норами и пахотой. Ориентирован по линии 3СЗ – ВЮВ. Размеры ямы в верхней части – 120 х 70 см. В восточной части, на уровне фиксации объекта, отмечены небольшие камни (размер до 8 см).

Объект № 4 (яма, кв. III, IV Д¹, Е¹). Форма объекта в плане (на уровне фиксации), предположительно, близка к квадратной, прослеживается нечетко. Ориентирован по линии ССЗ – ЮЮВ. Предполагаемые размеры ямы в верхней части – 120 х 110 см. В восточной части отмечены небольшие камни (размер до 10 см).

Функциональное назначение выявленных объектов и их принадлежность * В ходе многолетних раскопок неоднократно встречались следы раскорчевки, а также выемки грунта, связанные с сельскохозяйственной деятельностью жителей д. Жигановка.

к археологическому средневековому комплексу поселения, в настоящее установить невозможно.

Таким образом, в ходе раскопок 2001, 2009 гг., были исследованы остатки сооружения ванвиздинского времени, а также выявлены и частично исследованы четыре ямы (объекты № 1-4), относящиеся, вероятнее всего, к наземным постройкам эпохи средневековья (предварительная дата XII-XIV вв.). Одним из важнейших результатов можно считать открытие остатков сооружения ванвиздинского времени, предположительно связанного с железообработкой. Следует отметить, что большинство известных памятников ванвиздинской культуры в долине р. Вымь располагаются двумя группами: первая – по нижнему течению р. Выми и Вычегды (Ванвиздинское поселение, поселение Чежтыяг), вторая - от д. Весляна вверх по течению р. Выми и р. Елвы (Веслянское I поселение и могильник, Евдинский могиль-Усть-Кедва, Усть-Комыс, Надепиян-Шор) (Памятники истории и культуры, 1990. Рис. 49; Археология Республики Коми, 1997. С. 450). Таким образом, полученные в ходе раскопок на Жигановском поселении материалы позволяют говорить о существовании стационарного (долговременного) железообрабатывающего комплекса ванвиздинского времени в среднем течении р. Выми, где ранее находки, датируемые 2-й пол. І тыс. н. э., встречались единично (поселения Ниремка I, Ягу-яр).

Основная часть коллекции материалов, полученной в ходе раскопок 2001, 2009 гг. из культуровмещающих отложений памятника, датируется XII–XIII вв. Однако встречаются также находки более позднего времени, что позволяет предполагать функционирование поселения и в XIV в**. В целом практически весь комплекс вещевого инвентаря и остатки сооружений находят широкие аналогии на русских средневековых памятниках, что подтверждает предположение о несомненной связи поселения с процессом русской колонизации Европейского Севера – одного из важнейших исторических процессов, сыгравших огромную роль в формировании

^{**} Находка ключа цилиндрического навесного замка типа «Д» датируемого, по новгородской хронологической шкале началом XIV – серединой XV в.

лесной зоны Восточной Европы.

Литература

Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. 758 c.

Зеленский В.С. Отчёт группы Вымского археологического отряда о раскопках Жигановского поселения в 1987 г. // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 421. 16 л.; НА ИА PAH. P-1. № 14622.

Кленов М.В. Отчёт Вымского археологического отряда по итогам полевых экспедиционных работ в Княжпогостском районе Коми АССР в 1989 г. // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 422. 48 л.; НА ИА РАН. Р-1. № 13945.

Кленов М.В. Отчёт группы Вымской археологической экспедиции по итогам раскопок Жигановского поселения (Княжпогосткий район Коми АССР) в 1990 г. // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 458. 24 л.; НА ИА PAH. P-1. № 17212.

Кленов М.В. Отчёт Вымского археологического отряда по итогам полевых экспедиционных работ в 2001 г. // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 590. 58 л.; НА ИА РАН. Р-1. № 25775.

Кленов М.В. Отчёт Вымского apxeoлогического отряда по итогам раскопок Жигановского поселения в Княжпогостском районе Республики Коми в 2009 г. // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 764. 45 л.

Кленов М.В., Попова Е.В. Средневековые Европейского Северо-Востока поселения XII-XIII BB. (по материалам раскопок

и развитии средневекового населения всей Жигановского поселения в 2001 г.). // Геологоархеологические исследования в Тимано-североуральском регионе / Доклады 4 научконференции ΦЦП «Интеграция». Сыктывкар. 2001. С. 81-86.

> Кленов М.В., Плисов В.А. Новые находки ванвиздинского времени в долине Выми // Геолого-археологические исследования в Тимано-североуральском регионе / Доклады 4 научной конференции ФЦП «Интеграция». Сыктывкар, 2001. С. 87-91.

> Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. C. 156-177.

> Лесман Ю.М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород: проблемы синхронизации // Археологические исследования Новгородской земли. Л.: Изд. ЛГУ, 1984. C. 118-153.

> Памятники истории культуры: Княжпогостский район Коми ACCP. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. 96 с.

> Савельева Э.А. Отчет Вымского археологического отряда Северо-Двинской экспедиции о раскопках Жигановского поселения и Пожегского городища в 1985 г. НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Л. 357, 358.

> Савельева Э.А. Пермь вычегодская. М.: Наука, 1971. 224 с.

> Савельева Э.А., Кленов М.В., Зеленский В.С. Жигановское поселение // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье. Сыктывкар, 1993. С. 141-157. (МАЕСВ. Вып. 12).

Раскоп 2. Характеристика ям

Таблица 1

	Форма	Размер, см		Находки			_
No		Диаметр	Глубина	Керам.	Кальц. кости	Шлаки	Примечания
1	Круглая	28	20	+	+	+	Керамика (22 экз.), ошлакован. керамика.
2	Круглая	30	24	+	+	+	Керамика (21 экз.), ошлакован. керамика.
3	Круглая	40	12	+	+	+	Керамика (43 экз.), ошлакован. керамика.
4	Неправ. овальн.	22	26	+	-	-	Керамика (1 экз.)
5	Круглая	22	8	+	+	-	Керамика (10 экз.), ошлакован. керамика.

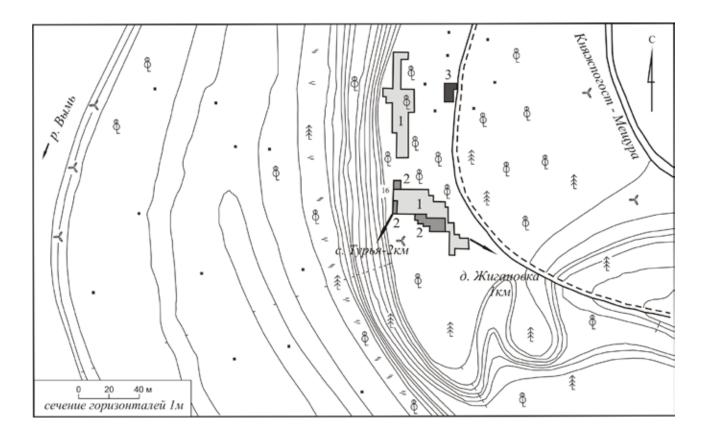

Рис. 1. Жигановское поселение. План-схема расположения. Использована план-схема Э.А. Савельевой из отчета 1986 г. Дополнена и исправлена автором. Условные обозначения: 1 – раскопы 1964-1990 гг.; 2 – раскоп 2001 г.; 3 – раскоп 2009 г.

Рис. 3. Жигановское поселение 2001 г. Раскоп 2. Комплекс ванвиздинской керамики. 1-6 – яма №1 (кв.14 Γ), 7-8 – яма №2 (кв. 14 Γ), 9 – яма №3 (кв. 14 Γ), 10 – яма №5 (кв. 14 Γ), 11 – канавка (кв. 14Б), 12 – яма (кв. 14Б)

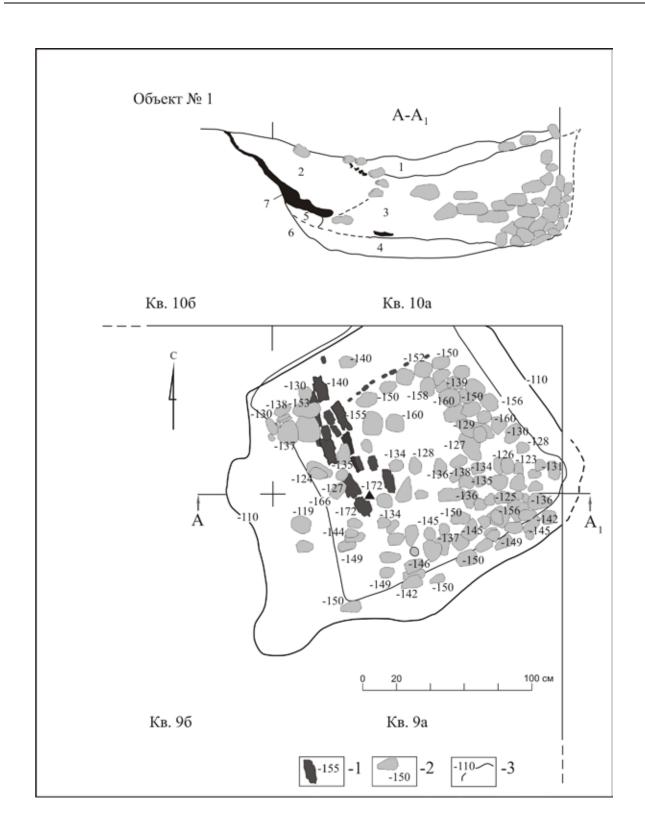

Рис. 4. Жигановское поселение 2001 г. Объект №1. План конструкций и разрез.

Условные обозначения к разрезу: 1 – темный углистый песок; 2 – смешанный серо-желтый с углями песок; 3 – смешанный серо-желтый песок с вкраплениями обожжённой глины;

^{4 –} перемешанный песок охристого цвета; 5 – подзол; 6 – материк; 7 – углистый слой. Условные обозначения к плану: 1 – горелые плахи; 2 – камни; 3 – контур ямы

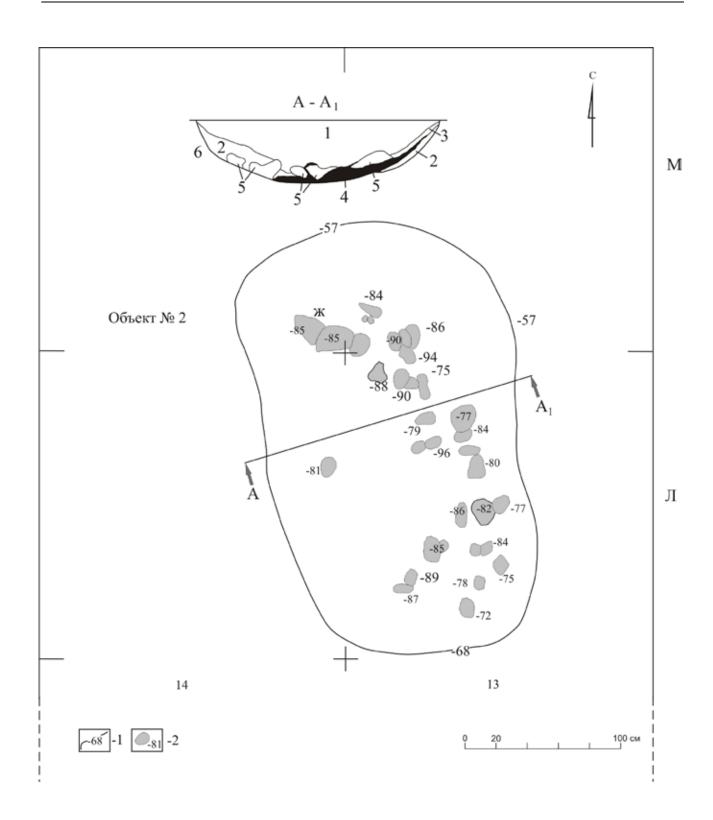

Рис. 5. Жигановское поселение 2001 г. Объект №2 (кв. 13,14 Л,М). План конструкций и разрез. Условные обозначения к разрезу: 1 – серый перемешанный с угольками песок; 2 – серый зольный песок; 3 – серо-желтый смешанный песок; 4 – углистый слой; 5 – пестрый песок (норы); 6 – желтый песок (материк). Условные обозначения к плану: 1 – контур ямы; 2 – камни

Рис. 6. Жигановское поселение 2001 г.

Вещевой инвентарь: 1 – грузило; 2 – грузик; 3, 4 – крючки рыболовные; 5 – обломок острия; 6 – ключ; 7-10 – фрагменты замков; 11 – обломок гвоздя; 12, 13 – фрагменты металлических сосудов; 14-19 – ножи; 20 – обломок иглы; 21 – кресало; 22 – обломок долота; 23 – обломок оселка; 24 – обломок изделия; 25 – поясная накладка; 26, 27 – ременные кольца;

28 – бубенчик; 29, 30, 33 – привески шумящих украшений, 31 – пронизка; 32, 34 – обломки украшений; 35 – пронизка; 36 – обломок перстня; 37-43 – бусы; 44 – обломок костяного изделия. 1 – глина; 2, 23 – камень; 3, 4, 6-11, 14-22, 25-27 – железо; 5, 44 – кость;

12, 13, 24, 28-36, 43 - медь, бронза; 37-42 - стекло

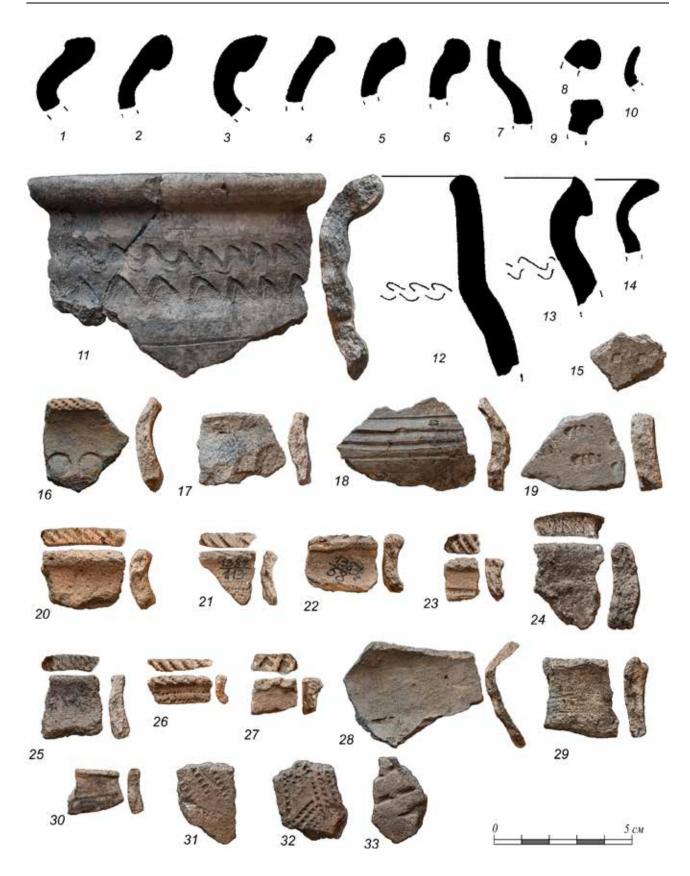

Рис. 7. Жигановское поселение 2001 г. Вещевой инвентарь. 1-15, 18 – фрагменты круговой посуды, 16, 17, 19-33 – фрагменты лепной посуды

Рис. 8. Жигановское поселение 2009 г. Вещевой инвентарь: 1, 2 – гвозди; 3 – литейная форма; 4 – наконечник стрелы; 5, 12 – клин?; 6 – обломок иглы; 7 – обломок оселка; 8-11 – обломки изделий; 13 – обломок ножа?; 14, 15 – сплески металла; 16 – перстень;17 – бусина; 18, 21, 23-26 – привески шумящих украшений; 19, 20, 22 – бубенчики; 27 – поясное кольцо; 28-39 – фрагменты керамических сосудов. 1, 2, 4-6, 12, 13 – железо; 3,7 – камень; 8-10, 14-16, 18-27 – медь, бронза; 17 – стекло; 28-39 – керамика

ХІХ УРАЛЬСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ СЫКТЫВКАР, 10–16 НОЯБРЯ 2013 Г.

С 10 по 16 ноября 2013 г. в г. Сыктывкаре на базе Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН проходила Всероссийская научная конференция с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание», посвященная проблемам переходных эпох в археологии. В ее работе приняли участие более 80 человек, представляющих 35 научных, образовательных и музейных учреждений из городов Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Екатеринбурга, Перми, Ижевска, Йошкар-Олы, Сыктывкара, Нижнего Тагила, Салехарда, Петрозаводска, Вологды, Тарту, Хельсинки. Всего за время работы научного форума на трех пленарных и 10 секционных заседаниях было заслушано 59 устных (семь пленарных и 52 секционных) и обсуждено 10 стендовых докладов. В докладах рассматривались вопросы, касающиеся теоретических проблем переходных эпох в археологии, исследования различных категорий археологических источников, итогов полевых археологических работ в 2010-2013 гг., междисциплинарных исследований, истории и историографии уральской археологии. Участники конференции отметили, что Уральские археологические совещания являются значимым фактором сохранения преемственности и развития исследовательских традиций. Отмечены также активное участие в работе молодых ученых, широкое развитие междисциплинарных исследований, успешное развитие нового научного центра уральской археологии в г. Салехарде. В то же время была высказана обеспокоенность снижением количества докладов, посвященных проблемам археологии эпохи камня, энеолита-бронзы, раннего железного века. Издан сборник материалов конференции. Следующее XX Уральское археологическое совещание состоится в 2016 г. на базе Удмуртского государственного университета и Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН в г. Ижевске.

XIX URAL ARCHAEOLOGICAL MEETING Syktyvkar, November 10–16, 2013

The All-Russia scientific conference with international participation «XIX Ural archaeological meeting» devoted to problems of transitive epochs in archeology, was held in Syktyvkar on November 10-16, 2013 on the basis of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. More than 80 people representing 35 scientific, educational and museum establishments from Moscow, St. - Petersburg, Kazan, Ekaterinburg, Perm, Izhevsk, Ioshkar Ola, Syktyvkar, Nizhni Tagil, Salekhard, Petrozavodsk, Vologda, Tartu, Helsinki took part in its work. At 3 plenary and 10 section sessions there were presented 57 oral (7 plenary and 50 section) and 10 poster reports. The problems concerning theoretical problems of transitive epochs in archeology, researches of various categories of archaeological sources, results of field archaeological works in 2010-2013, interdisciplinary researches, history and historiography of the Ural archeology were considered. Participants of the conference pointed out that the Ural archaeological meetings are the significant factor of preservation of continuity and development of research traditions. They also noted active participation of young scientists in the work of the conference, wide development of interdisciplinary researches, successful development of a new centre of science of the Ural archeology in Salekhard. At the same time concern of decrease in quantity of the reports devoted to problems of archeology of the epochs of Stone, Eneolithic-Bronze, Early Iron Age was expressed. The collection of materials of the conference was published. The next XX Ural archaeological meeting will take place in 2016 on the basis of the Udmurt State University and the Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch, RAS, in Izhevsk.

Уральские археологические совещания (УАС) – один из старейших научных форумов в советской и современной российской археологии. В 2017 г. исполнится 70 лет с момента проведения первого УАС, которое было проведено в 1947 г. в г. Перми. У истоков организации и проведения этих форумов стояли такие известные отечественные археологи,

В настоящее время совещания являются одними из крупнейших и значимых в стране. Одной из традиций является проведение их в разных научных центрах. В Сыктывкаре УАС проводилось в 1967 и 1989 гг. Решение о проведении здесь очередного форума 2013 г. было принято в 2010 г. в г. Уфе на Всероссийской научной конференции «XVIII Уральское аркак О.Н. Бадер, Е.М. Берс, К.В. Сальников. хеологическое совещание», тогда же была

определена тема очередного форума, связанная с проблемой переходных эпох в археологии. На этом же мероприятии было принято решение о придании совещанию статуса всероссийской конференции с международным участием, а также о том, что в программе

работы должны быть доклады, в которых освещаются вопросы истории и историографии уральской археологии.

Представляем резолюцию XIX Уральского археологического совещания.

РЕЗОЛЮЦИЯ XIX УРАЛЬСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ

(Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, 10-16 ноября 2013 г.) Принята на заключительном пленарном заседании 15ноября 2013 г.

Коми НЦ УрО РАН при финансовой поддержке проекта РГНФ-Республика Коми «Европейский Север: история, традиции, перспективы», проект № 12-11-11501г (р), Программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект № 12-П-6-1002 «Формирование и развитие археологических культур эпохи железа на территории Европейского Северо-Востока: традиции и инновации», Программы междисциплинарных фундаментальных исследований учреждений УрО РАН, проект № 12-М56-2037 «Изменение природной среды и климата и их влияние на расселение первобытного человека в голоцене в бассейнах Ижмы и Вычегды» проведена Всероссийская научная конференция с международным участием «XIX УРАЛЬСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОВЕ-ЩАНИЕ», посвященная проблеме переходных эпох в археологии. В ее работе приняли участие более 80 (55 иногородних) человек, представляющих 37 научных, образовательных, музейных учреждений из Москвы (Институт археологии РАН, Институт геологии РАН, Московский государственный университет и Государственный научно-исследовательский институт реставрации), Санкт-Петербурга (Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербургский государственный университет, Музей антропологии им. Петра Великого, Российский этнографический музей), Екатеринбурга (Институт истории и археологии УрО РАН, Уральский федеральный университет), Перми (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермский государственный педагогический универси-

10-16 ноября 2013 г. на базе ИЯЛИ и археологи УрО РАН), Ижевска (Удмуртский государственный университет, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН), Йошкар-Олы (Марийский государственный университет, Марийский научно-исследовательский институт), Петрозаводска (Петрозаводский университет, Институт языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН), Казани (Институт истории АН Республики Татарстан, Казанский государственный университет культуры и искусств), (Научный изучения Салехарда центр Арктики), Вологды (Вологодский государственный музей-заповедник, Муниципальное образовательное учреждение дополнительного образования детей детско-юношеский центр «Лидер»), Кирова (Вятский государственный гуманитарный университет), Уфы (Башкирский государственный университет, Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя «Уфа»), Нижнего Тагила (Нижнетагильская государственсоциально-педагогическая академия), Финляндии (университет г. Хельсинки), Эстонии (университет г. Тарту). В конференции приняли участие с докладами 13 сотрудников научных центров г. Сыктывкара (Институт языка, литературы и истории и Институт геологии Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкарский государственный университет, Национальный музей Республики Коми). Заочно стендовые доклады представили исследователи из Усть-(Историко-краеведческий Катава Череповца (Череповецкий государственный университет), Вологды (Центр туризма и экскурсий), Казани (Институт истории АН Республики Татарстан).

Широкая география участников совещатет, Пермский филиал Института истории ния свидетельствует о значимости Уральской

археологии как в формировании научных знаний о различных исторических эпохах, так и об эффективности работы исследовательских коллективов Урала по его археологическому изучению.

На конференции были обсуждены доклады, в которых рассматривались различные аспекты переходных эпох в археологии, актуальные вопросы методологии и методики полевых и камеральных исследований, междисциплинарных исследований, истории и историографии археологии, подводились итоги полевых археологических работ в 2010–2013 гг.

Всего за время работы научного форума было заслушано 59 докладов, из них семь на трех пленарных и 52 – на девяти секционных заседаниях. Обсуждено 10 стендовых докладов. Пленарные заседания проходили 11 и 15 ноября. На них были представлены доклады, касающиеся теоретических вопросов изучения переходных эпох в археологии, истории Уральской археологии, междисциплинарных исследований в археологической науке, характеристики археологических культур, итогов работ Камской археологической экспедиции в 2000-е гг. С 12 по 14 ноября проводились заседания по пяти секциям:

- 1. Эпоха камня.
- 2. Эпоха энеолита-бронзы.
- 3. Ранний железный век.
- 4. Эпоха средневековья.
- 5. История и историография Уральской археологии.

Участникам конференции была предоставлена возможность ознакомиться с экспозицией и фондовыми коллекциями Музея археологии ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. 11 и 13 ноября было организовано посещение экспозиций Национального музея Республики Коми. Работа XIX Уральского совещания освещалась в средствах массовой информации Республики Коми.

Участники конференции отмечают большую плодотворную организационную работу по подготовке и проведению XIX УАС Института языка, литературы, истории Коми НЦ УрО РАН. Совещание подчеркивает, что решения предшествующего XVIII Уральского археологического совещания в г. Уфе выполнены.

Общие результаты работы Совещания

Секция «Эпоха камня»

Заслушаны и обсуждены 13 устных докладов и краткие презентации двух стендовых докладов, четыре стендовых доклада без презентаций. Докладчиками освещены все этапы заселения уральского региона от ранней поры верхнего палеолита до перехода от неолита к эпохе раннего металла. Палеолитическая тематика представлена докладами, посвященными новым раскопкам таких известных памятников, как Капова пещера и Гаринская стоянка. Исследовались вопросы интерпретации новых материалов эпохи мезолита, культурных образований эпохи неолита Урала и Севера Русской равнины. Рассмотрены проблемы «неолитизации» и особенности протекания данных процессов в разных регионах. Ряд докладов был посвящен вопросам, связанным с осмыслением организации культового пространства памятников различных регионов Урала и сопредельных территорий и использованием редких минералов в культовых целях.

Секция «Эпоха энеолита и бронзы»

На секции заслушано пять докладов, посвященных анализу поселенческих комплексов, погребального обряда, орнаментальных традиций в гончарстве, выделению археологического микрорайона эпохи энеолита-бронзы на Севере Европы, в Уральском и Западносибирском регионах.

Секция «Ранний железный век»

На секции заслушано девять устных и обсуждено два стендовых доклада, в которых рассматривались вопросы, связанные с исследованием древностей переходных эпох в лесной и степной зонах Уральского региона, анализом бус из раскопок памятников Среднего Прикамья и Южного Урала, кельтов Усть-Полуйского поселения-святилища, реконструкцией женского костюма переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку в Волго-Камье, характеристикой культовых изделий кулайской культуры и археологических культур эпохи железа на территории европейского Северо-Востока.

ВЫПУСК ХІХ 2015

Секция «Эпоха средневековья»

На секции было заслушано и обсуждено 28 устных и два стендовых доклада. Большой интерес вызвали доклады по дискуссионным проблемам финно-угорской археологии, генезису и этнокультурной принадлежности ряда археологических культур и культурных типов. Серия докладов была посвящена развитию кузнечного и бронзолитейного производств, источниковедческому анализу керамики, металлических украшений, интерпретации отдельных типов археологических памятников, новым археологическим исследованиям. Большой интерес вызвали сообщения по археологии нового времени. Особо отмечены доклады по антропологии, так как антропологические источники имеют исключительно важное значение для решения проблем этногенеза, а также доклады, посвященные современным методам полевых исследований.

Секция «История и историография Уральской археологии: формирование профессионального сообщества и профессиональных норм»

На секции было заслушано три доклада, которые были посвящены истории археологии Татарстана, истории изучения археологических памятников эпохи железа на севере Прикамья и на территории европейского Северо-Востока. Особый интерес вызвал доклад по истории формирования археологических школ Татарстана.

Участники Уральского археологического совещания считают необходимым отметить следующее:

Широкое развитие междисциплинарных исследований привело к значимым научным результатам в области полевой археологии, изучении отдельных категорий археологического материала, реконструкций исторических процессов.

Исследования по истории и историографии уральской археологии являются необходимой основой изучения археологических проблем региона. Исследование истории развития археологического сообщества и развития научных коммуникаций создает основу для формирования историко-научных компетенций молодых исследователей. Изучение научных биографий археологов является важным средством профессиональной

социализации археологов.

Активное участие в обсуждении научных проблем молодых исследователей, доклады которых были основаны на тщательном и скрупулезном анализе источников (Т.Ю. Туркина, А.Л. Белицкая, И.М. Тимушева, Е.Л. Ларионова (Русских), Д.В. Шмуратко, С.А. Перевозчикова, А.Н. Сарапулов, Е.В. Юркова, А.В. Акилбаев, В.Н. Кузнецова, Ал.В. Гусев, Ан.В. Гусев, А.В. Плеханов, О.С. Тупахина, Д.С. Тупахин).

Успешное развитие нового центра уральской археологии (руководитель Н.В. Федорова) в г. Салехарде (Ямало-Ненецкий АО), для которого характерно применение новых методов и технологий археологических исследований, что было отражено в прозвучавших на конференции докладах.

Существенное снижение количества докладов по эпохам камня, энеолита-бронзы, раннего железного века, сокращение представительства из научных центров Челябинска, Оренбурга, Тюмени, Барнаула, Кемерово, Новосибирска, Казахстана.

Участники совещания выражают обеспокоенность возросшим количеством несанкционированных раскопок, авторы которых не соблюдают методические принципы полевых археологических исследований, нанося тем самым невосполнимый ущерб археологическому наследию России.

Успешная работа XIX Уральского археологического совещания - свидетельство значения этих научных форумов как важнейшего канала региональных, межрегиональных, международных и междисциплинарных коммуникаций, значимого средства профессиональной социализации, эффективного инструмента постановки и обсуждения теоретико-методологических и концептуальных проблем, продуктивного механизма приращения нового знания, важнейшей формы региональной самоорганизации археологического сообщества, значимого фактора сохранения преемственности и развития исследовательских традиций в археологии.

XIX Уральское археологическое совещание, являющееся одним из крупнейших и старейших научных форумов России, постановляет:

1. Провести Всероссийскую научную

конференцию с международным участием целенаправленную работу по созданию исто-«XX Уральское археологическое совещание» в 2016 г. на базе Удмуртского государственного университета и Удмуртского Института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (г. Ижевск).

- 2. Предоставить оргкомитету ХХ УАС право определить тематику работы совещания. В то же время участники совещания просят оргкомитет в рамках избранной темы конференции рассмотреть возможность включить в программу ее работы вопросы, связанные с проблемами выделения археологических культур и их генезиса, итогами изучения крупных историко-культурных областей различных археологических эпох, формированием современного населения Севера европейской части России и Урала по антропологическим источникам.
- 3. Ввести в практику совещаний проведение тематических пленарных заседаний с докладами по археологии, антропологии, историческому языкознанию, этнологии.
- 4. Участники совещания предлагают оргкомитету XX УАС рассмотреть вопрос о выделении секций: палеолит и мезолит; неолит и бронзовый век; сакральные археологические памятники; новейшие археологические открытия.
- Учитывая юбилейный характер ХХ УАС, совещание предлагает начать

рии УАС, отразить эту тему в проблематике будущего археологического совещания. Совещание считает необходимым монографическое осмысление истории уральской археологии, биографии ее важнейших деятелей.

- 6. В условиях трансформации профессионального археологического образования считать возможным развитие сетевых программ профессионального археологического образования с целью подготовки кадров, нехватка которых проявилась на совещании в ходе работы секций эпохи камня, энеолитабронзы и раннего железного века.
- 8. За заслуги в развитии археологических исследований, подготовку кадров высшей квалификации, популяризацию научных знаний наградить Почетной грамотой **Уральского** археологического совещания д.и.н. Э.А. Савельеву.

Председатель Оргкомитета XIX УАС, директор Института языка, литературы истории Коми НЦ УрО РАН, д.и.н. И.Л. Жеребцов

Заместитель председателя Оргкомитета XIX УАС, заместитель директора Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, к.и.н. И.О. Васкул

Список сокращений

АО – Археологические открытия

ИАК – Императорская археологическая комиссия

ИФС – Историко-филологический сборник

ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН - Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

МАЕСВ – Материалы по археологии европейского Северо-Востока

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НА ИА РАН – Научный архив Института археологии Российской академии наук

НА Коми НЦ УрО РАН – Научный архив Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

ТАС – Тверской археологический сборник

Сведения об авторах

Васкул Игорь Орестович – кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по научным вопросам Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Волокитин Александр Васильевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Волокитина Надежда Александровна – кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии педагогической антропологии ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина».

Зеленский Владимир Степанович – старший научный сотрудник (1994–2014 гг.) Национального музея Республики Коми.

Карманов Виктор Николаевич – кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Кленов Михаил Викторович – научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Лузгин Валерий Евгеньевич (1937–1990 гг.) – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник (1960–1976 гг.) сектора археологии Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР (в настоящее время – Коми НЦ УрО РАН).

Мурыгин Александр Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Павлов Павел Юрьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, заместитель председателя Президиума Коми НЦ УрО РАН по научно-организационным вопросам.

Савельева Элеонора Анатольевна – доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Туркина Татьяна Юрьевна – младший научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Содержание

Предисловие	5
Павлов П.Ю. О первоначальном заселении Урала	8
Волокитин А.В., Волокитина Н.А., Карманов В.Н. Мезолитический	памятник
Пезмогты 6 в среднем течении реки Вычегды	16
Зеленский В.С. Памятник эпохи бронзы Синегорье I на Цильме	39
Лузгин В.Е., Мурыгин А.М., Карманов В.Н. Археологические памятники	бассейна
реки Сула (Малоземельская тундра)	53
Васкул И.О. Керамический комплекс гляденовского времени поселения Ки	тостав на
верхней Печоре	71
Туркина Т.Ю. Поселение Бичевник I на средней Печоре (по материалам	раскопок
2013 г.)	80
Савельева Э.А . Кичилькосьский II могильник	
Кленов М.В. Жигановское поселение (материалы раскопок 2001, 2009 гг.)	110
XIX Уральское археологическое совещание	123

Contents

Introduction	5
Pavlov P.Yu. On initial settling of the Ural region	8
Volokitin A.V., Volokitina N.A., Karmanov V.N. Mesolithic site Pezmogty 6 in	the middle
course of the Vychegda river	16
Zelensky V.S. Sinegorye I site of the bronze epoch on the Tsilma river	39
Luzgin V.E., Murygin A.M., Karmanov V.N. Archaeological sites of the Sula	river basin
(Malozemelskaya tundra)	53
Vaskul I.O. Ceramic complex of glyadenovo time from Kitostav settlementon	the upper
Pechora	71
Turkina T.Yu. Bichevnik I settlement on the middle Pechora (on materials of e	xcavations
of 2013)	80
Savelyeva E.A. Kichilkoss II burial ground	89
Klenov M.V. Zhiganovo settlement (materials of excavations of 2001, 2009)	110
XIX Ural archaeological meeting	123

ISBN 978-5-906394-30-9

Научное издание

ПЕРВОБЫТНЫЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА

Рекомендовано к изданию ученым советом Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН

Технический редактор – Н.К. Забоева Оригинал-макет – И.М. Тимушева Компьютерный набор. Подписано в печать 30.11.2015. Формат 60*84~1/8 Усл. печ. л. 15,3. Уч.-изд. л. 13,8. Тираж 500 экз. Заказ № 76.

Отпечатано с оригинал-макета в ООО Центр оперативной полиграфии Сыктывкар, Первомайская, 70, тел. 24-05-31, 24-46-57.